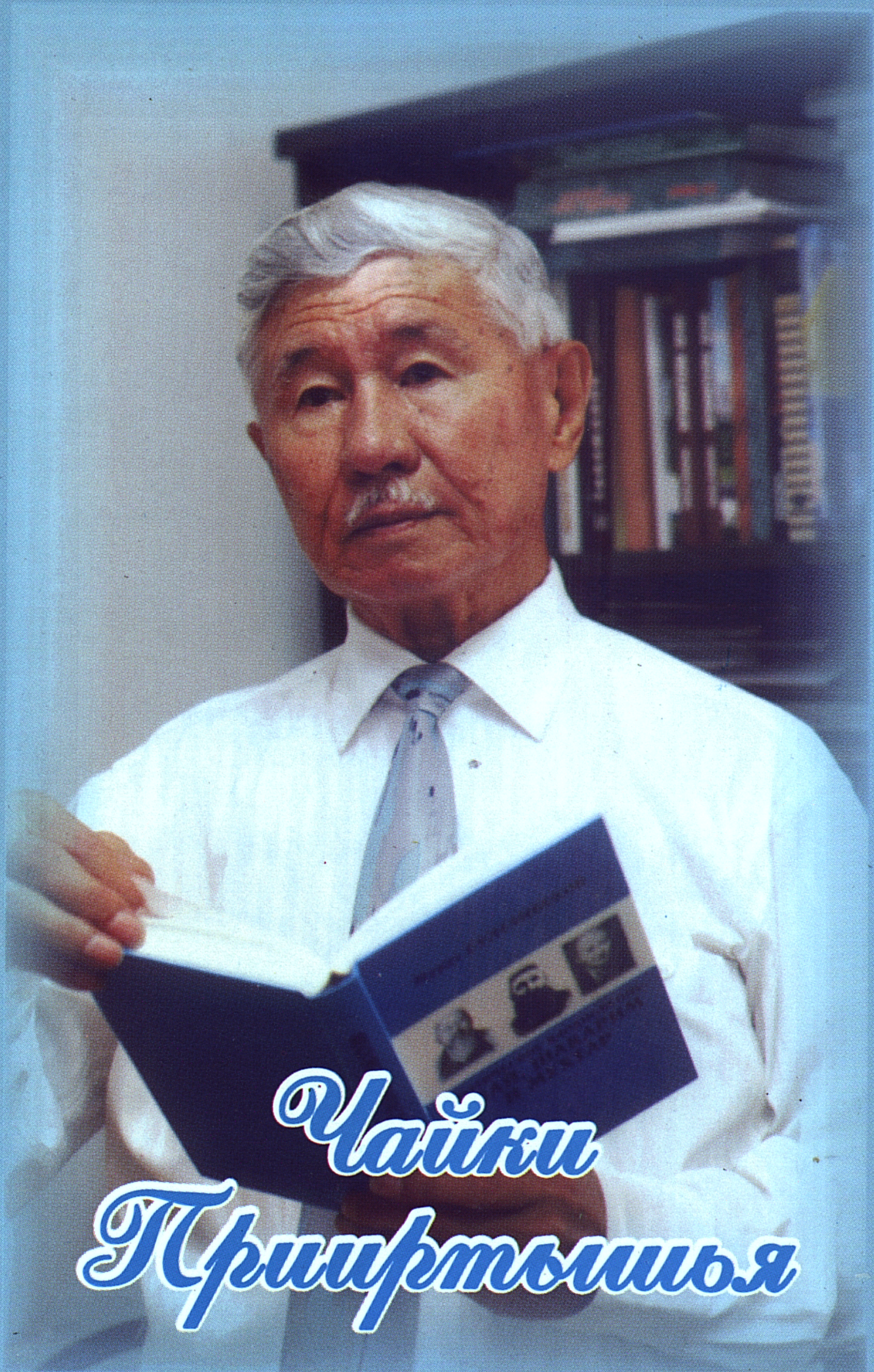

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

*Чайки
Триуртмия*

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

Худ. А. Шевченко.

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

Чайки
Тришертмья

СТИХИ И ПОЭМЫ

Избранное

Қазақстан Республикасының
Ғылым және Ғылым Академиясының
Кітапханасына тағзым
етіп, сыйлаймын!

Автор

М. Султанбеков

21.11.2011 ж.

Семей, 2011 год

УДК 821.512.122=811.161.1
ББК 84 (5Каз-рус)-7
С 89

Рецензенты:

Ырысхан МУСАУЛЫ. член Союза писателей Казахстана, Заслуженный деятель Республики Казахстан, кавалер ордена «Курмет»;

Евгений Титаев, поэт, член Союза писателей Казахстана.

СУЛТАНБЕКОВ М.

С 89 Чайки Прииртышья. Стихи, поэмы и переводы. – Семей – 2011- 446 с.

ISBN 978-601-7195-31-1

УДК 821.512.122=811.161.1
ББК 84 (5Каз-рус)-7

ISBN 978-601-7195-31-1

© Султанбеков М., 2011

*Двадцатилетию суверенной
Республики Казахстан посвящаю.*

Автор.

На вошедшие в данную книгу 12 стихов Абая, 26 стихотворений и поэму «Лейли и Меджнун» Шакарима были положительные публикации в республиканских газетах «Қазак әдебиеті», «Казахстанская правда», «Егемен Қазақстан», в областных газетах «Семей таңы», «Вести Семей» и других. Поскольку их предыдущие издания выпускались малым тиражом, они не смогли удовлетворить спрос учебных заведений и библиотек. Поэтому в данный сборник переведённые на русский язык поэтом и учёным, членом Союза писателей и Союза журналистов Казахстана, кандидатом филологических наук Муратом Рахимжанұлы Султанбековым стихи этих двух классиков включены полностью.

Стихи, поэмы и другие переводы М.Султанбекова также имели доброжелательные отклики.

Сборник избранных произведений рассчитан на широкий круг читателей.

ЛИРИКА

МАТРОССКАЯ МУЗА

* * *

Весело, как с парашютной вышки,
«Старики» ныряют под крыло.
Шаг – и надо мною звонкой вспышкой
Яростное солнце рассвело.

Я держусь за солнечные стропы,
Сердце мое, как созревший плод.
Небо, ты не будь сегодня строго:
У меня лишь начался полет.

ТРЕВОГА

Топот торопливых ног,
Бегут, и тут, на ступеньках, кто-то:
- Рота, тревога! Единый бросок –
И мы – вооруженная рота.

Шуток нет, нет лишних слов,
Как будто на лицах иней.
Бросил взгляд на меня Орлов.
Что видит он ночью синей?

Круче дорога. Просвет в небе сиз,
Круг зловещ – залив и сопок силуэты.
Я бегу, но тянет вниз и вниз
Полная выкладка силой планеты.

Вдруг ЧП – вражеский десант?
Иль хотя б пограничная стычка.
Трассируют ночь звуки команд,
Резче слышны, чем обычно.

Цепко хватают на каждом шагу
Ветки, камни да кочки.
Липнут ноги к земле.
Не могу, не могу.

Трудно дышать.
Где конечная точка?
Нелегко взбираться в гору, нелегко;
Дважды выучка интеллигенту.

Ты – с завода, ты рос с молотком.
Я со школы – прямо в студенты.
- Шагом марш! –
Пulsирует кровь в висках.

Догоняю свою шеренгу...
Понимаешь, Алеша, забыл про страх.
- Дай каплю силы, земля, в аренду. -
Воля есть. В бой не был готов.

Значит, место в строю будет пусто...
Если вдруг упаду не я, а Орлов?
(Все ж коварное это искусство).
По-удмуртски не бросит:

«Покурим, отец»,
За «отца» извиняюсь заранее.
Он, любуясь игрой папиросных колец,
Не расскажет о будущих планах.

Далеко за тайгой, возле речки Иж,
Где помнят Чапаева в бурке,
Взгрустнет по нему прибрежный камыш
И заплачут сады Удмуртии...

ОТВЕТ НА ПЕСНЮ

«Мы вас подождем»¹

Занимается новое утро
Над границей советской земли...
Мы встаем по сигналу «побудка»,
Мы живем от любимых вдали.

Наша жизнь – дни тревог, дни учений,
И в короткий солдатский досуг
Вспоминают ребята с волнением
Своих милых далеких подруг.

Ждите, ждите, родные девчата,
Так, как матери ждут сыновей.
Знайте, слово солдатское свято,
И любви нет солдатской верней.

Вновь та песня согреет солдата,
И девчата в напеве простом
Говорят: «Вы служите, ребята,
Вы служите, мы вас подождем»...

НОВОГОДНЯЯ ВАХТА

Снег. Мороз. И веселые лица,
Песни. Елка и праздничный стол.
Ты сегодня стоишь на границе,
Стережешь этот берег и холм.

Ты запомнил не только «полундру»,
В человека влюблен, как поэт.
Ты стоишь, чтобы здесь он и в тундре,
Знал не только угрозу ракет...
Новый год скоро вселится в кубрик,

¹ См. К. Ваншенкин. Поиски себя. Москва. «Советский писатель». 1985., стр. 357.

И начнется такой перепляс.
Но, случись, боевую протрубят...
Ты запомнил, как в сторону Кубы
Смотрит в «беске» матросский анфас,

Как кричат шаловливые чайки.
Крон ветвистый для чаек – волна,
Новогодняя вахта кончается.
Новый год взял в объятья меня.

Снег. Мороз. И веселые лица.
Песни. Елка и праздничный стол,
После вахты матросу все снится,
Окрыляя, как чайку – простор..

ЗАСЛУЖИЛ

Мы встретились в большом столичном городе.
Но тут не встреча.
Поиск и наскок.
О, если бы не служба в эти годы,
О, если бы не даль путей – дорог!...
И снова перед нами Ала-Тау,
И запах яблок...
Вот зажглись огни.
Мне долго ль помнить скалы и заставу,
В тревоге жить, как у морских границ!

Нет, я не стал грубее там, на флоте:
Матросы душу берегут вдвойне,
Тебя узнал я среди многих сотен.
Ты среди улыбалась мне!

Я не хочу, чтоб стала ты иною.
Иные пусть иной судьбой живут.
Пойдем сегодня в оперу с тобою.
Пойдем в тот мир, где о любви поют.

Еще в ушах и шторм, и шум прибоя, -
Среди пустынных вод я долго жил.
Пойдем сегодня в оперу с тобою,
Поверь, я этот вечер заслужил...

* * *

На службе флотской я немало пробыл.
Но глядя на морскую синеву,
Порой казалось, вижу хлеборобов,
Что днем и ночью, как в бою живут.
И улетали самолеты в небо,
И становились точками вдали.
Хлеба в степи, их налитые стебли
Хранили мы на вахте, как могли.
За днями дни отсчитывала служба
До возвращения в отчие поля,
Хлеб-солью доброй осенью, как нужно,
Нас встретила и обняла земля...
И снова, как на флоте, слышу сводки,
Заветных зерен ощущая горсть.
Земля, как море, знает по походке,
Кто свой на ней, а кто на ней, как гость.
Я с детства, затерявшись среди колосьев,
Комбайны кораблями называл.
Не потому ли там среди матросов.
Я по-сыновьи поле вспоминал...

НА РЫБАЛКЕ

Волнует царство хлорофилла
На разветвлениях реки.
Любовь и счастье сохранили
Нам острова и островки.

Пойди в осенний парк с тоскою,
Пойди с бедою в зимний лес.

Я здесь секрета не открою,
Бывает чудо без чудес.

Иртыш. Иртыш – мой первый лекарь
С накатом волн издалека.
Опять судьбу мою облегчил
Всплеск красноперки, чебака.

Годов пронзительные стрелы
Летят по сердцу, как стрижи.
И сердце гордое запело,
Что будет долго-долго жить.

В воскресный день под солнцем жгучим
Вдыхаю чистый кислород.
Ныряют ребятишки с кручи,
А ты все открываешь рот.

В кустах поют о жизни птицы,
И рыба клюнула.
Держись!
Уж чешуя в лучах искрится,
Искрятся брызги, как зарница.
Ах, удивительная жизнь!..

РОДНАЯ ПОЛОСА

ВЫПУСНИКИ ШКОЛЫ

Транзисторы молчат в прощальном классе,
В распахнутые окна входит май.
На свете есть одно, твое лишь счастье.
Его, как птицу, нелегко поймать.

Большими стали тонкие березы,
Учительница первая в летах.
И девочки смеются, пряча слезы,
Хохочут мальчишки, взрослея на глазах.

Не раз считали окна и ступеньки,
Учили карту мира наизусть.
И на последней школьной перемене
Сама собой подкатывает грусть.

Вместят ли поезда и самолеты,
Учителей, соклассников, берез?
Сомнений нет ничуть, ни на йоту,
Чтоб школу кто-то в сердце не унес...

Есть в жизни перемены и преграды,
Но постоянны года времена.
Осталась в классе,
как всегда, на радость
Улыбчивая, в бантиках весна...

БУДУ РАД

Я помню девочку с косичками недлинными,
Я помню серые задорные глаза.
Ее движения сравнил б я с лебедиными,
А тонкий стан, ну, скажем, как лоза.
С ней не бродил аллеями тенистыми
И нужных слов сказать ей не успел.
Хоть были мы в те годы чисто-чистыми,
Друг к другу каждый как-то охладел.
О, поле, поле, поле белоснежное,
В числе других тот белый огонек.
В сугробах снега потерял я нежность.
На поле том построен городок.
Кого винить? Ее или разлуку долгую?
А может быть, я сам в том виноват.
Но если иногда, идя своей дорожкой,
Как друга детства, вспомнит, буду рад...

В ШКОЛЕ

Наш старый учитель... Пришкольный участок.
Звонки переменок. И шум детворы.
К ним детство мое бесконечно причастно,
Нелегкое детство военной поры.

Оно унеслось, и осталась лишь память
Да чистое небо, да в поле косцы...
Вернулись живые, гремя костылями,
Иль молча неся фронтовые рубцы.

А дети есть дети.
Им надо учиться,
Им надо мечтать
всей вселенской мечтой.
Мне снилось:
иду по проспектам столицы,
Волнуясь еще нерожденной строкой.

О школа!
В каком запыленном архиве
Покоится детство мое,
мой двойник?
Я слышу, он шепчет, встречая:
«Стихи бы»...
То вырвется в окна раскованный крик.
Я снова спешу на звонок аккуратный,
Внезапно смущаюсь в кругу малышей.
Ах, знайте, ребята, в рубахе с заплаткой
Завидует детство мое у дверей...

УЛИЦА КОМИССАРСКАЯ¹

Война гражданская прошла по этой,
По Комиссарской¹ улице моей.
Здесь получил прописку я на свете
И рос среди комиссаровских детей.

Здесь деды беловласые под тенью
Широколиственных деревьев, меря слог,
Рассказ вели об уличных сраженьях.
Мы слушали, устроившись у ног.

Я вспомнил детство в солнце и сиренах,
Полки, оркестры, крики: «О родной!»
Спилили мы деревья в дни осенние,
Что плачут горьким дымом над трубой.

Из-под ладоней шурились старушки,
За письмоносцем – детвора гурьбой.
Пришла победа – замолчали пушки.
Мы закружились, улица, с тобой.

Вернулись победители в пилотках,
В походы трубы больше не трубят.
Назад ушли тревоги, письма, сводки,
Вперед плывут кораблики ребят...

Издаю вхожу в твои объятья, -
Весь в кружевах от окон и дубов.
Пусть и не снится вам, другим ребятам,
Как смотрят окна долго и в упор.

¹ Ныне улица Батыра Богенбая.

ЗВЕЗДА

Брату Самату

Звезда моя,
не ты ль со мной родилась
И детство
проводила у реки?
Не ты ль со мной плыла
на волнах-крыльях,
Земною став,
природе вопреки?
Пути, пути...
И снова звездный город...
Хочу на небо
по ночам смотреть.
Нет мамы, нет, -
и пересохло в горле.
Струись, звезда,
вливая звону в голос.
...Без доброты
и добрых песен нет.

ОТКРЫТКА

Как хорошо, что есть восьмое марта,
Что жизнь и объективна, и мудра.
Мужчины, как «болельщики» азартны,
Воспалены, как игроки, с утра.

Но что найти, достать какую птицу,
Чтоб крылья ощутила дочь моя,
Чтоб дом мой покидая в колеснице,
Не забывала птицу и меня.

А ты, сестра, давно за синей птицей
Вспорхнула вдруг с родимого крыльца.
Заполнили наш дом другие лица,
Как копии то мамы, то отца.

По-мартовски и голуби воркуют,
Носители спокойствия земли.
Жена, жена, я про себя толкую,
Что правильно дороги пролегли.

Семейный лад.
Свекровь была, как лето,
В беседе мирной распивала чай.
Открытку, мама, сына и поэта,
Последней, как при жизни, получай...

ПРИБОЩЕНИЕ К ТЕАТРУ И.К. Вишневскому

Война...
Нужда послевоенных лет.
Каким-то чудом притянула сцена,
Костюмы, грим и суета сует:
Любовь и дружба, преданность, измена.
В спектаклях-сказках
низвергалось зло:
Иван-царевич сек мечом булатным,
Арбузовскую Таню занесло
Стезей романтики в Сибирь куда-то...
По-русски зазвучала и «Майра»,
Где зря ловчил Дурбит
в турецкой феске.
Премьеры все сквозь годы, как вчера,

Встают за тюлем – легкой занавеской.
Тот наш союз питает до сих пор
Окрепшее духовное здоровье,
И если где-то будет перебор,
То вспомним сказки –
жизни предисловье.

И скажем, что нам в детстве повезло,
Что рано мы входили в мир театра.

Наш первый режиссер, без лестных слов,
Предвидел, подсказал и наше завтра.

В далекой юности послевоенных лет,
Великим чудом притянула сцена.
И в нашем режиссере клином свет
Сошелся
и остался неизменно...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПТИЦ

...Смотрите же, други, -
весеннее диво:
Небесный парад под взволнованный крик.
Грачи чернокрылые стаей шумливой.
И строй журавлиный по-воински лих,

Наверно, кричат, стосковавшись по дому.
Наверно, наш край им роднее, чем юг.
Так вот почему не могу я подолгу
Хранить безмятежность
в дни и ночи разлук.

Курлычат призывно в той сини глубокой.
Командуют что ль на своем языке?
Звенят в моем сердце высокие строки, -
Я тоже лечу с ними в тесном рядке.

Коль были ошибки, сегодня их смою,
Родные края я не меньше люблю.
Я снова мальчонка с кристальной душой:
Ладонями клин журавлиный ловлю.

Есть в детстве далеком грачиные гнезда...
В окно я следил за работой грачей.
Тогда я смотрел на них с детским вопросом,
Не зная, что в жизнь их возьму, как друзей.

Закрою глаза – снова в детство лечу я.
О, как по-саврасовски птиц мне воспеть!
Они нынче радость мне дарят, врачуя,
Смывая тревоги всех прожитых лет...

МОЛОДОЕ ЛЕТО

Шиповника куст возвестил о начале
Иртышского красного лета.
У берега чайки опять закричали,
Волнуя младенца и деда.

Особое лето у нас, в Прииртышье:
Боярка, черемуха, травы, цветы.
Как плещется рыба в реке,
так и слышно.
Притих одуванчик, стыдясь наготы.

Не мчись напролом по зеленым просторам,
Спокойно пройди по полянам в цветах.
И запах полыни почувствуешь горлом,
Ромашки и ягоды встретишь в кустах.

Доносится песня с летучей «Ракеты»,
И волны по галькам пускаются в пляс.
К воде побежали беспечные дети.
Пусть нынче и солнце палит, не скупясь.

Хорошее лето. Богатое лето,
Дома этажами уносятся ввысь.
Ребятам – строителям с высшей отметкой
На небе чужда, как пилотам, корысть.

Причалил июнь. Начинается лето.
Колосья нальются, созреет арбуз.
Хоть я улечу на другую планету,
К тебе, Прииртышье, опять возвращусь...

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Идут студенты.
Ноша вся в портфелях.
Беспечный смех:
- Синица! Красота!

И парами смотрели, что-то пели.
Я встретил юность осенью
вот так.

Ах, осень, осень!
Мне не так уж грустно.
В тебе есть
свой кочующий уют.

Ты возвращаешь
к позабытым чувствам,
что, как синица.
Вереща, клюют.

Вот этот парк,
Какой-то вальс забытый.
Хороший взгляд,
И молодая стать.

В осенний день
пред памятью открытой
лишь листья могут
тихо так летать.

Любовь была
как тоненькая нитка.
Где смелость, там и робость.
Вот контраст!

Однажды
Так захлопнулась калитка,
Что полетел

разорванный «контракт»...
У осени свои цвета
и краски.
В газету долго смотрит
дед в очках.
Всплывают где-то
И мечты, и сказки,
И музыка
веселого катка.
По небосводу
пролетают птицы,
Чтоб их не заморозил
ранний снег.
А я то смел, то робок
И мне снится,
Что слышу то отчаянное:
- Нет!...

ОСЕНЬ НА ИРТЫШСКОМ ОСТРОВЕ¹

Шуршанье листьев, словно отзвук детства,
Гармошка, самовар и конь гнедой...
Досталось мне великое наследство –
Иртышский остров и отцовский дом...

Рыбачат на протоке мои дети,
И галки суматошные парят.
На острове я вспомнил стих поэта,
Кто вел отсчет годам от сентября².

Сильны под ветром тополя столетние
И кленов оголенные стволы.

¹ Ранее и ныне называется Полковничий остров в Семее.

² А опять минувшее итожу.

Мой день рожденья у моих дверей.

Я поднимаю солнечную ношу –

Охапку отзвеневших сентябрей.

Семён Анисимов.

Мы много песен спели этим летом,
Зимой перепоют ли нас щеглы...

В высоких тополях повисли гнезда.
И вправду ненасытен долгий взгляд.
С моста такси сверкают, словно звезды,
Как мчится светлый катер.
Глянь-ка, глянь!

Легки стрекозы.
Крылья их прозрачны,
Как та вода, что в русле Иртыша.
Забыты все удачи, неудачи.
Так в Прииртышье осень хороша.

1992 г.

СТАРОЖИЛ

Уже немало лет, уже за сорок...
Здесь преданно живу я, старожил.
Цела изба отца, где вор, как ворог,
Скрепя по снегу, вокруг нее кружил.

Была война и в доме пусто-пусто,
(Не знаю уж, кого тут совестить).
Но этот скрип пристал к тем первым чувствам,
Что суждено так долго нам нести.

Игрушек нет, но все ж должны быть игры:
Я строил из песка дома, дворец.
И незаметно в оглушенном мире,
Смежив глаза, ушел от нас отец.

Осталась мать. Единственная мама,
Сегодня и тебя уж нет в живых.
Оберегла нас, детей, как знамя,
В защиту выступая за двоих.

Забор квадратом. Щель была в воротах,
Пищало коромысло на плечах.
Встревоженный соседскою красоткой,
Зелены куст, казалось, чах и чах.

Калитка, двор, мычащая корова
И пахнущее полем молоко.
И матери поверил я на слово,
Что будущее будет нелегко.

Так нелегко, когда качают корни,
И глаз не различает доброту.
Уж не летит над домом серый коршун,
Когда плывет отечественный «ТУ».

Жива, жива и память первой дружбы,
Хотя дороги дружбы нележки.
Наколками в заброшенной избушке
Мы в верности клялись, как моряки.

«Индейским станом» был иртышский остров,
Мы улюлюкали средь зелени и птиц.
Все было в жизни просто и непросто,
Что иногда и крикну:
- Отзови-и-ись!...

ПРОЩАНИЕ С ТЕАТРОМ

На последнюю встречу с театром
Торопливо шагает актер.
И гремит, и скрипит экскаватор,
Оглушительно стонет мотор.

Разрушается старое здание.
План строителей – компас в пути.
Лишь однажды живет мирозданье,
И един человек во плоти.

Не дано ему новое сердце,
Жизнь прошла поэтапно и враз.
Кулуары, знакомые с детства,
Тенорок неокрепший и бас.

Здесь и сцена была, и квартира,
Здесь услышал он первенца вскрик.
Оживлял этот дом и Шекспира,
Чтоб с актером
На «ты» говорил.

На афишах –
Островский и Майлин...
Разомкнулись «Абая» уста.
Для театра родившийся мальчик
В стариковских ролях неспроста...

Он простился с театром-квартирой:
Роли, роды, актриса – жена.
Настоящие слезы кумира
Видит, падая, сцены стена...

* * *

Еще одна зима уходит в небыль,
На лицах не увяла красота.
Я вспомнил и в огромных хлопьях небо,
И очерк оголенного куста.
Не обвиняю прошлых лет за скорость,
Нет бабушки, котят, веретена.
За нами вслед растет иная поросль,
Надеждой омолаживая нас.
По рельсам катят великаны – краны.
Хожу на поднебесных этажах.
Зима, зима...
Как на киноэкране,
На снежном фоне лица горожан.
На первых каплях – солнечные блики.
Кружит у водостока воробей.

Дороже трелей ныне чик-чирики:
Короткий месяц.
Месяц – бокогрей.
Иные игры нас волнуют ныне,
Но справедливой остается суть:
И на морозах дерево не стынет,
Когда так бесконечен жизни путь.

ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ

Мне повезло на песни и друзей,
На преданных мальчишек и девчонок.
Я вспомнил их в один из ясных дней, -
Звучала песня давняя «Орленок».

Не перечислить всех по именам,
В далеких днях их было много-много.
На острове – тальник и птичий гам,
Купальщики ступают голоного.

Друзья мои, шагая стороной,
Ношу о вас стихи-вспоминания.
Кружила жизнь, как купол голубой
Кружил под карусельные катания.

Друзья постарше открывали мир:
И «Царь Салтан» и «Шурале» Тукая.
Так мы росли на всех ветрах семи,
Что дули, унося и увлекая.

Обрыв иртышский до сих пор Монблан.
В груди звенит июльский голос чаек.
Уплыли и матрос, и капитан,
В иных штормах отчаянно качаясь.

И все-таки надежны паруса,
На мир глаза открыты, как на диво.
За годы полстраны исколеса,
Я вижу вас с иртышского обрыва...

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Почему не уходит зима,
Засыпая балконы снежинками?
По пороше, как будто не март,
День скрипит меховыми ботинками.

В человеке есть верный резон, -
С ощущеньем возраста летнего
К Иртышу уходить на озон,
Как кавказцы – к горам долголетия.

Возвратятся друзья с островов,
Где себя открывали таинственно.
Запоет мое сердце без слов,
Как весною однажды – единственно.

Эх, друзья, улетевшие прочь,
Как скворешен жильцы перелетные.
Нелегко нам друг другу помочь,
Моряки, инженеры и летчики.

Нынче март, как зима, не весна,
Надо бы к встрече друзей подготовиться.
Просто и жизни есть все времена,
Просто весен все меньше становится...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРИИРТЫШЬЕ

О рельсы, стегайте по резвым колесам,
Пусть мчатся назад полустанки, столбы.
Я скоро увижу картинку с откоса:
Мечети и домик, где сторож – бобыль.

Привет, дед морозовы сосны и ели!
Мне чудились звери и в вашей глуши.
Казалось, сквозь ветки, вздыхая, смотрели,
Как в сказке, медведи и их малыши...

Исчезли поля в помидорных свеченьях,
Встают этажами дома земляков.
Попали мечети в кольцо окружений
Широких, высоких, стооких домов.

Бульвары и скверы, за кранами – краны,
Ты все молодеешь, мой город родной.
Но только чуть грустно, что ныне к фонтану
С соклассницей ходит курносый другой.

В свой город я рвусь, как когда-то в столицу.
Здесь степь, лесостепь.
Пограничник – Иртыш.
Здесь давние годы я вижу сквозь листья.
Они берегли меня в дальнем пути,

Иртыш, мой Иртыш,
Ты и грозен, и нежен,
Ты ног отпечатки хранишь на песке.
Костры разведя, мы с рыбацкой надеждой
Сидели ночами, приткнувшись к реке.

Хоть все изменилось, во взрослые годы
По масти я помню своих голубей.

Вагоны, вагоны...
Вагоны-погоны
Пред знаками дальних и близких огней...

ЗА ИРТЫШОМ

Ильясу И.

Над нашим домом голуби летают,
Определяя давние круги.
За Иртышом та юность золотая,
Что стала тенью юности других:

Мы загоняли красношалих в летку.
Черемуха – под синей высотой.
Трусилы мы в пилотках за пилотками,
Забыв о возвращении домой.

И судьбы пораскиданы, как карты,
Вслед голос тот: «Проклятая война!».
Наверно, он в трагическом ударе
На мир воскликнул, думая о нас.

Не потому ль так беспокойна память...
Но наши мушкетеры все в пути.
Как мне искать секрет искусства Пабло.
Так и тебе в дороге не остыть,

На Иртыше играют те же волны.
А голос тот о голубях поет,
Шуршанье слышно снова крыльев звонких.
И свиста сильный, реактивный взлет.

Уж наши дети хмурят в небо брови.
Висков коснулась крыльями зима,
Мотая километрами дороги.
Шофер сильнее всадников Дюма...

Над нашим домом голуби летают,
Определяя давние круги.
За Иртышом та юность золотая,
Что стала светом юности других...

ДОРОГА

Уплыло детство давней осенью.
В нем было небо, звездный стяг.
В наплыве лет заветной просинью,
Оно осталось – мой костяк.

Дорога – вольная артерия.
А отчий кров всегда один.
Не вызывают в нем доверия
В пути промотанные дни.

Есть направленье силы воли.
Пилоты мчат из края в край.
Я торопил и гнал свой возраст –
Умчал на юг, где долог май.

Там пахнет летний зной урюком,
И виноград дразнит лису.
Вдали мне отчий дом порукой:
Ташкент, Дарья и Джетысу...

Ах, путешественница – юность,
Сестра родная аргамаку!
На стольный град любил в полночь
Смотреть в окно и видеть знаки:

То точки окон, э«м» метро,
То СЭВа здание, как книга.
Промеж ночную тьму народ
Мчит в электричке светлой нитью.

И вновь дорога и дороги.
Тайгу я видел наяву.
За дымкой Золотого Рога
На лентах якоря плывут.

Учеба, служба, снова – служба...
В клубок свернувшись и шипя,

Дорога, ставшая подружкой,
Легла у ног моих опять.

Еще есть южные курорты,
Коттеджи белые в Крыму.
До ослабления аорты
Дорога будет по уму...

ЗВЕЗДОЙ ОСЕНИТ... ПОСВЯЩЕНИЯ

СЛОВО ОБ УЛАНЕ МАШРАПЕ

Народ казахский породил батыров,
Чтоб с мест родимых отогнать джунгар.
Очистив от врагов все Прииртышье,
Воспринял это как небесный дар.

Немало земляков подстать Машрапу
На поприще свободы знал Семей.
В милиции Алаш-Орды по-праву
Он находился, что ему видней.

Он выстоял в кругу переворотов,
Как завещал потомкам Баядил.
Свою любовь и преданность народу,
Не растеряв, навечно сохранил.

Потом была железная дорога
С магическим названием «ТУРКСИБ».
В нем лучшие черты даны от Бога,
Поскольку был и славен, и красив.

Придя в ряды милиции советской,
Он заслужил медали, ордена.
Прослав уланом с хваткой молодецкой,
В душе объявлена преступности война.

Он почитал Ауэзова Мухтара,
Среди поэтов был Абай горой.
Не встретил он свободу Казахстана,
Хоть окрылялся под ее звездой.

Теперь узнав о сыне Баядила,
Народ читает книгу и о нем.
Где честность непреклонна, там и сила,
Что уберег Машрап – все дело в том...

2009 г.

НЕЗАБВЕННЫЙ ЗАРЫКБЕК

Любуясь прииртышскою природой,
Мальчонка рос в прибрежном Бокенши.
В мечтах своих он при любой погоде,
Как в космосе, бродил в степной тиши.

Подвластны были впрямь вселенной дали
Такому пареньку, как Зарыкбек.
Он, следуя заветам Кузетая,
Обрел при жизни честь как человек.

Он радовал как сын отца Смаила,
Чье имя славно отчеством пронес.
Тем обаянием природа одарила,
Что воссиял звездою среди звезд.

Он обладал улыбкой космонавта
И наделен был добротой сполна.
Встречали люди, как родного брата,
Ликуя, словно солнышку весна.

Поистине космические дали
Покорны были в жизни и судьбе.
Зачем внезапно сердце перестало
Отстукивать в такт праведной борьбе,

И все-таки не хочется нам верить,
Что Зарыкбек ушел навек от нас.
Он будет жить на памятной поверке
С улыбкой космонавта в добрый час!

Так пусть продолжат эстафету дети,
И здравствует жена и мать Нурпан!
В сердцах людей останется на свете
Наш Зарыкбек, обретший звездный сан...

2007 г.

ПОМНЯ О ТУРЛЫХАНЕ КАСЕНУЛЫ...

Уж много лет Капанбулакской школе,
Где бегает задорно ребятня.
И на жарминском солнечном приволье
Волнует юбилейный зов меня.

Гордился Турлыхан учениками,
Взрастил поэтов, как Саду, Каюм.
Лучи Свободы льнут над головами,
Отринув их от прежних скорбных дум.

Мечтал он как поэт и просветитель,
Чтоб грамоту познал и стар, и млад.
Но в тех тридцатых сам большой учитель
Оболган был как враг и супостат.

Осталась школа как гнездо культуры,
Где обучал он юных аульчан:
На Балтике весь закалившись в буре,
С войны вернулся и моряк Сержан.

Повсюду есть питомцы Турлыхана,
Хоть сам погиб всего лишь в сорок лет.
Мечтая о Свободе Казахстана,
Молился он за суверенитет.

Батыр по духу породил кумиров:
И даже правнук ныне на устах.
А внук Даулет, став чемпионом мира,
За спорт болеет как спортсмен-казах.

Здесь, на жарминском небе, беркут кружит,
Здесь Турлыхан-ата учил детей.
Сплотившись памятью, живут и дружат
Потомки образованных людей...

БРАТЬЯМ ДАУКЕЕВЫМ

Бывает знак от самого рожденья,
Когда вся жизнь отмечена судьбой.
И с малых лет, познав предназначение,
Здесь иртышане осенены звездой.

Такими представляются Даукеевы:
Подростки Жусупбек и Кенжебек.
Ходили в парке летними аллеями,
Мечтая стать полезными навек.

Еще не знали, что живут в Евразии,
Где центром обозначен Жидебай.
Но с каждой неожиданной оказией,
Стихами прорывался к ним Абай.

И стали вскоре одухотворенными,
Гордясь весомым словом «педагог»,
Смотрели на детей всегда влюбленными,
Чтоб каждый черпал знаний сколько мог.

Так к ним пришла и слава всенародная:
Учитель, ректор, лучший мугалим.
Весной река Иртыш вся полноводная, -
Так счастье привалило вкуче к ним.

И дети их, и внуки, как наследники,
Не упускали избранных дорог.
Как будущего верные предвестники,
Средь них есть и аким, и педагог.

Ведомые Даукеевским прозрением,
Они надежно правят у руля.
И мы воспримем это ускорение,
Чтоб процветала добрая Земля...

2004 г.

РИЗЕ МОЛДАШЕВОЙ – В ПАМЯТЬ О БЕКБОЛАТЕ

Известна мне сей горести оплата,
Когда уходит младший брат, любя:
Один оставшись, потерявши брата,
Метнулся в жизнь, не помня сам себя.
По линии закономерной жизни
С восторгом старший зрит на малышей.
Здоровым выйдет из любых коллизий,
Поскольку брат – как компас, нет верней.
Но только бы не растеряться с лету.
Здесь память о былом – ориентир.
Представь себе, что улетел, как летчик,
Чтоб о сестре оповестить наш мир.
Дела его совсем еще недавно
Достойны были всяческих наград.
Но больше мнятся детские забавы,
Как следом топал братик Бекболат.
Пожалуй, есть Аллаха воля свыше
В свою обитель лучших призывать.
Пусть образ брата в памяти превыше
Пребудет, как земная благодать.
Пусть повторится полностью в потомках:
На то дана нам родственная связь.
Живи, Риза, как прежде, славно, громко,
Отвергнув зависть, в мыслях не таясь.
Лишь только там неодолимо горе,
Где голову на звезды не поднять.
Блаженство появляется во взоре,
Когда звездой брат осенит опять...

2009 г.

ВСПОМИНАЯ СУЛЕЙМЕНА НАКЫШУЛЫ УЙСУМБАЕВА.

Придя когда-то с гор Чингисских, парень
Прославился как юный чемпион.
Природой статный рост ему подарен
И силой богатырской наделен.

Потом прослыл победами на схватках
Хозяином борцовского ковра.
На острове Полковничьем как брата
Нередко чествовали чуть не до утра.

К тому же стал красавцем голосистым,
Что песнями Семей был восхищен.
Любовь дана навеки самой чистой-,
Он Хакимой был на всю жизнь пленен.

Подстать родителям повырастали дети,
Как Сулеке, охвачены трудом.
Не счастье ли на этом белом свете,
Когда царит семейный лад кругом.

Пусть дальше продолжаются потомки,
Как завещал им дедушка Накыш.
Звучало имя Сулеймена громко,
Что будет долговечно, как Иртыш.

Не раз он песней наполнял окрестность,
Вселяя радость в лица семейчан.
И вспомнить Сулеймен-агу уместно,
Коль просится на музыку душа.

Как хорошо, что есть на свете люди,
От коих жизнь приятна и легка.
Поэтому есть счастье, есть и будет,
Что держит крепко сильная рука...

2011 г.

ЗВЕЗДА ЖАКИИ ЧАЙЖУНУСОВА

Нависло над страной большое горе,
Нагрязнула Великая война.
И в Кокпекты их стало много вскоре,
Детей, хлебнувших горюшка сполна.

Сновали здесь ребята разных наций,
«Ага» - так называли Жакию.
Сложней иных военных операций
Найти к их душам линию свою.

Но все ж природа сына Чайжунуса
Талантом наградила по всему.
Сквозь бури проходил он, не согнувшись,
Сплотил детдом, как добрую семью.

Взрастил, как символ дружбы всех народов,
Он с Александрой восьмерых детей.
И все-таки мудра сама природа:
Приветы шлют им тысяча семей.

Детдом такой известный стал повсюду:
Овец растил, для армии-коней.
Воспитанники выходили в люди,
Прославив Жакию по всей стране.

И вот пришла однажды и награда:
Сияет на груди его звезда.
Учителю дана не, для парада,
А как венец геройского труда.

На Чайжунусова стоит родная школа,
Мы бегали на берег Иртыша,
Когда весной свой ледоход веселый,
Он начинал, внезапно лед круша.

На этой улице прохожий не случайно,
Взволнован Чайжунусовской судьбой!
Над Иртышом летит и кличет чайка,
У окон школы за его спиной...

1994 г.

К 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ УЧИТЕЛЯ КАЮМА (ГАБДУЛКАЮМА) МУХАМЕДХАНОВА

В январский день шестнадцатого года
Скрипел над Иртышем каленый снег.
Когда царизм кляла сама природа,
Родились Вы как неизвестный человек.

И годы шли буршующе, накатом,
И не было невзятых крепостей.
К восходу Вы пошли, как враг заката,
Сложили Гимн республике своей.

Бывало пасмурно на нашем небосводе,
Но в справедливость веря, как Абай.
Вы жили для народа и в народе,
И воспевали Прииртышский край.

В труде и поисках прожили Вы полвека,
Еще родится не одна строка.
Творите, здравствуйте на радость человека,
Учитель, дорогой Каюм-ага!

Семипалатинск, январь 1966 г.

САЛАМАЛЕЙКУМ, ГЕРМАН ТИТОВ...

Взволнован
Наш Семипалатинск снова.
В честь встречи
Орден Ленина надел.
Он в ожиданьи
Германа Титова
С утра, как добрый дом,
Поевселел.

Ребята чаще
Щурятся на небо.
О космосе толкуют
Старики.
Лишь струны
У акына бьются нервно:
Торопятся взять
В музыку стихи.

Скорей седлайте
Скакунов, джигиты.
С моторным сердцем
Лучше скакуны...
Уже идёт,
Застёгивая китель,
Знакомое нам
Мужество страны.

Земля Абая,
Родина Абая,
Ты-кладовая
Песен и добра:
Ещё Титов
В раздумье улыбается,
О встрече с ним
Поёт уже домбра.
Так здравствуйте,
Саламалейкум!

Пошире космоса.
Распахнуты сердца.
Вдоль улиц люди
Звонкою аллеей
Приветствуют,
Сливая голоса.

И гладят бороды
Седые аксакалы.
От них добиться трудно
Лестных слов.
Но молодо глаза их
Засияли,
Склонившись к внукам в галстуках,
Внушали:
- О, дети, будьте,
Как батыр Титов!

1968 г.

¹ На юбилей Семья летом 1968 года приехал космонавт - 2 Титов Герман Степанович, который стал первым Почетным гражданином этого города. Он на моих стихах, опубликованных в газете «Иртыш», оставил автограф. – М.С.

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ О МУХТАРЕ АУЭЗОВЕ

ПРОЩАНИЕ С АУЛОМ

За грядой гряда Чингисских гор, -
Там обитель светлая Абая.
Дух его представил детский взор:
Вдаль он звал, страницы книг листая.

Долгий путь, извилиста камча
И копыта конские с отдачей...
Не забыл Мухтар разлуки час,
Что казахской песней долго плачет.

На одном из лучших скакунов,
Как джигит, сидит мальчонок юркий.
Отдала все сердце, всю любовь
Внуку Динасиль, хозяйка юрты.

Да, Абай –
Загадка, как звезда.
Сердце след ладони сохранило.
Мухтар-джан запомнил навсегда,
Как к поэту бабушка водила.

В детстве все волнения легки,
Как паренье беркута над степью.
Прыгают ягнята, стригунки...
Что же там, за этой горной цепью?!

Запах трав и солнечная синь,
Лебединым пухом, - облака...
Недруг, красоты той не проси, -
Будет лишь протянута рука.

Облака плывут, как корабли
Капитанов дяди Касымбека.
Караван, как журавлиный клин,
Разлучает с детством человека.

ПРИЕЗД В СЕМИПАЛАТИНСК

Ойхой. какое диво, красота!
В домах кирпичных много ярких окон!
Сбывается аульная мечта
Ауэз-аты, как вещей сон пророка.

Какой Иртыш!
Паром и суета.
Груженные верблюды зло плюются.
Купцы галдят: раз – этак и раз – так,
На сходнях даже кулаками бьются.

На улице людей, как на байге.
Идут под-ручку офицеры чинно.
Мухтар все жметя к Касымбек-аге:
Невиданная мальчиком картина.

А на балкон выходит дочь купца,
Бела, юна, как та из сказки пери.
В ауле нет похожего лица,
Куда Мухтар готов умчаться первым.

Мечеть двуглавая...
Татарин – муэдзин
Сзывает правоверных на молитву,
В училище Мухтар был не один,
Кто постучался в русскую калитку.

Колоколов церковных звук и зов
Вспугнули местных воробьев и галок.
Встречают Белослюдов и Попов
Степных детей без окриков и палок.

И с каждым днем все шире кругозор:
От Пушкина до гения живого
По письмам Шакарима – Льва Толстого.
И дал своей фантазии простор

Мухтар на удивление Попова ¹.

По улице когда-то Крепостной²
Шагал на службу некто Достоевский.
Мухтару дом тот стал, как дом родной,
У берегов иртышских, а не невских.
В тот дом входил блистательный Чокан,
Уверен в дружбе, дружбой осиян...
Взьерошив пальцами копну густых волос,
Мухтар-то знал, смысленный мальчуган,
Что для бесед подобных не дорос...

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ В СТЕПИ

...И снова той на Ойкудуке ³,
Аул Абая – дети, внуки.

Здесь внучку замуж отдавая,
Поют сородичи Абая.

Акыш прощается с аулом,
За ней народ идет огулом.

Девичий заунывный голос
Такой, что небо расколось...

И в юрте Айгерим впервые,
Затмив дела межродовые,

Спектакль о судьбе влюбленных
Идет в картинах оживленных.

В театр греки в Древнем мире
Вдохнули жизнь под звуки лиры.

¹ Попов Василий Иванович – учитель русской словесности в учительской семинарии и в 5-классном реальном училище.

² Ныне улица Ф.М. Достоевского.

³ Ойкудук – урочище в Чингисской волости (ныне Абайский район), где находился аул любимой жены Абая Айгерим.

Природа стихла. Внемлют птицы.
Искусство вспыхнуло зарницей.

Но знали ль те семинаристы,
Что входят в мир как альтруисты!

Трагедия Енлик-Кебека,
Как рана в сердце человека.

Носил ее Мухтар безвестный
Из года в год, в пути, в поездках.

Принес пьесу горожанам.
И «Ес-аймак»¹ поставил с жаром.

Герои названы ответно
Степи Ромео и Джульеттой.

Иначе песни зазвучали
О молодых сердцах в печали...

Мухтар в театрах Ленинграда:²
Постижь секрет их музыки надо.

Он возвращался к пьесе снова.
В ней тонус есть, в ней – сила крови.

Казахский театр, никак иначе,
«Енлик-Кебеком» путь свой начал...

¹ «Ес-аймак» - казахский культурно-просветительный кружок, организованный в Семипалатинске в 1918 году местными учителями.

² М. Ауэзов в 1922-28 гг. учился в Ленинградском университете

НА ИРТЫШСКОМ ВЕТРУ

Лежала степь большой раскрытой книгой,
Поднять ее не хватит прежних сил.
Жила без славы мнимой и немнимой
Земля Мухтара.
Он ее любил...

Мне развернуть бы годы, как страницы,
И оживить дыханьем каждый год.
Представятся таинственные лица
И есть о юноше Мухтаре разворот.

О годы, годы – кладовые тайны,
Раскройтесь.
Как замки на вас разбить?
Вы Ауэзова родили не случайно:
В степи нет голоса с планетой говорить.

«Ярыш», «Ярыш»¹ ...
В ней мальчуган веселый
Играл в футбол.
Хрустел в зубах песок.
Но только в нем побольше было солнца.
В фантазии – тоскующих высот.

Он брал их понемногу, шаг за шагом.
Ему, наверно, возражал мулла:
Мухтар узнал, что во вселенной шаром
Плывет его родившая Земля.

И снова – знанья,
Знанья как открытья.
Он, как Абай, стоял над Иртышом, -
И ветер дул, и крепи перья крыльев.
Без перьев тех
Вся Степь – без окон дом...

¹ «Ярыш» (тат.) – «Состязание». первая футбольная команда в Семипалатинске.

К НОВОЙ ЭПОХЕ

Октябрь хлынул вихревым потоком.
В степях – кавалерийская «Ура».
Еще краснее стало на Востоке
Под сабельные высверки заря.

Февраль, Октябрь, война, разруха...
В толкучке смутных слов и лиц
Мухтар
Был чуток сердцем, напрягался слухом,
Чтоб мельтешила меньше пестрота.

В Жана-Семее рыщут сонмы белых,
Казахи скачут с криком: «О, Алаш».
Беда для тех, кто взялся за расстрелы,
Поправ девиз народный: баш на баш.

Рубились красные и белые отряды,
Рекою город, как мечом, деля.
И за решеткой незнакомый дядя,
Показывая жестами и взглядом,
- Мухтар –
писал на плоскости стекла.

И вовремя находит пленник помощь:
Мухтар в борьбе.
Он одержим борьбой.
Народ, избавившись от разных сонмищ,
Признал его губернии главой.

И далее на юг неслась тачанка, -
Войны гражданской верная сестра.
Над Иртышом кружили мирно чайки,
Стремглав бросаясь вниз и вновь паря.

Война прошла.
Волнует детский лепет.
Есть много смысла в именах детей:

Совет, Октябрь, Октябрина, Лена –
Надежда тех отцов и матерей.

Но дети, как растение, как всходы.
В эпохе новой как им жить без школ?
Ауэзов думает о будущем народа:
Пускай уходят в прошлое те годы,
Когда ходили, тычась посошком.

Пройдут года.
Пройдут десятилетия...
Поверит ли всецело кто-нибудь,
Что человека в орденах и лентах
Сальери все пытали, целясь в грудь...

1977-96 гг.

Журнал «Абай» №2-3 за 1997 г.

ИЗ ЦИКЛА «МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ»

Светлой памяти матери Кульзии.

ОБНОВЛЕНИЕ

Так повелось,
в дорогу дальнюю и близкую
Меня обычно провожала мать.
В глазах рябит от дали серебристой,
А ей все надо что-то досказать.
Не оттого ли ветвями-руками
Вослед мне тянутся и машут тополя?
...Сейчас я с поезда
метнусь в Иртыш, как камень.
Сейчас я припаду к тебе, моя земля...

ВОЗВРАТИЛСЯ...

Окончил службу. Возвратился.
И нет погоды штормовой,
Где с песней флотской породнился,
Где сжился с выправкой морской.
Там разбивала сон тревога,
Подняв в секунды целый флот.
И вот усталая дорога
Легла, свернувшись, у ворот.
Стучатся в окна ветки вербы
И руки добрых малышей.
А мать и верит и не верит,
Что сын опять вернулся к ней...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Роскошный снег мне ослепил глаза,
Когда открыли ставни руки мамы.
Какой засоня!
Первый снег проспал.
Поймал бы первую снежинку ей на память...

А на земле такая белизна,
Что мать ступает мягко и сторожко.
И девушки душевны, как она.
Когда-то мамами, наверно, будут тоже.

И потому мне хочется любить,
Из-за любви свершить достойный подвиг.
Не потому ли снег летит, летит,
Чтоб этот день я мог навек запомнить?

ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ

Перрон осенний, плачущие лица,
Призывники и шумный перепляс.
Ты зорко берегла в душе границу,
Что между смехом и слезами в нас.
Нет опыта, но есть такая сила,
Что по сосудам перешла в меня.
И с юных лет все то, чему учила,
Не каждый может и сейчас понять.
Сидел над книгами, не зная сна и ночью,
Грузил, летал, водил и трактора.
То видел, как провидец, жизнь воочию,
То, как поэт, слонялся до утра.
Гудок последний дал колесам ходу.
Им много дней стучать, стучать, стучать.
В запасе есть непрожитые годы
И есть сердца, где бьется слово «Мать»...

Газета «Иртыш», 20.08.1977 г.

ЗА ГОРИЗОНТОМ (Стихи разных лет)

РОДНОЙ ДОМ

*СПИ посвящается
М.С.*

Здравствуй, здравствуй,
родной институт!
Как мне выразить
радость и гордость?
Товарищи!
Я же учился тут –
В первом вузе
иртышского города.
Мой институт!

Ты так много мне дал,
Что вечно тебе
благодарен я буду.
Нигде тебя, дом мой,
не забывал.
И знаю-нигде, никогда
не забуду.

Альманах «Alma mater»,
Семипалатинск, 2004 год.

НОВОГОДНИЕ ЗВЕЗДЫ

Деревья стынут в царственном величье
И дышат в небо трубами дома.
И с каждым часом Новый год все ближе,
Пусть прибавляет градусы зима...

Сегодня ночь родительницей будет.
Она подарит краснощекий год.
Под небом осторожно ходят люди:
Младенец – год в двенадцать к нам придет.

И ждет наш город, затаив дыханье...
Кто сотворил великий звездопад!
На небе, на снегу и в окнах зданий
Лучистым светом звездочки горят.

Прохожие улыбчивы, как дети,
Я звезды на пальто им приколю.
О, если б так я был всегда приветлив
И знал бы только «здравствуй» и «люблю».

Стоит зима, зато рожденье года
Вселяет радость.
Нам тепло зимой.
Глаза людей, как звезды, светят кротко,
Земные звезды в радости земной!

Пройди по новогодному Семею
И поступь космонавта ощути.
Все ж потому я, торжествуя, млею,
Что лучше Прииртышья не найти.

Газета «Семей вести», 25.12. 2008 г.

ЭХО ДЕТСТВА

Знакомая, волнующая
Улица,
Где суждено мне
Детство прописать.
Когда и стариком приду,
ссутлившись,
Ты взглядом окон
Встретишь, словно мать.
О, улица!
Единственная улица,
Как человек, как город,
как страна.
В какие б уголки
Я ни заехал,
Ты – эхо детства.
Эхо не отнять...

1969 г.

НАШ ДОСТОЕВСКИЙ

Не раз Семипалатинску везло:
Здесь гении прозревшие ходили.
И Достоевского однажды занесло
Попутным ветром, что позже оценили.
Лечил его недуги наш Иртыш,
И дядюшки, и тетушки признали.
Здесь голуби взлетали с наших крыш
И крыльями ему вослед махали.
Не мог наш Достоевский позабыть
Семей в своем приневском Петербурге.
Он вспоминал Чокана, его прить,
Души не чая в этом юном друге.

Здесь Мария и Федор как-никак
Познали исключительные чувства.
И стал наш край как судьбоносный знак
В преддверии великого искусства.
Пусть будет вся история к добру,
Музей его и впредь звучит так громко!
Не зря мы рады каждому утру,
Передавая нашу жизнь потомкам...

2001 г.

ТРОПА К АБАЮ

Бессмертные стихи поэта,
Определившие свой путь,
Из той эпохи в нашу эту
Дошли, Абай, не обессудь.

По-своему тропу к Абаю
Нам проложил Каюм-ага.
Он, как отец, учитель, знаю,
Предвидел наши берега.

Стихи Абая, назиданья,
Его поэмы, как коран.
Дают народу процветанье
И вдохновляют, как талант.

Габдулкаюм поднял из мрака
Святое имя – Шакарим.
Да все они идут однако,
Певцы народа, рядом с ним.

Вот шесть стихов, забытых где-то,
Пополнили Абая том.
Каюм-ага душой поэта
Хранил их, превнося в свой дом.

А вот Мухтар «Абая» пишет...
Представьте, хоть немало лет

Прошло с тех пор, в любом затишье
Живет Абай, забвенья нет.

И нас одной тропой к Абаю
Габдулкаюм-ага ведет.
О, Жидебай, любовь питаю
К земле, что преподносит взлет...
2004 г.

ИЛЬЯС ДЖАНСУГУРОВ

Звенела степь под конскими копытами,
Весенних яблонь цвет, как молоко.
Земля, что саблями и пиками испытана,
Освобождает песни от оков.

Батыры заперли Джунгарские ворота,
Цвели в долинах сливы и айва.
Журчанье рек и горлиц ровный рокот...
Арабской вязью просятся слова.

Следы лежат джейраньи да овечьи,
Здесь звезды южные, как лампы навесу.
Высокий он, как тополь Семиречья
И как мечта красавицы Аксу.

Взвиваются всклокоченные гривы,
Пускает соколом свой голос ввысь Асет¹
И все семь рек, как неземное диво,
Земле придали доброту и цвет.

Подстать земле расположились кругом
Вдоль рек аулы, песнями струясь...
Вбирай, вбирай, чтоб всей дышалось грудью,
Народную поэзию, Ильяс.

¹ Асет Найманбаев (1867-1928) – современник Абая, поэт, певец и композитор.

Внимая голосу, склонились тихо горы,
И оперлись о палки пастухи.
Акыну под домбру необходим и голос,
Чтоб зазвучали песнями стихи.

Тогда не время было, а эпоха,
Реальность романтических свобод.
И петь на старый лад, наверно, плохо
В шеренге Маяковского и Блока,
Когда за власть сражение идет...

В душе поэта чуткость камертона,
И в разуме слова провидца есть.
Оставил Джансугуров для потомков.
Все то, что в прошлое уходит, как экспресс.¹

В поэзии есть право Кулагера
Среди других всегда быть впереди, -
Спаялась Джансугуровская вера
С надеждой в поэтическом пути...

У ПАМЯТНИКА АУЭЗОВУ

Когда-то в том году шестидесятом
В Москву златую удалось попасть.
То время для меня поныне свято:
Я жил в Москве – мечта моя сбылась.

Средь многих сцен в большом калейдоскопе
Запомнилась поэзией Москва.
На площади, где в центре Маяковский,
Кружилась от поэтов голова.

Но мы остерегались гласной силы,
Скрываясь, разряжались по углам.

¹ экспресс – один из художественных образов И. Джансугурова.

Мы эту вот опасность упустили,
Когда не верят дети чудесам...

Да, было все...
Не просто так Ауэзов
Предстал пред нами в бронзе, как живой.
Сегодня стало ясно, что полезно
И сердцем жить, не только головой.

Он испытал всемирную известность,
Храня в своей сократовской груди.
Так трудно жить, когда таится честность,
Как слава, что светилась впереди.

НА ТОЕ АБАЯ

Олжасу Сулейменову

У гор Чингисских юбилейный праздник,
Собрание разноцветных лиц и глаз.
На этот день дано такое право,
Что для поэтов Караул-Парнас.

Здесь кони борются за званье Кулагера,
Джигиты – за поцелуи в кыз-куу.
Наполнена весельем атмосфера:
Берут с земли монеты на скаку.

К Абаю шли сыны Кавказа гордые,
Загнав в могилу кровного врага.
В степи округлой водопадным голосом
Округло хохотал Кайсын-ага.

Обычаи других – всегда экзотика.
А их, как тайну, пронесли века.
Ловили их, как ловят горизонты,
За облаками кроткими стиха.

Глаза прищурив, смотрят аксакалы.
По дастанам знают тех людей,
У которых профили, как скалы
Или кожа ковыля белей.

Под цоконьем копыт земля двоится.
Дай ширь степей!
Посторонись, Кавказ!
На Чингисском аргамаче мчится.
Взволнованный, волнующий Олжас.

И снова нет ни Запада, ни Севера,
Здесь южное и дружное тепло.
В Жидебае разное доверие
Северным сияньем рассвело.

1971 г.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Тошимицу Мацузаве сан,
главе постройки висячего моста на Иртыше,
Почётному
гражданину Семей посвящаю.

Автор.

У человека есть судьба и Родина.
Но изначальноны мать, отец и дом.
И как бы не была вся жизнь устроена,
Ты должен обрести себя в самом.

Семей наш кровно связан с человечеством.
Абай, Ауэзов, Шакарим и те,
Которых не назвал, связуя с вечностью,
Облагородили наш город, как в мечте.

Со школы знаем мы, что есть Япония
И есть немало в мире разных стран.

Кабуки, кимано, висячий мост, как понял я,
Пришли с Востока с солнцем в Казахстан!

С годами осенило нас сознание,
Что в дружбе – мир и суверенитет.
Поэтому нам дорога Евразия,
Какой бы ни был твой менталитет.

Приятно, что идя по скверам города,
Встречаю лица всевозможных рас.
И думаю, что повезло нам здорово,
Поскольку есть и цель, и вера в нас.

Убрали полигон – вернулись праздники:
Открыт над Иртышом элитный мост.
А в Туркестане, как в святом заказнике,
В молитве каждый странствующий гость...

НЕМАЛО ВЕХ...

Кульзаде Магауиякызы

За сорок лет как мы с тобой женаты,
За нами много жизни разных вех.
Бывали и находки, и утраты.
Где правда есть, там во главе успех.

Ты помогала, поднимая внуков,
Что сердце было радости полно.
Когда живёшь в кругу желанных звуков,
Само собой и счастье нам дано.

Улыбчивы, как ты, на небе звёзды,
Загадочно сияя, дарят свет.
Ты не давала повода угрозе,
Коль подличал случайный человек.

Обычаев немало у казахов:
Один из них – у бабушки расти...
Могу избавить от остатков страха,
До полной нормы ласку довести.

И всё-таки росла цветком тюльпана
В долине неоглядной Кокпекты.
Одной судьбой нам суждено быть в паре, -
Немало вех нас ждут ещё в пути...

08.03.2009 г.

НА ПЕРРОНЕ

Вновь иду с матросским чемоданом,
Вновь мне в путь, Семипалатинск мой!
Опоздал немного
Я – нежданный
Возвратиться вовремя домой.

Без меня раскинуты бульвары,
На проспектах – новые дома.
Без меня сошлась в семейной паре
Та, что в дружбу верила сама.

Иль закон – опаздывать мальчишкам,
Не спускаясь с дальних синих гор.
Взгляд кого-то по перрону ищет,
Да какой теперь уж разговор...

МИРНЫЙ ГОРОД

Гудит весна
и обновляет землю.
К реке бегут по улицам
ручьи.
И в парке гнезда лепят
птичьи семьи.
На небе только
солнце и грачи.
Наполнен майскими
улыбками автобус.
С веселым сердцем
дело веселей.
Пусть счастье кружится
цветастое, как глобус,
Стучась в ворота
Родины моей.
Пронизан солнцем
Центр многоэтажный.
А архитектор чертит
новый план.
Пусть в новых скверах
листья с ветром пляшут.
Не станет танком
работяга – кран!

В ДРУЖБЕ И СОГЛАСИИ...

Издrevле люди жили в Казахстане,
Из-за кочевьев не щадя себя.
Соседи устремлялись неустанно,
Чтоб степи необъятные объять.

От гуннов древних до казахов наших
Просторы сохранили «от» и «до».

Назвали символически Алашем
И отправляли конницы за Дон.

Мы возвратили предка из Фараба,
Ученого кипчака Фараби.
Сложилось, наконец, такое право,
Что нет преград потомственной любви.

Здесь были и монголы, и китайцы, -
Свидетелем тому Иртыш – река.
Джунгария, напав, не обижайся:
Есть хан Аблай, чья тяжела рука.

Народ поныне помнит Кабанбая
И Богенбай-батыр ему подстать.
В степи батыров, как на небе стая:
Всех не упомнить и не сосчитать.

Здесь были незапамятные чуди,
Аттила-тюркский вождь и гунн-герой.
Как с Севера пришли иные люди,
Пшеницу сеять стал народ степной.

Внимая духу славного Аблая,
Здесь расы и религии сошлись.
Не отвернувшись вовсе от Китая,
Здесь светлоликой складывалась жизнь.

На знамени – орел несет светило,
И в сердцевине герба – шанырак.
Так в суверенном мире наша сила
И в давней дружбе – благодарный знак.

Бомбили сорок лет на полигоне,
Где взрыв было свыше пятисот.
Людей различных вер сплотило горе:
Дракону ядерному мы заткнули рот.

Веками обжитые эти земли,
Где край потомков и святых могил,
Нельзя же отторгать на самом деле,
Покорно следуя вражде безумных сил.

Пусть торжествует дружба и согласие,
Что завещал всем землякам Абай.
Должно быть в человеке это счастье,
Как есть в году благоуханный Май.

Дороже чести нет на белом свете,
Чем суверенитет родной страны.
Пускай живут во славу наши дети
На лоне чудотворной Астаны.

Согражданам всех наций труд порукой,
Когда мы в мир вошли одной страной.
О, Казахстан, для всех детей и внуков
Отчизной будь и праведной судьбой...

1996 г.

ПОЭМЫ

ОКНО СОКЛАССНИЦЫ

Поэма

Пролог

Ах, годы, в моей жизни иллюзорные,
Вы улетели, словно птицы, враз.
Десятки лет прошло с излишней скоростью,
Со сверстниками отмечая нас.

Мечтали мы о белоснежной Арктике,
О небе, не имея летных прав.
Нам снились звезды в таинствах галактики
Еще без слов, как «спутник», «космонавт».

Какие были смелые романтики
Мы с другом, отправляясь в дальний путь!
В военных школах обучались мальчишки,
Определив послевоенную судьбу.

Сердца стучали в такт колесам поезда,
Валили вдоль состава дым и гарь.
И за пределы часового пояса,
Мчал паровоз, как черту на рога.

И были мы томимы неизвестностью,
Оставив две столицы позади.
Как уроженцы прииртышской местности,
Мы ахали на южные сады.

О, щедрая природа Средней Азии,
Плодовая долина Ферганы,
Как обошел я вас в своей фантазии!
И в этот раз не искуплю вины...

Питали соками деревья южные,
Поила и купала Сыр-Дарья.
И перепелки на деревьях дружно нам
Из клеток все велели: «Спать пора»...

Я помню хорошо вершины горные,
Куда нас властно звал седой Памир.
Ах, годы, в моей жизни иллюзорные,
Вы – компас и здоровый эликсир.

В аллеях винограда под тюльпанами,
Что днем со склон Памира всем видны,
Скучали по просторам Казахстана мы,
По островам иртышской стороны.

Там мы одеты были, как с иголки,
Там и закалку дал всеильный спорт.
В фуражках летных с голубым околышем
В строю ребята были на подбор...

В почёте у девчат послевоенных
В военной форме были все подряд.
Писали они в письмах откровенных,
Что дорог незнакомый адресат.

Так получилось, что с дружкой Булатом мы,
В макете подержавшись за штурвал,
Бездумными вагонными раскатами
Вернулись к Иртышу, на свой вокзал...

ГОДЫ И ПОКОЛЕНИЯ

Родимый край!
У каждого он свой.
Неповторимы в нем зима и лето.
Раскованный Иртыш поет весной.
А осенью грустят в стихах поэты.
Для школьников все сроки хороши.
Зимою ждут весны и дней каникул,
А летом, нарезвившись от души,
Ждут сентября, чтоб вновь засесть за книгу...
Булат вернулся в свой знакомый класс.
За окнами аллеи побелели,
Давно ли малышом он в классный час
Сажал со всеми яблоньки в апреле?
В зеленом кителе, в значках и без погон.
Похож на отслужившего солдата,
Ходил он стройно и со всех сторон
Бросали взгляды девушки украдкой,
Ах, давняя мальчишечья пора,
Когда в крови накапливались силы,
Когда их было столько: трать – не трать,
И без толку по улицам носились.
Еще не отошел фотоальбом.
Еще писали о любви записки.
Сегодня школьники – с нас копии лицом,
Но по манерам не подходят близко.
Я не сужу их за лихой прогресс.
Сегодня так шагнула и наука,
У них другие песни, интерес.
Но уважать должны, как мы, друг друга.
Мы брали под руку девчат лишь в гололед
И лишь на свадьбах прикасались губы.
Сейчас привычно видеть, как идет
Мальчишка с девочкой и тут же приголубит,
У каждого транзистор и часы.
Весь мир показывает дома телевизор.
Но к таинствам запретной полосы
Нельзя без строгой и особой визы..

Во все года да и во все века
Живет природа по своим законам.
Ломает лед весной Иртыш-река.
И прячет теплоходы по затонам.
Черемуха оденет белый цвет
И почками начнут стрелять деревья.
Так мир устроен: каждый человек
Судьбой определяет свое время...

НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР

Когда-нибудь, возможно, и любовь
Подвластна будет правилам науки.
Но и сейчас не каждый, не любой
Воздействие ее познал в разлуке.
Листки свои теряет календарь,
Как-будто повинясь чьей-то воле.
И вот настал еще один январь,
Последний Новый год в родимой школе.
Большая елка. Шумный маскарад.
Соклассники кружились в легком вальсе.
Забившись в угол, с завистью Булат
Следит, как кружит в вальсе Ваня Валю...
Зачем здесь офицерской формы блеск?
Восторга нет от всех твоих регалий.
Хотел он при погонах вызвать стресс
У девочек на новогоднем бале.
Пошел он даже в буйный перепляс.
Да, были «ахи», «охи» поначалу.
Увидел он смешинку серых глаз
И всю иной соседку свою Валю...
Владела иностранным языком
Отличница, рожденная москвичка.
Пока настанет где-то перелом,
Бывает же такая обезличка.
За партией рядом, дома, как мечта,
Булат в ударе, в новом интересе.
В сокласснице раскрылась красота,
И наш Булат сам оказался в стрессе...

В ДОМЕ ГИЛЕВЫХ

Как будто стали и длинней уроки.
И покороче стали вечера.
Ее лицо, как в полевом бинокле,
Встает перед глазами много раз.

Идет снежок и на проспекте белом
Светлее снега Валино лицо...
И сунул на уроке оробело
Булат записку ей без лишних слов.

- Я вижу, что отстал от вас немного, -
Писал он и, чтоб робость превозмочь,
Не стал искать изысканного слога,
Закончил так: «Не можешь ли помочь?»
И начертила быстро Валя схему
Квартала, где стоит Гилевых дом.
Он заучил ее, как теорему,
И понеслись недели колесом...

НИНА ЛЬВОВНА

Белый снег, как белая бумага.
На душе еще белым-бело.
Прозапас есть сила и отвага, -
Школьное учение дало.

От природы есть еще горение,
И наследство чистокровных ген.
Знал он наизусть стихотворения,
Для задач хватало перемен.

Просидев у Вали больше часа,
Одолеть не смог пример Булат.
За ночь все ж на удивленье класса
Своего добился азамат.

Никогда отличником он не был,
Но всегда готов был отвечать.
Будущее, как великий ребус,
Предстояло юноше решать.

А пока он мчался после школы,
По сугробам в дом, как в детстве в цирк.
Он бежал наискосок по полю.
На окно держа ориентир...

В том окне был силуэт в деталях.
До сих пор родной и дорогой.
В том окне склонясь, Булат и Валя
Заседали в позе деловой.

За уроками бывали и беседы
С контурами плана на окне.
Чудились большущие победы.
В необъятной звездной вышине.

Эх, пора мальчишеских иллюзий,
Высота несбывшейся мечты!
Уносясь за контуры Союза,
Знать бы им, что хватит полпути.

Прерывала эти грезы мама,
Нина Львовна чуяла, как мать:
Неспроста, как заговор, рядами
Имя дочери вписал Булат в тетрадь.

У нее есть родственник в Италии,
У не какой-то знатный род.
Призрачность всех будущих регалий
Дочь ее сегодня не поймет...

По-московски «акающим» слогом
Разводила розовых ребят:
- Времени, смотрите, уже много,
И тебе домой пора, Ба-лат! -

Возвращался в хилое жилище.
В дом, где мама, отчим командир.
Закружилась голова мальчиши,
И в окне иным стал звездный мир...

СЕМЕН ПЕТРОВИЧ

В памяти народной много песен
О влюбленных горестных сердцах.
О Ромео и Джульетте плесень
Не берет сказание в веках.

За любовь прозвали и Меджнуном,
Сумасшедшим, проклятым, больным.
Можно быть и жителем подлунным
Без любви, как стойкий пилигрим.

Но тогда нет сил Козы-Корпеша,
Нет добра, что сотворил Кебек.
Пусть не столько, пусть клубок в орешек
Получает каждый человек...

И тогда спокойны будут нервы,
Воцарится на душе добро.
Мир предстанет красивей, во-первых,
Во-вторых, обогатится кровь.

Не беда, что одолела бедность.
Не прошла послевоенная нужда.
Просветленный взгляд глядит победно,
Хоть экзамен ни один не сдан.

Есть на свете милая подруга, -
Удалось на счастье повстречать.
Стройный стан, глаза ее и руки
По-людски прекрасные, о, мать!

Нынче мы живем единой верой,
Крепкой пробы смешанная кровь...
Вздрыгнул вдруг Булат без суеверий,
Как явился сам отец Гилев.

По-спартански волевой. басистый,
В Прииртыше прибыл ставить мост.
Мог пойти он в главные артисты,
Но мосты – призвание и пост.

Днепр и Волга. Енисей и Лена
Помнят его плащ и сапоги.
Для него – ни выходных, ни смены:
Лень и праздность – первые враги.

Но к тому же мало детям ласки
Уделял начальник и отец.
Не сидел, рассказывая сказки,
Стройка – жизни всей его венец.

Он якшался с тайнами природы,
Робинзоном плыл на острова.
Птицами на плечи сели годы
И белее стала голова.

Прииртыше летнею порою
В разноцветье – бал и маскарад.
На траве и под крутой волною,
Силы копишь, как весною сад...

Был Семен Петрович скуп на слово,
Лишь однажды пробасил: «Джигит!»
По-рабочему отвечивал: «Здорово»,
Благодушно – только не солги.

Над рекою за крутым обрывом
Полосой лежит сосновый бор.
И с Алтаем лентой непрерывной
Край повенчан издавна судьбой.

ИВАСЬ

Есть у Вали и братишка Ваня,
Звали его ласково: Ивась.
Рассуждал Булат о каждом в плане,
Как здесь каждая персона отнеслась.

Ваня, как все дети, был резвяка,
На колени норовил подсесть.
Но бывало иногда как брякнет,
Как начнет: «Иван? Мой тезка здесь?».

Ваня – несмышлениш, первоклашка,
Заводила шумной ребятни.
Рвался в двери, суетясь, как пташка,
Валентина и Булат резвились с ним.

Игры, как и люди, отходили,
Но одна есть с дедовских времен:
Мчатся с гор на лыжах что есть силы,
В санках с них катиться под уклон.

В белоснежное веселье окнулись
Два сокласника и маленький Ивась.
Санки мчали вдоль домов и улиц,
Где в сугроб не мудрено упасть.

Так упасть, чтоб оказаться рядом
С Валею, с Валентиной, только с ней.
Скованный ревнивым детским взглядом,
Поднимал подругу он скорей.

Все надежды – за запретной зоной,
В варежке тепло ее руки.
Человек, поистине влюбленный,
Счастлив прежде больше от тоски.

Тосковал Булат в тепле, уюте,
В комнате, где Валино гнездо.

Мимолетно естество по сути,
Проходил мальчишеский задор.

Оттого, наверно, Валя смело,
Стул валила, седока зажав.
И Булат вплотную, то и дело,
Ощущал спиной округлый жар...

На ковре был берег итальянский,
И фланировал заморский люд.
Там пейзаж похож был на Сарьяна,
Где деревья южные растут.

Но дороже все ж иртышский остров,
Тополей столетних колыбель;
Зимний ветер задувает остро,
Где-то приближается метель...

ЭХ, САНИ

Как хотелось Ване
Сесть в лихие сани, -
Упросил Булата и сестру.
Конь Бескарагая
Мчит, как птичья стая,
Развевая гриву на ветру.

И пока что гости
Поднимают тосты,
Валю с Ивасем, Булат, катай.
Если б дали волю,
Он увез бы в поле,
За сосновый бор, в Бескарагай.

Вдоль ворот и окон
Вслед летит сорока,

¹ Бескарагай (каз.) – пять сосен, пять сосновых лесов.

Провожая их до Иртыша.
Весела «цыганка»,
Белокурый Ванька:
Снег взвихрился, как кистями шаль.

Вьется шарф крылато
За спиной Булата.
Не зови к покою, муэдзин.
Мимо школы, церкви
С белым пересверком
Вороной уходит в степь, как клин.

А в степи есть волки, -
Будут кривотолки.
Встретится еще в бору медведь.
Валя, словно солнце,
Где твое оконце
С зимними узорами, ответь?
Вещие узоры,
Затуманив взоры,
Уносили от мечты к мечте.
Конь с горячим храпом
Уносил на Запад,
Не в дворец, а в университет:
- Подержи-ка вожжи,
Ваня, друг пригожий,
Прелести степи запоминай.
Как дышала Валя, -
Грудью жгла, как пламя!
Увезет Булат в Бескарагай....

Но лишь будут сниться
Серые ресницы,
Розовые волосы и стать.
Отмелькали ели, -
Иртышом летели.
Дома заждалась в тревоге мать...

ОСТРОВ БЕЛОЙ ЧЕРЕМУХИ

23 февраля

В те года сильней гремели марши,
Распевали песни о войне.
Молодежь боготворила старших,
Побывавших в боевом огне.
Восторгались подвигами Зои
И казахской девушкой Маншук.
Оживали павшие герои,
Кто взаправду, кто как в душах дух.
Дали школе имя Кошевого,
Встал Олег из книги, в мир шагнул.
И про летчика Талгата, про живого,
Повесть ¹ знали город и аул.
Та традиция в игре «Зарница»
В том, что ныне носит молодежь.
Перед свадьбой ходят к обелискам
Молодые – ритуал хорош.
Покидают бабушки, а сказки
Детям подает теледидар.
И любовь без лишней связки-ласки,
Преподносит внуков – высший дар.
В радости за продолженье рода
По квартирам сверстники звонят.
Чудо из чудес – сама природа
В дедов превратила их, ребят...
А ребята тех пятидесятых
За окном могли стоять в мороз.
Чувства были и верны, и святы,

¹ Повесть Саурбека Бакбергенова «Талгат» о дважды Герое Советского Союза Т.Бигельдинове.

Как полоски на стволах берез.
Уходило золотое время,
И никто не знал ему цены.
Это время – целая поэма,
Коль еще слова любви даны.
Хоть Булат и был немногословен,
У него есть принцип и закон:
С шумными соклассниками вровень
И мечтать, и спорить в унисон.
Только вот не ладилось с Иваном
С русой шевелюрою до плеч.
Кажется, ходил он на свиданье,
Тоже к Вале, но не мог засечь.
А мечты бывали романтичны,
То Москва, то Марс – простор небес.
Ныне дети более практичны,
Словно в них вселился «умный бес».
О Москве толкуют, будто рядом,
Толчея сморила их вконец.
Помню, представал пред нашим взглядом
Кремль и МГУ – мечты венец.
Правда, ныне нет уж тех провинций:
Этажи кварталами растут.
Атомные лайнеры, эсминцы,
Дальними маршрутами плывут.
Но тогда все нравы были строже,
Как-то Вале он сказал спроста.
Про кого-то: «Брешет».
Ну и что же?
Отчитала: «Как так? Перестань!
Про собаку говорят, что брешет.

Как ты о товарище посмел!»...
Он стоял, лишившись дара речи.
Наш Булат, и тут же покраснел.
Огорченью есть всегда отрада,
Иначе на свете тяжело жить.
- Фото ты просил мое когда-то.
Вот, возьми. Да, ладно. Положи! -
И запомнил тот февральский праздник,
День Советской Армии, Булат.
Лучше в мире есть подарок разве?
Благодарен Вале он стократ.
Был на снимке белый лик на темном,
В черной шубе, в шапке набекрень.
Надо ж было осознать влюбленным
И любимым в тот заветный день.

МАРТ

Запомнилась в комнате Вали
Картина известная «Март».
Морозы в тайгу отступали,
Весна выходила на старт.

Вокруг, как сюжет Левитана,
Земля перемены полна.
По снегу не мчат уже сани,
В сарае хомут для коня.

Торопятся с горных залысин
Еще молодые ручьи.
И школьники носятся рысью,
Как зайчиков пятна – лучи.

От снега избавились сосны,
Есть радость в томленьи берез.
Покроет зеленая простынь
Округу со звездами рос.

Веселье вселилось в скворешни
Со щебетом черных скворцов.
С рождения все мы безгрешны,
Но жизни-то нет без грехов.

Однако все дело здесь в мере
И в том, где какие весы.
Булату уж можно доверить
Вести скакуна под уздцы.

Он с Валею и в чувствах, и в мыслях,
Ведет разговор и во сне.
Бунтуя, как голуби, взмыли
Веселые силы к весне...

В снегах еще синие тени,
Под солнцем и сводом небес.
Весенние стихотворения
Поэты строчат для невест.

Так в мартовский праздник в мгновенье,
В пылу, как бахсы или маг,
Булат написал поздравленье,
Сокласснице даже в стихах...

ЯВЬ И СОН

Высвечивает гениальность редко
Извечную историю землян.
- По крови с русскими сроднились предки, -
Когда-то говорил еще Чокан.

Загодочны поступки Мономаха:
Женил на половчанках сыновей.
Княгинями двух дочерей кипчаков,
Ввели в палаты Юрий и Андрей.

С восточными захватчиками в споре
Слагал историю степной народ.
Когда невыносимо дальше горе,
Его за горло человек берет.

Опасна все ж и через меру радость,
Нет никого – они и тишина.
Под тиканье часов простая разность
Колола мозг и стала так сложна.

Растаял снег на «Марте» Левитана
И будто лошадь встала на дыбы.
Соклассница извилинами стана,
Влекла, как дар природы и судьбы...

Булат припомнил что-то о Курчатове,
Потом дошел и до созвездья Пса.
Синьоры с коврика как будто рвут перчатки,
Казалось, подают и голоса.

Она сразила трепетаньем кожи
Подспудную мальчишескую страсть...
Вздыхала Валя молча, осторожно,
Как будто что-то вдруг могло упасть.

Благое напряженье воли надо,
Чтоб вдруг воззрит соклассницу княжной.
Открытие любви звездой «Отрада»
Назвал Булат Калиев сам не свой...

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Волнует каждый раз весны цветенье...
Семипалатинск навсегда в судьбе.
Здесь жил Булат от самого рожденья,
Деля с ним треволнения побед.

С ним, как с отцом, держал он связь в разлуке,
Познал он здесь и первый круг любви.
Глаза раскрылись и окрепли руки,
Хоть время испытай, останови...

Промчалась суতোлка школьных буден.
В один из майских просветленных дней
Звонок последний зазвучал, как бубен
На острове для островных людей.

Украшена по-парздничному школа,
А впереди – безвестные пути.
Валюха, Валя, солнце проколело
Светлынь волос, что глаз не отвести.

Взволнован по-особому директор,
Подергивая синий китель свой.
Он говорил торжественно и резко,
Чтоб шли по жизни все мы с головой.

Выпускники стояли строем чинно:
Иван Косых, Гилева и Булат.
Который по осознанной причине
Звонку такому был не очень рад.

И барабанный бой, и звуки горна,
И на ветру полощущийся стяг,
Волнуя, перехватывали горло.
Прощание такое – не пустяк...

Калиев обменялся с Валею взглядом.
Она пришла на тонких каблуках.

Как хорошо, что есть она, что рядом,
Сияет радость в девичьих глазах!

Булат в разлуке не забудет Валю,
Как сын не забывает кров отца.
Бывают в жизни, ох, какие дали,
Смывающие все черты лица.

Пока же будущее то еще, в котором...
О горе и потерях мысли нет.
Еще весь мир охвачен светлым взором,
Еще нет потрясений или бед.

А за плечами остается детство
Без груза злключенный и потерь.
И все, что было, - на всю жизнь наследство,
К мечте и цели отворяет дверь.

Черемуха ослепит белизною,
Цветочным валом платья окатив.
В костюмах мальчики, возвращенные войною,
Решительны, как смелый детектив.

Звучали поздравления и песни,
Вручают первоклассники цветы.
Ивась Булата обошел на месте,
Ивану предпочтя преподнести.

Булат бы проглотил сию пиллюлю,
Не будь тревоги взвихренных минут.
И он стоял, как будто принял пулю,
Как будто кожу колют или жгут.

НА ОСТРОВЕ

Проходят дни экзаменов в секретах
Билетов, баллов и контрольных тем.
Булат бывает у Гилевых редко,
Но голову он потерял совсем.

Лицо Валюшки, оттеснив все лица,
В том майском пересверке предстает.
Медали ей бы все-таки добиться,
А он свое уж как-нибудь найдет.

Где трудности, то дело и желанней,
Ванюшку одолеть еще легко.
Его еще не раз посадит в сани,
Но Валя вот уедет далеко.

Ориентир намечен – химбиолог,
И поступить должна лишь в МГУ.
Булат избрал тот путь, который долго:
Педвуз и далее, - он и так в долгу.

Закончились экзамены и к балу
Соклассники готовились вовсю.
Гилева Валя с золотой медалью
Уж собралась отправиться в Москву.

В столице за Гилевыми квартира
С пропиской узаконена была.
В ушах звенит команда: «майна-вира!»
Квартира их до пенсии ждала.

Прощальный бал оттанцевал к рассвету,
Где были слезы розовых девчат.
Как будто знали, что иных на свете
Отныне не придется повстречать.

Нельзя не соблюсти былых традиций –
Всем классом встретить за рекой рассвет.

Как было Валентине не гордиться,
Иртышский мост Гилева был проект.

И по мосту в одежде черно-белой
Вдоль перил идут выпускники.
И все-таки Булату захотелось
Отвлечь от Вали Ваню у реки.

Он вынул из кармана ее фото,
Когда немного приотстал Иван.
И, встав к Косыху вполупоборота,
Выдавливал тяжелые слова?

- Я с Валею, понимаешь, крепко связан,
Вот это фото может подтвердить.
Ты как-то к ней относишься развязно,
Хоть ты - соклассник, не тревожь ту нить.

Как-будто знал Иван давно все это:
- Она вольна и все решит сама. -
Булату стало легче от ответа,
И все быстрее рассеивалась тьма.

Прохладой дышит островная зелень,
У Вали кудри вьются, как ковыль.
Играли, пели, севши в карусели.
Кружилось все, как небыль и как быль.

Черемуха ослепит белизною,
Цветочным валом платья окатив.
В костюмах юноши идут рекою,
Решительны, как смелый детектив.

И были снова клятвы и присяги,
Венок прощальных и сердечных слов.
И лишь Булата, отведя к коряге,
Гилева посадила «под засов»:

- Как смел, Калиев, говорить про фото?
Показывать? Верни его назад! —
Так оказался вдруг Булат в цейтноте:
- Отдай мне фото, возврати, Ба-лат... —

И были бесполезны возраженья.
Валюша, словно укусил комар,
Свое твердила снова, неизменно,
Булату нанеся тупой удар.

А он в ответ поставил тоже принцип:
- Я не верну, скорей его порву.
- Тогда порви, будь рыцарем и принцем!
...Упали ключья фото на траву.

Вот так прокрался между ними холод,
Хоть встречи продолжались и потом.
Она юна и он был очень молод,
Осталась их любовь за Иртышом...

ПИСЬМО БУЛАТА КАЛИЕВА (вместо эпилога)

Оно в плену у незнакомых окон.
Ночами только ощущаю около
Знакомых ног невинные следы:
Ломали их и время, и дожди.

Еще не регулируются гены,
Тоскует степь, томится степь, как гений.
В твоём окне придумали мы горы, —
Предгорье молча отнимает годы.

И смотрят удивленные балбалы,
Что гениев рождается так мало.
И я смотрю на те смешные годы,
Когда из окон открывали звезды.

Где было то несбывшееся счастье:
Пределы и границы рвать на части.
Мы знали и не знали о Курчатове.
А чахнет то, что начато иначе?

Идут мои дела в науке туго.
Мой друг – поэт потомственный в округе.
Мы выверили дружбу на Памире.
Друзей все меньше остается в мире.

Мы были на Московском фестивале:
Узнал соклассницу и не узнал я.
А первая любовь живет так редко,
Как северный щегол-красавец в клетке.

А ты ушла и перешла границу,
Тебе, наверно, это не простится,
А Терешкова, тезка твоя, Валя
Рванулась с Байконура к звездным далям.

Ты, акая, рожденная москвичка,
За морем скрылась птичкой-невеличкой.
Живешь ты где-то в незнакомой Пизе,
Куда лишь доберешься по круизу.

А за границей – синие просторы,
Где ты синицей поджигашь море.
Ах, эта заграница, заграница...
Змеей дорога стала бы мне сниться,
И снились бы несбывшиеся лица,
И северные серые ресницы,
И это неразбитое окно...

1983-86 г.г.

МОРЯК С КРЕЙСЕРА «КИРОВ»

Поэма-толгау

I

В стремительном ритме двадцатого века
Деревья растут на глазах у людей.
Найти нелегко одного человека
За сменой природы с наплывами дней...
Идет не спеша, корабельной походкой.
Как в иллюминатор, смотрю я в окно.
Не в каждом матросе бессильна природа
Над тем, что на флоте приобретено.
Шло время – судья превеликий и лекарь.
Что властвует больше, добро или зло?
Немало зигзагов в судьбе человека,
Пока не дописан ее эпилог.
В апреле деревья стояли понуро...
В Урджаре есть яблони и виноград.
Предстало село, как картина с натуры,
Что с Волги увидел прищуренный взгляд.
Апрельское утро встает, словно чудо.
В цветенье весеннем село Науалы.
Расширили ленинских слов амплитуду
И крылья орлов, и в кабинах – орлы.
Народы и расы в борьбе за свободу
Узнали вначале, что значит фашизм.
Законы любви и законы природы
Превыше всего, коль в опасности жизнь...

II

Рассказ свой повел ветеран не спеша...
А было Сраилу всего восемнадцать.
В году сорок третьем от круч Иртыша
До Балтики грозной непросто добраться.
Призвал комсомол добровольцев – юнцов:
Команда редет на крейсере «Киров».
Подшефный корабль под огнем и свинцом.

Стрелял новобранец пока только в тире.
Аягоз родной, где Баян и Корпеш
Веками лежат неразлучно в могиле.
Есть в мире любовь и свершенье надежд,
Дающие людям и веру, и силы.
А поезд все мчится на юг и на юг.
Оркестр загремел на столичном вокзале.
В казарме артисты танцуют, поют.
И даже Орлова и Жаров предстали.
И вот начинается новый маршрут:
Из Алма-Аты до ворот Ленинграда.
Родители, дом и любовь подождут.
В кольце ленинградцы, лютует блокада.
Идет эшелон через Сары-Арку.
Прошел и леса, и озера, и рощи.
На флоте привычен простор степняку.
Вначале с оглядкой служил он, на ощупь.
Вздываются волны, как в песне морской.
Пощады нет с Ладоги подлым фашистам.
И вновь Солоухин доволен стрельбой
Сраила Омарова, артиллериста,
Построил на баке людей командир.
Пред строем ему объявил благодарность.
...Давно воцарился на Балтике мир.
Как кошка, тихонько крадется и старость.
Вернулись с победой не все земляки.
По-братски сошлись имена их на плитах.
Хранят о них память друзья-моряки,
С цветами идут на могилы убитых.
Сраилу-аге шестьдесят, юбилей,-
Совет ветеранов шлет памятный адрес.
Он на ноги ставит аульных детей.
И сам еще стоек, кряжист и покладист,
Инструктор райкома, потом – секретарь...
Директором школы бессменно лет двадцать.
Посмотришь – Саке еще вовсе не стар:
Колечками кудри, готов еще «сбацать».
Он рад, что верна ленинградская связь.
Возвышенна жизнь в Науалы, словно ода.

Идет он, спокойной улыбкой искрясь
Бывалый моряк из степного народа.

III

Светлынь...

«ЖЗЛ» есть в директорском доме.

Хлопочет на кухне хозяйка Кайша.

Давно ль получал в комсомольском райкоме

Путевку на Балтику сын Иртыша?

Нева, Ленинград, Севастополь и Волга –

Так шел уроженец абайской земли.

И сколько бы ни было, вспомнишь невольно:

- Считайте, семь лет между тем пролегли –

А жизнь быстротечна, и только морщины –

Немые свидетели прожитых лет.

Что значит семь лет для джигита, мужчины.

Коль шел он дорогой и бед, и побед.

Скомандует май – отстреляются почки,

И справит Омаров Сраил юбилей.

Слетятся, как птицы, два сына и дочка,

Приедут и внуки, и много друзей.

- Вы слышите, Бекишев и Рамазанов,

Все меньше нас, кировцев, с давней войны.

Увидел я с болью на телеэкране

Наш крейсер, матросов, что дружбой сильны.-

Плывут «Жигули» по дороге туманной, -

И снова о Балтике вспомнил Сраил...

Очнулась природа и к нам по команде

Под солнцем апрельским ЯК-40 рулил...

1985-89 гг.

ЗАЩИЩАЯ ГОРОД НА НЕВЕ...

(Жизнь-подвиг Магауии Букашина)

Поэма-толгау

Два десятилетия назад мне удалось написать о ветеранах Великой Отечественной войны Сержане Рамазанове и Сраиле Омарове очерк «Моряки с Балтики» и поэму-толгау «Моряк с крейсера «Киров».

Со временем узнал, что защитником блокадного Ленинграда, как артиллерист, был мой тесть, участник двух войн Магауия Букашин. Возвратился он домой в Кокпектинский район инвалидом, без одной руки, но, благодаря способностям, целеустремленности и мужеству, встретил свою пару, обустроил семью, вырастил четверых детей и даже трудился управляющим фермой.

М.С.

I

Грядой тянулась цепь Тарбагатая,
И где-то рядом плещется Зайсан.
В степных просторах без конца и края
Родился мальчик, вторя чудесам.
И рос один он средь ковыльной сети
Подстать по цвету кожи белизне,
Что «желтым мальчиком» прозвали дети,
Еще с кудрями вырос, как во сне.
Остались в детстве школьники Курчума
И лютые метели Байбуры.
С качелями-алтыбаканом шумно
Металась юность в гаме детворы.
Под мышки взяв учебники, тетради,
Ведомый властной мамой Рабигой,
Он для себя и родственников ради
В другом ауле выбрал дом родной.
Не зря прозвали люди эту местность
Проникновенно «Ульгули малши».
Пришла сюда заслуженно известность:
Трудились аульчане от души.
Остались в памяти Зайсан с рыбалкой,

Пестрели кокпектинские цветы.
Достаточно ходил себе вразвалку –
Букашина ждут в армии посты.
Не удержать единственного сына:
На службу проводила мать как долг.
Но тут война, и, отражая фина,
Попал и Магауия в стрелковый полк.

II

Немало километров за плечами
Оставил Магауия от Иртыша.
И в Ленинграде белыми ночами
Воспаряла загрустившая душа.
Величественен памятник Фальконе,
Где Петр Первый на своем коне.
Фашисты рвутся в ярости и стоне,
Чтоб пировать на невской стороне.
Здесь обучался наш Мухтар Ауэзов,
Здесь первой книгой в мир вошел Абай.
Обстрелами глумиться бесполезно,
Когда любовь к Отчизне через край.
Известны нам все ужасы блокады,
И беспримерна стойкость горожан.
Фашистам не сломить такой преграды,
Коль песней подкрепляет Казахстан.
Развешано послание Жамбыла,
Где восседает аксакал с домброй.
В восторге, пролетая белокрыло,
Душа взмывала чайкой над Невой.
По Ладоге проложена дорога:
Обозы прибывали в Ленинград.
Как маршал Жуков не пустил с порога,
Шипел змеей фашистский супостат.
Карельский перешеек, канонады...
Блокада длилась девять сотен дней.
Нацистам не хватает нашей правды.
Чтоб одолеть отчаянных людей.
Жамбыл им возвышает душу песней;

И Шостакович в музыку облек.
Хоть трупами усеяна окрестность,
Настал свободы долгожданный срок.
Известно всем, что пуля – это дура,
Но пушечный снаряд еще дурней.
В момент была испорчена фактура:
Букашин одорукий среди людей.
Притом была контузия вначале,
И долго мучила физическая боль.
Война отмечена достойными врачами,
Что Магауия предстал самим собой.
...Его прозвали Северной Пальмирой,
Петра творенье – город Ленинград.
Но юности другой не будет в мире,
Чтоб парню руку возвратить назад.
Сама природа – верное лекарство
Врачует в среднерусской полосе.
В объятия берет степное царство,
Представ под стук колес во всей красе.
А жизнь Букашина пока еще в начале:
Душа поет, но тело без руки.
Хоть две войны остались за плечами,
Он должен жить невзгодам вопреки.
За Байбурой душа сама запела,
Тюльпанами встречает Кокпекты.
Метнула взгляд красавица несмело,
Притянутая силой красоты.
По всей груди звенели все награды,
Сзывая за околицу девчат.
И Кайракпая дочь пришла, как надо,
Звучало имя мило – Нургайша...
Он стал начальником по статусу аула,
К тому же досточтимый ветеран.
И четверо детей не преминули
Пообустроить свой семейный клан.
И подросли по родословной внуки,
Проворные, друг друга порезвей.
У деда стало не рука, а руки,
Что в мирной жизни подлинно добрей...

III

- Проходит жизнь в одно мгновение ока
Иль коротка, как рукоять камчи.-
Вещали старцы юности далекой,
Когда весной взлетали ввысь грачи.
Они считали годы по Наурызу,
Что в марте начинался Новый год.
Никак не снять воспоминаний груза:
Во сне нередко канонады бьют.
И мчится вдоль Невы тот «Медный всадник»,
Что высится в честь Первого Петра.
...Выходят аульчане, как на праздник,
Коль наступила страдная пора.
Став ульгули-примерным, поневоле
Аул умножит тучные стада.
Когда комбайны выезжают в поле,
Познаешь радость сельского труда.
Не менее азартно, что экзамен
Сдает комиссии приемной сын иль дочь.
За курсом курс неслись назад кругами,
Что, как на дереве, оставить след не прочь.
Мечтал ли Магауия под всплеск зарницы
Средь канонады пушечной стрельбы,
Что может жизнь когда-то измениться,
И внук на свет придет, как дар судьбы?
Осознавать дедулей непривычно,
Хоть внуки обращаются: ата.
От счастья жизнь недалеко обычно,
Коль светит радость уголками рта.
Достойной жизни основные вехи
Предстали, как дорожные столбы.
Надежда, окрыляясь в человеке,
Бывает у руля большой судьбы...

2010 г.

БАТЫР МАМАЙ ХАНА АБЛАЯ

Поэма-толгау

Еще несколько десятилетий назад мне удалось опубликовать в московском журнале «Вопросы литературы» рецензию на хрестоматию «Көне әдебиет нұсқалары» («Памятники ранней литературы»), подготовленную и выпущенную группой ученых кафедры казахской литературы КазГУ (ныне КазНУ им. Аль-Фараби) во главе с профессором Бейсембаем Кенжебаевым. Эта публикация неудержимо подогрела мой интерес к истории своего народа. В результате была выпущена небольшая книжка «Хан Аблай и его батыры». Когда в Семее одна из улиц была названа именем батыра Мамая Жумагулулы (1702-1799 гг.), в редакции местных газет посыпались вопросы и просьба написать о нем. Так по просьбе читателей появился очерк «Сердце батыра Мамая», помещенный в моей книге «Поэтическое вдохновение: Абай, Шакарим и Мухтар» (2007 г.).

К 300-летию батыра Мамая была написана поэма-толгау, которая публикуется в редакции 2010 года.

М.С.

I

Даешься диву в мыслях о батырах:
Народ их прославлял в досуга час.
Они, как сад, увиденный в пустыне,
Зовут к себе сердца народных масс.
Пленительным искусством Шакарима
Описаны герои и пейзаж.
Нашествие джунгар неотвратимо
Дано его пером как репортаж.
У озера плашмя расположились
Казахи, в бегстве изможденные совсем.
«Великим бедствием» навечно сохранились
Те дни в народе среди многих тем.
От Чингистау ушедшие когда-то
У Сырдарьи шли люди Тобыкты.
Гонимы были ором супостата
Еще до битв Чагана, Буланты.

Как плохо, что беда ведет к безумству,
Что на холме забыт Анет-баба.
Его слова тех приводили в чувство,
От коих отвернулась вдруг судьба.
Так добрались бродяги до Иргиза,
Дошли пешком до рек Кенгир и Ор.
Три бия джузов трех с вершины сизой
Окрест распространили уговор.
Абильмансур давно, еще мальчишкой,
Был прозван Сабалаком¹, пас коней.
Джунгара победил, хоть молод слишком,
И клич «Аблай» - как знак его кровей.
Так хан Аблай взращен был Толе-бием,
Батыром Богенбаем вдохновлен.
На благо закалили его битвы,
Да и умом палатой наделен.
К нему тянулись все батыры всюду:
И Кабанбай, И Раимбек, Баян, Мамай,
О Жанибеке с Наурызбаем люди
Легенды помнят, лишь запоминай.
Вот и Мамай еще совсем подростком
Тринадцати-четырнадцати лет
Сражался так, что саблей с перехлестом
Сводил ряды джунгарские на нет.
Заслуги Айтеке и Казыбека,
Как биев, сблизивших три джуза в цельный род,
Проходят красной нитью в век из века,
Вернув казахам статус как народ.
Мамай уже с изгнанием джунгаров
Привел свой караван на Чингистау,
Как будто знал, что здесь Абай загадкой
Родится, чтоб звездой заблистал...

II

По воле свыше Сырдарья взрастила
Батыра здесь по имени Мамай.
От Иртыша с корней вливалась сила,

¹ Сабалак – растрепанный, неухоженный.

Которой он набрался через край.
Захватчики вели себя жестоко,
На пиках головы ввысь вознося.
Они объяли степь чумой с Востока,
Детей аульных с люльки унося.
Их изгонял Мамай, кося с размаха,
Умел удар врага опережать.
Вселял он веру в воина-казаха,
Чтоб с тактикой его мог побеждать.
Но все ж ойраты изнывали страшно,
Копытами все пастбища топча.
Калмаками детей пугали даже,
По-разному джунгаров нареча.
Цеван-Раптан был хунтайджи суровый,
Годами на казахов зуб точил.
Преемником Галдан-Церен не внове,
По алчности его превосходил.
Под натиском захватчиков страдали
Кочевники четыре сотни лет.
Те предки участь их предугадали,
Коль той страны на свете нынче нет.
Могуч Мамай, что одному из первых
Народного батыра титул дан.
В нем столько было на победу веры,
Что сам Аблай вознаграждал как хан.
И если ныне вызывают зависть
Простор и очертание границ,
То круг батыров, как Мамай, на славу
Их сберегли от чужеземных лиц.
Вблизи Аягоза великое сражение
Раскладу сил внесло свой перелом.
Джунгары, признавая поражение,
Обед воздали лучшим скакуном.
Невольно вспоминаешь о Мамае,
Бывая у пещер Аулие.
И здесь он, ополченцев поднимая,
Витал атак на самом острие.
На Чингистау Чаганские курганы –
Свидетели немые грозных дней

В истории далекой Казахстана
Необходимы участью своей.
У Балхаша долина Аныракая.
Где бегство супостата началось,
Где удаль богатырская Мамая
Вовсю раскрылась, как и повелось.
Когда врагов в Джунгарские ворота
Отбросили, тесня их за Бахты,
Батыр Мамай, охваченный заботой,
Увидел пастбища, которые пусты.
Здесь племена Уака и Наймана
Живут в соседях испокон веков.
Обширные просторы Казахстана
Все защищали без излишних слов...

III

Абай изрек о смене поколений.
Вослед ему дополнил Шакарим.
Два гения великих устремлений,
К свободе их порыв неодолим.
Зовут народ сорвать неволи сети,
Достоинство – исконная черта.
Поэзией окутывались дети,
Чтоб с песней познавалась красота.
Так девять сыновей вокруг Мамая
Имели свой аул и аульчан.
Последние минуты сознавая.
Отец созвал сынов, едва шепча.
Батыр и в девяносто лет от роду,
Сразясь в единоборстве, победил.
Он славно прослужил стране, народу,
До ста всего три года не дожил.
И был завет Мамая самый главный,
Когда и где его похоронить.
Хотел он в Туркестане пред Аблаем,
У мавзолея Яссауи, почтить.
А сердце, замолчавшее навеки,
В родном Архате в землю схоронить.

Велел батыр, учтя, что здесь он свете
Его потомкам, поминая, жить.
В Чингисской волости под именем Абая
Сложился от Мамаю целый род –
И тот район от края и до края
Весь в памятниках, как музей, живет.
От генов предков есть живучесть кода:
Героев дал Архат войны, труда.
Они бессмертны для всего народа
Примерами отваги навсегда.
Здесь не могу не говорить о жизни
Той девушки по имени Баян,
Которая, борясь за честь Отчизны,
Брала Берлин среди стойких россиян.
Со звездами Героя возвратились
С войны Серикказы и Закария¹.
Мы, школьники, героями гордились,
Как будто земляки – одна семья.
При нас известен стал Болат Багдатов,
И Бекембай Абжанов – честь труда.
Не всех назвал, но это – не утрата,
А радость жизни – в сердце навсегда.

Газета «Вести Семей», 15.12.2010 г.

¹Герои Советского Союза Серикказы Бекбосынов, Закария Белибаев и орденоносец Баян Байгожина.

ЗА СТЕЗЕЙ АБАЯ

Поэма-толгау

Как бы ни было печально, но приходится осознавать, что при прежней власти творчество Абая (Ибрагима) Кунанбаева трижды подвергалось гонениям по разным идеологическим соображениям: сын крупного бая, феодала, пантюркизм, панисламизм, космополитизм и др.

Но замечательные произведения основоположника казахской новой письменной литературы Абая Кунанбаева неизменно находили путь к народу. Их исследованием занимались многие ученые, в результате сложилась целая отрасль филологии – абаеведение. Еще в царское время крупнейший лингвист, придумавший грамматические термины: бастауыш-подлежащее, баяндауыш – сказуемое, етистик-глагол и др., - видный общественный деятель и поэт Ахмет Байтурсинов назвал Абая «главным казахским поэтом».

М.С.

I

Немало лет работал педагогом
Средь школьников, студентов, в ОблОНО.
Но в памяти, уж не судите строго,
Пора пединститута, как кино,
Трудился там я, отдавая душу,
Как кандидат наук-абаевед.
Коль человеку в молодости лучше,
То в жизни повторения ей нет.
Не потому ли в молодые годы
Бывает много всяческих идей?
«Стезей Абая» назван был по ходу
Студенческий кружок тех давних дней.
Увлечены все творческой дорогой
Абая и своей – таков расклад.
Кружковцы те, не мало и не много,
Достойными вступили в жизни сад.
Средь педагогов были и герои
Недавней той с фашистами войны.

Потомки и батыров с нами вровень
Преумножали вместе честь страны.
Герои книжек о годах двадцатых,
Кто знал Мухтара тех далеких дней,
Делились щедро памятью богатой,
Чтоб будущее стало нам ясней.
Так в мире создано самой природой:
Евразии стыковка – Жидебай.
Здесь создавая «Гаклию» народу,
Тянул шестой десяток лет Абай.
Он – как Тагор для Индии великой,
И как Шота, Шевченко и Тукай.
Коль мир бывал для Пушкина двуликим,
То не суди судимых, отчий край.
Так вот, Абая кровно защищая,
На четверть века влип Каюм-ага.
Хоть был на фронте первый том «Абая»,
Найти пытались в авторе врага.
С романом «Путь Абая» стал Ауэзов
Всемирно популярен как казах.
И вскоре вовсе перестали грезить,
Чтобы Абайтану взяло размах.

II

Назвав шедевры «Временами года»,
Вивальди и Чайковский дали старт.
Весна, к примеру, красками природы
Сияет, словно Левитана «Март».
В Восточном Казахстане резкий климат.
Зимой морозы, летом уж жара.
Приезжий то по-своему воспримет,
А вот Абай – волшебником пера.
Созданий нет в поэзии всемирной,
Чтоб полностью о года временах.
Один Юн Сонда на корейской лире
Оставил свой триптих, как наш казах.
Когда влюблённые встречались на качелях,
«Письмо Татьяны» Пушкина неслось.

Вот как Абай помог на самом деле,
Чтоб легче признаваться довелось.
А сколько песен, о любви вздыхая,
Раскачивал в степи алтыбакан.
Так фильм был назван «Песнями Абая»,
Что с радостью воспринял Казахстан.
Шота поэму «Витязь...» увозили
Как приданое, замуж выходя.
Такой обычай девушек – грузинок
С абайскими стихами был тогда.
По спискам Мурсеита, Самарбая,
Чьи почерки отменны, на заказ.
Казахи узнавали про Абая,
Озвучивая песни в светлый час.
Оставил он ещё нам три поэмы
Про Македонского, Азима и «Масгуд»,
Что стали целой кандидатской темой.
Тогда Москвой был оценён сей труд.
По мысли доходил он до Спинозы,
И Аристотель с ним беседы вёл.
Не в счёт ему завистников угрозы,
Когда в себя, как на Парнас, ушёл.
Поэзию его Мухамедханов
Каюм-ага, наставник, мугалим,
По буквам текста заводил в нас рьяно,
Чтоб стали знатоками вместе с ним.
Причастность к общетюркскому наследству
Дала для слова «новый» кругозор.
Абай стал зачинателем на редкость
Словесности новейшей с этих пор.
Таков удел казахского народа –
Как Феникс, возрождаться вновь и вновь.
Присуще человеку от природы
Питать к страдальцам тайную любовь.
Но сей народ все ж народил батыров,
Чтоб землю до Алтая удержать.
Таким был хан Аблай, живя на стыке,
Что смог державы рядом опознать.
Не восхищаться гением Абая,

Историка. философа. творца,
Не может тот, кто хоть коснулся края
Величественной чаши мудреца.
Еще при жизни Шакарим-соратник
Назвал «дана», что «гений», как и есть.
Трудам бывает и своя оплата,
Что «Путь Абая» автору как честь.

III

Стихи Абая низвергались трижды,
Иным десятилетиям подстать.
Они к народу становились ближе,
Что их никто не сможет отобрать.
Поэзия Абая силой мага
Обворожила души, вновь звуча.
В его стихах была своя отвага,
Чем брали в плен, пылая сгоряча.
Они пригодны для любой эпохи,
Поскольку в них есть зоркость бытия.
И в радости, и в горести неплохи,
Чтоб человека привести в себя.
Поэтому мы бережем, наверно,
Святое имя и его труды.
Как Уаис, кто защитил примерно
Абая от камчи и от беды.
При жизни сам поэт не видел книги,
Где были бы навек его слова.
Теперь в свободном государстве сдвиги –
Абаю утвердили все права.
На то есть Назарбаева цитата,
Как лидера и главного лица.
Что стал Абай как талисман когда-то
И будет для казахов до конца.
«Библиография Абая» Мекемтаса
Настольной книгой стала, целый том.
С тех пор, как верх взяла повсюду гласность,
Абай вошел свободно в каждый дом.
Он призывал познать культуру русских,

Владея языком, как и своим.
Таких казахов, не дающих спуска,
Как Букейханов, множество за ним.!!
Абая почитают и в Париже,
В музее Гете славят в Ильминау.
Всем Кунанбаев Ибрагим стал ближе,
Поскольку он велик, как Алатау.
Не зря отметил юбилей ЮНЕСКО,
В Москве воздвигнут памятник ему.
Теперь Абай идет как классик веско,
Причастен человечеству всему...

Газета «Вести Семей» № 31 (440), 5 августа 2010 г.

ЖИВИ ВО СЛАВУ, АСТАНА **Поэма-толгау**

Еще в 60-70 годы прошлого столетия, работая над кандидатской диссертацией по теме «Поэмы Абая» под научным руководством известного профессора Бейсембая Кенжебаева, обнаружил, что в казахской поэзии издавна существуют три разновидности поэмы: жыр, кисса и толгау. Слово «толгау» на казахском языке обозначает «размышление». Причем оказалось, что в национальной литературе имеют место быть стихи-толгау и поэма-толгау.

И вот со временем, увлекаясь сравнительно короткой, но довольно содержательной формой третьей разновидности в разные годы создал и опубликовал в печати поэмы о ветеранах Великой Отечественной войны, моряках – балтийцах Сержане Рамазанове, Сраиле Омарове и участнике двух воин. защитнике блокадного Ленинграда артиллеристе Магауни Букашине, тепло встреченные читателями.

М.С.

В Акмолинске нам доводилось быть,
Потом был наречен Целиноградом.
Бывало, приходилось волком выть
Из-за иной умышленной награды.
А степь безбрежная открывала ширь
И с Байконура улетали в космос.
Инакомыслящих опять ждала Сибирь,
Чтоб жизнь земная выглядела просто...
Аул Абая даровал уют
Бежавшим из тайги сынам Кавказа.
У гор Чингисских с ними оживут
Узоры седел, не чураясь сглаза.
Течет Иртыш на Север без конца,
Он не похож на лермонтовский Терек.
Переплывали с криком удальца
Когда-то тюрки, обнимая берег.
По всем правам обширна та земля,
Которая зовется Казахстаном.
Недаром хан Аблай свой зоркий взгляд
На нем держал, сражаясь неустанно.
Здесь было и нашествие джунгар,
Гражданская по-старым бастионам.
Ишим – река, купавшая хазар.
Взрастила хлеб пудами в миллионах.
Да, скифы с незапамятных времен,
И гунны, возродившие Аттилу.
Мы были в небыли – суров судьбы закон.
Пока умом сей мир не восхитили.
У нас был и мудрец Аль-Фараби,
И был кипчак Бейбарс-султан Египта.
В той эре жил Анахарсис в любви,
Плутарха восхитивший в споре гибком.
Бывали Культегин и Тоньюкук,
Орхоно – енисейские каганы.
Казахи появились здесь не вдруг,
Живя под псевдонимом, как ни странно.
Но жизнь текла законным чередом.

В сороковом, пред самую войною
Был криком оглашен Абиша дом,
Оповестив селян самим собою.

II

Нам памятна вершина Байтерека,
Что привлекает, как земная ось.
Необходима воля человека,
Чтобы цвести столице довелось.
Не все согласны были с переносом
Столицы с юга на Сары-Арку.
Так поступал Аблай, жалея просто,
Что не построил город на веку.
В степной дали Кенесары отважный
Носился годы на лихом коне.
Столице в центре находиться важно,
Не у границы в южной стороне.
Величественен памятник проспекта,
Где с поднятой рукой сам Богенбай.
Здесь Жанибек с Кереем в давнем веке
Провозгласили ханством отчий край.
Не перечислить личностей столетий,
Здесь подвиги свершал и Кабанбай.
Так именно потомки их, как дети,
Москву спасали от фашистских стай.
И вот приходит то святое время,
Когда столицей стала Астана.
Обручено по-европейски племя,
Кому судьба народа вручена.
Найдется здесь и конус пирамиды
И современный крытый стадион.
Сияют небоскребы в лучшем виде,
Чтоб стало астанчан за миллион.
Нам возродить историю так надо,
Чтоб завистью не изнывал никто.
По всем религиям восторжествует правда,
Коль творческому духу есть простор.
Не зря стремился Папа Римский Павел

Соприкоснуться с нашей Астаной.
Наверно, дух вселенной нами правил,
Ведя нас вожделенною рукой.
К нам устремились люди всех конфесий,
Друзей и братьев вместе находя.
Здесь поселившись жертвами репрессий,
Соседи обретали благодать...
Музей Сейфуллина представлен в центре:
В сосновых срубах ладен особняк.
Чокан и Алтынсарин без поветрий
Светилами остались, как маяк.
Хотя в другой плеяде Букейханов
И все, кто ратовал за партию Алаш,
Стихами Шакарима и Магжана,
Ахмета, Миржакупа неустанно
Охвачен, как они, потомок наш.
Батыров Раимбека и Мамаю
Дела не вспомнишь ныне, не гордясь.
Все это назиданием Абая
Вселилось в сердце, как живая связь.
Абай и Пушкин в памятниках разных
Сзывают на прогулку астанчан.
Как музыка, включенная на праздник,
Волнует град новейшего ключа.
Столица всех открыто призывает,
Чтоб каждый толерантно приезжал.
В свободной атмосфере Назарбаев,
Как рыцарь духа, и окреп, и возмужал.

III

У Астаны в календаре есть дата,
А Каспий и Алтай как два крыла.
Поэт известный написал когда-то,
Что такова казахская земля.
Сплочение казахов – дело биев,
Собравшихся на Каратау втроем:
Казбек, Туле и Айтеке добились,
Чтоб от джунгар спасен был отчий дом.

Мы сагами Ануара и Олжаса
Достигли неба отдаленных стран.
Абай и Ауэзов мудрогласые
За морем представляют Казахстан.
Умом и волей, что даны нам свыше,
Определили статус всех границ.
Дружить, а не клеймить всего превыше
На этом свете для достойных лиц.
Не сгибли и фашистские оравы,
И тлен различных душегубных сект.
Как Бауржан Момышулы с заставы,
Встречает его имени проспект.
Мы чествуем бойцов и полководцев,
Кто дорог нам участием в войне,
С опекой «Нур Отан» под руководством,
Встречая День Победы по весне.
В калейдоскопе мирового зодчества,
Казахское искусство впереди.
С народным колоритом наше творчество
Со цвета неба знаменем в пути.
Не прекратятся дарований поиски,
Чему порукой звонкий «Жас канат».
Преодолев все часовые поясы,
Воспрянет Новый вуз, как Астана.
Пусть процветают спорт и наша опера:
Духовное начало в Ак Орде.
Вошли в ОБСЕ, не зная допинга, -
Пути нам открываются везде...
Народа ассамблея – как открытие,
Что дружба разных наций – как пример.
Столетия мечтали о развитии
В таком масштабе предки прежних эр.
Из Чемолгана мальчик без оваций
Определил как Нурсултан свой путь,
Раскрылся мудро он, как Лидер нации, -
Удача или свыше, в этом суть...

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ АБАЯ

ВРЕМЕНА ГОДА ЛЕТО

Июль – середина лета.
Степная нива на диво.
Подснежники в ярком цвете.
И там, где резвится река,
Аул встает на рассвете,
И в травах крупные крупы
Едва заметны при ржанье.
Табун, утоливший жажду,
Стоит, затаив дыхание.
Но мухи и здесь донимают,
Воды и неба на грани.
Резвы молодые кони –
Не схватишь при всем старанье.
Повсюду утки и гуси
Снуют в голубом коралле.
Девчата и снохи юрты
Украсят согласно желанью.
Не зря, засучив рукава,
Смеются в отдельном собранье.
Облеплена степь скотиной.
Довольный такой картиной
В аул возвращается бай.
Под ним иноходец играет.
Обманутый бедным слугой
Малыш у мамы хлопочет
О вкусном мясе бараньем.
Должна быть тень над головой,
Ковер постелен дорогой,
Чтоб баи, славные в степи,
Хвалили буйный самовар.
Заводят речи знатоки.
В байгу запущены слова.
Иные вторят им кивком,
Поддакивают млад и стар.

В рубашке белой с палкой вдруг
Явился сбоку аксакал.
Дает совет он пастухам —
Не подпускать к жилью скота,
Чтоб бай назвал их: байгуши
И дал кумыс им от души.
Прелестной лестью обложив,
Одев чапан в один рукав.
Уняв коня строптивый нрав,
Табунщики кружат с утра
У байской юрты неспроста.
Стрельбой и ловчих птиц огнем
Заражена вся молодежь,
И мчится с пеною у рта.
Степные беркуты с руки
Взлетают вмиг на небеса,
Сбивая селезней с хвоста.
Ушли заботы в забытье.
В руках нет сил у старика.
Бедняга юношам в угоду
В ауле весело хохочет,
Открыв по-старчески уста.

1886.

ОСЕНЬ

По небу плывут темно-серые тучи,
Осенний туман распластался тягуче.
Не знаю, от сытости или от скуки
В бегах стригунки, кобылицы в отлучке.

Трава и подснежники в поле пожухли.
И шутки, и смех молодёжи потухли.
Кусты и деревья без листьев округлых
Стояли бледны, как старик со старухой.

Задублена кожа для новой дубленки:
На ком-то обвисла тряпьем одежонка.

Всучив свои прялки свекрови, невестки
Латают прорехи на юртах в сторонке.

Летят журавлиные стаи рядами,
Внизу верблюды с зерновыми вьюками.
И в каждом ауле тоскливо немного:
Не видно ни игр, ни невест за холмами.

Кряхтят старики, коченеют ребята,
Еще до зимы холодами объята.
Собаки, лишившись костей и бульона,
Умчались на ловлю мышей до заката.

Огня не разводят на стойбище этом:
Туманом окутает копать под ветром.
Тоска одолела людей в темноте, -
Да сгинет обычай быть ночью без света.

1888

ЗИМА

Белобородый, в белой одежде старик
Глух и нем ко всему и ко всем без разбора.
Белый иней на нем и по виду суров,
По скрипучему снегу ступает упорно.
Дышит лютым морозом, сковавшим простор,
Старый сват, не зима, разгулявшись на славу.
Тучу шапкой одел набекрень впопыхах,
И от стужи покрылся румянцем лукавым.
Облаками ресницы легли на глаза.
Головой шевельнет – снег завалит по пояс.
Забушует от злости, как сильный буран, -
Шестикрылая юрта выходит из строя.
Увлеченные дети в азартной игре
Обморозят и руки, и щеки случайно.
Потому и пастух, облаченный вдвойне,
Отвернулся от ветра, кряхтя и качаясь.
Расчищают без усталости лошади снег.
Поистратили кони последние силы.

Вместе с лютой зимой пробирается волк.
Пастухи лишь бы хищнику не уступили.
Охраняйте, угнав скот к надежной черте,
Не умрете от сна, одолев эту крепость.
Пусть съедят до весны Кондыбай и Канай,¹
И оставите старца ни с чем за свирепость.

1888

ВЕСНА

Весна пришла, от стужи избавляя,
Степная гладь ковром цветет, пылая.
Когда глаза с мольбой глядят на небо,
Теплеет солнце, как земля родная.
О новом лете возвещают птицы,
И молодость, как лето, голосиста.
Из хижин старики, как из могилы,
Выходят, чтоб по-своему резвиться.
Кочевники дождались долгой встречи,
Восторженно сомкнулись братьев плечи.
Аульный гам. И снова молодежь
Воркует с упоеньем каждый вечер.
Верблюд трубит к рождению верблюжат.
В овраге мотыльки кишмя кишат.
И овцы блеют. Птицы над водой,
Кокетничая, крыльями шуршат.
Плывут и лебеди – красавицы озер.
Волнует в поднебесье птицы взор.
Когда летишь на резвом скакуне,
Твой сокол вспыхнет выстрелом в упор.
Есть утки, гуси. Гордость на коне:
Девчата липнут, что отбоя нет.
Они одели летние наряды.
Земля в цветах так празднична, нарядна.
В зените – жаворонок. С нами – соловьи.
Вторгается кукушка в хор наш рьяно.
Купцы сзывают аульчан на ткани.
На поле борозды кладут дехкане.

¹ Кондыбай. Канай – название родов.

Двоится скот у бедных и богатых,
От радости двоится и дыханье.
Искусным мастером создатель на земле
Оставил доброты узорный след.
Когда земля, как мать, поит нас грудью,
Склонившись, небо не встает с колен.
Посланец лета землю оживил.
Душа поверила в причастность высших сил.
Тучнеет скот, есть мясо, молоко,
Чтоб пыл надежды в людях воскресить.
Взбодрилось все. Лишь камень спит упорно.
Скупцу, как камню, суждена убогость.
Смотри на чудо высшего творца, -
Побудь в томленьи, укрощая волю.
Галдеж детей. Пригрелись старики.
Барахтаются вволю стригунки.
С небес несется песня певчих птиц.
Закрякали на озере чирки.
Когда нет солнца, власть у звезд с луной.
Они сияют в темноте ночной.
Когда заря трубит подъем светилу,
Они, косясь, проходят стороной.
А солнце – муж, земля его супруга.
Их истомила зимняя разлука.
Восходит солнце поступью крутой,
И мчатся прочь соперники в испуге.
Луне и звездам весть приносит ветер,
Земная жизнь воспрянула ответно:
Суровое отбросив одеяло.
Украсилась в улыбочивую свежесть.
Земля в объятья бросилась светилу,
Они – супруги в первозданной силе.
И солнце землю соком напоило,
Украшив, как жар-птицу, окрылило.
На солнце глянуть прямо невозможно.
Оно целует душу до ожога.
Я на закате видел: это солнце
Вошло в шатер, как боги, осторожно.

1890

СТИХИ АБАЯ О ЧЕТЫРЕХ ВРЕМЕНАХ ГОДА

ИСТОКИ

Среди поэтов-классиков мировой литературы, кроме Абая (Ибрагима) Кунанбаева, как нам кажется, никто не написал стихотворений, посвященных всем четырем временам года, со специальными названиями «Осень», «Зима», «Весна», и «Лето». Во всяком случае подобного явления не удалось обнаружить. Это удивительно и поразительно, потому что здесь имеются свои исторические, географические, климатические (погодные) и этнографические предпосылки.

Справедливости ради надо сказать о том, что индийский поэт и драматург пятого века Калидаса, который на санскрите создал классическую драму «Шакунтала или Перстень-примета», завоевавшую мировое признание, пьесы «Малавика и Агншмитра», «Мужеством завоеванная Урваши», написал поэмы «Род Рагху», «Рождение бога войны» и «Облако-вестник», к последней примыкает лирический цикл «Времена года»¹. Однако в силу своих территориальных, природных и национальных особенностей древнеиндийский поэт Калидаса построил свой цикл стихотворений «Времена года» своеобразно, составив его из следующих шести частей: «Песнь первая. Лето», «Песнь вторая. Дожди», «Песнь третья. Осень», «Песнь четвертая. Холодное время года», «Песнь пятая. Зима», «Песнь шестая. Весна».

Стихотворения Калидаса о временах года построены на пейзажных картинах и деталях, на природных сентенциях и чувственных проявлениях. Сама жизненная действительность, причем в движении и развитии, как это наглядно показано и обрисовано в стихах о временах года Абая, в данных лирических творениях отсутствует. Смее утверждать, что в силу младенчества развития мировой цивилизации: культуры, науки и литературы во времена Калидаса,

То есть за 14 веков до Абая. Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете и не резон предъявлять подобные претензии. Зарождение и развитие лирической поэзии в мировой литературе так и происходили, что описание окружающей природы автор, начиная

¹ Лирики Востока. Москва, Из-во «Правда», 1986, с. 303.

от Гомера и Овидия, воспроизводил статично, в лучшем случае сообразно своим переживаниям.

В сборник «Лирики Востока», изданный на русском языке и составленный из шедевров арабской, персидской и индийской поэзии, вошли лучшие произведения поэтов шестнадцати веков, начиная от арабов Омара ибн Аби Рабиа (644-712), Абу Нуваса (756-813), персов Рудаки (ок. 860-941), Омара Хайяма (ок. 1040-ок. 1123), Шамседдина Хафиза (1325-1389) до индуса, великого поэта двадцатого столетия Рабиндранта Тагора (1861-1941) и бенгальца-народного певца Назрула Ислама (1899-1976). Такой многовековой охват огромного диапазона восточной лирики обусловлен, думается, благородными устремлениями составителей предоставить как можно шире и полнее величайшие художественные достижения общепризнанной живописной, орнаментальной и многокрасочной восточной лирики.

И вот на протяжении многих столетий только один индийский поэт пятого века Калидаса обратил свое вдохновенное перо на цикл стихотворений «Времена года».

В своеобразной форме построен цикл стихотворений Калидаса из «Времен года». «Песнь первая. Лето» состоит из шести четверостиший, причем строки состоят из 13-16 слогов без рифмовки (белые стихи) и расположены произвольно. Четверостишия разделены между собой звездочками и в каждой строфе дана отдельная картинка человеческого бытия, животного мира и природы.

*Как царь проснулся Кама
от неги опахал,
пропитанных сандалом,
от песни тихогласной,
Под звуки томной вины,
от близости округлых,
Жемчужным ожерельем
украшенных грудей.¹*

Вот эта зарисовка утренней неги просыпающегося человека предстает началом стихотворения «Лето». Здесь имеются сравнение «как царь» и поэтическое словосочетание «жемчужным ожерельем украшенных грудей». В остальном только идет перечисление деталей прелестной картины. Однако поэтический

¹ Переводы Веры Потаповой.

настрой, навеваемый этими четырьмя строками, налицо. В таком же художественном плане созданы остальные пять четверостиший с представлением отдельных картин и особый индийской экзотической флоры и фауны; полдневное солнце, павлины, змеи, рыба, журавли, пруд, слоны, дикие буйволы, птицы «среди зноем сожженной листвы», «род обезьяний», «благородных оленей семья».

И это стихотворение «Лето» Калидаса завершается следующим четверостишием:

*Львы, и слоны,
и рогатые звери,
не помня вражды,
С телами в ожогах
несутся из дебрей горящих.
Толкаясь боками,
и с плеском бросаются в реку,
чьи обмелевшие воды
бегут по широким пескам.*

Как видите, и в последней строфе «Лета» имеются только некоторые эпитеты: «рогатые звери», «из дебрей горящих», «обмелевшие воды», «по широким пескам». Иных каких-то поэтических троп или особых художественно-образных элементов в данных строках нет. Тем не менее «Лето» поэта-классика Калидаса, как и остальные стихи из «Времен года», по-праву принадлежит к шедеврам древнеиндийского поэзии.

Также и в последующих пяти песнях данного цикла, озаглавленных «Дожди», «Осень», «Холодное время года», «Зима», «Весна», не фигурируют привычные современному читателю неожиданные метафоры, глубокомысленные выражения и художественные образы с какими-то идейными устремлениями. Автор Калидаса добивается соответствующего поэтического эффекта мастерским использованием изысканных слов-перлов и немногочисленных образных проявлений.

Не осталось вне нашего поля зрения многовековая китайская поэзия от VI-го до XIX-го веков и дальневосточная лирика корейского и вьетнамского народов.¹ Однако и здесь, как в западноевропейской и русской классической поэзии, специально

¹ См. книгу: Светлый источник. Москва. Изд. «Правда», 1989 г.

посвященных четырем временам года стихотворений нет. А имеются лишь отдельные стихи о том или ином времени года или даже о каком-то периоде или об отдельных проявлениях одного времени года. Только лишь у одного корейского поэта Юн Сондо (1587-1671) есть специально название стихотворения «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима», однако общее название опять-таки давно своеобразно: «Времена года рыбака».

Здесь следует заметить, что лирика этих поэтов азиатских и дальневосточных народов, в основном, переведена на русский язык в XX-ом столетии, поэтому Абай навряд ли смог в свое время познакомиться с ними.

Для достаточно полной уверенности относительно влияния на Абая мировой поэзии в создании цикла стихотворений о временах года следует сказать, что от младенчества общечеловеческой литературы до Байрона, Гете, Шиллера и Адама Мицкевича отдельные лирические произведения, которых в разное время доводилось переводить (через посредничество М.Ю. Лермонтова) великому поэту-мыслителю на казахский язык, циклы «Времена года» были созданы в музыкальном искусстве композиторами Антонио Вивальди (1678-1741) и П.И. Чайковским (1840-1893), причем последний посвятил каждому месяцу года по одному произведению, соответственно озаглавив: «У камелька (январь)», «Масленица (февраль)», «Песнь жавронка (март)», «Подснежник (апрель)» и т.д.

Для полноты картины следует сказать, что немецкий поэт Эвальд Клейст (1715-1759), друг самого Лессинга, написал элегию «Весна». И вот Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781) которого Н.Г. Чернышевский как теоретика поэзии ставил на второе место после Аристотеля, отозвался об этом произведении так: «...Что касается Клейста, я могу поручиться, что он очень мало гордился своей «Весной». Он придал бы ей, конечно, совсем другую форму, если бы прожил дольше. Он уже думал о том, чтобы внести в это стихотворение строгий план, и подыскивал средства, чтобы заставить это множество образов, вырванных, по-видимому, наудачу из пространного изображения обновленной природы, наполниться жизнью и пройти перед глазами читателя в их естественном порядке»¹

¹Лессинг. Лаокоон или границах живописи и поэзии М., ГИХЛ, 1957, с. 208-209.

В данном высказывании налицо оправдательный тон. Очевидно, большой критик никак не хотел принизить значение своего друга под названием «Весна». Да и не каждый значительный поэт решался каждому времени года посвятить отдельное стихотворение. Это можно подтвердить творчеством таких великих русских поэтов, как Пушкин, Лермонтов, Державин, Жуковский, Батюшков, Майков, Тютчев, Полонский, Бунин и многие другие, которые, будучи превосходными и тончайшими лириками, создавали стихи только об отдельных своих самых любимых и обожаемых временах года и их периодах. Например, сам А.С. Пушкин в замечательном стихотворении «Осень» откровенно признался:

*Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель, вонь, грязь –
весной я болен.
Кровь бродит, чувства, ум тоскою
стеснены,
Суровою зимой я более доволен...
Или:
Ох, лето красное! Любил бы я тебя.
Когда б не зной да пыль, да комары,
да мухи.
И далее, наконец:
И с каждой осенью я расцветаю вновь,
Здоровью моему полезен русский холод
К привычкам бытия вновь чувствую любовь;
Чредой слетает сон, чредой находит голод:
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,

Я снова жизни полон – таков мой организм.
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).*

А как освежающе и прекрасно звучат в душе с детства музыкальные строки майского стихотворения Ф.И.Тютчева «Весенняя гроза»:

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,*

Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Эти стихи о весне давно стали хрестоматийными, но не меньшую популярность приобрели такие стихотворения Тютчева о весне, как «Зима недаром злится», «Смотри, как на речном просторе», «Первый лист», «Весенние воды». А некоторые русские поэты своему любимому времени года посвятили по два и более стихотворений: П.А. Вяземский «Осень». (И в осени своя есть прелесть...»). «Осень. (Кокетничает осень с нами), А.Н. Плещеев: «Весна. (Уж тает снег, бегут ручьи...»), «Весна. (Опять весной в окно мое пахнуло...») и другие.

За последние два десятилетия были изданы две книги под одним и тем же названием¹. В эти сборники включены лучшие стихи о природе, о временах года от М.Ломоносова (1711-1765) до Н.Рубцова (1935-1971).

Очаровательные стихи, многие из которых Абай знал, а некоторые из них переводил на казахский язык. И здесь, пожалуй, заключена из разгадок феномена великого казахского поэта-мыслителя. Он в своей творческой деятельности строго придерживался правила, что ученик хоть в какой-то отрасли, жанре или направлении должен пойти дальше своих учителей. Так он и поступил, создавая свои шедевры о временах года. Есть также воспоминания и различные сведения о том, что он мог слушать через граммофон (патефон) музыкальные произведения Вивальди и Чайковского о временах года.

Если мы предположим, что первопричиной создания Абаем своих стихотворений о четырех временах года послужили классические произведения поэтического и музыкального искусства, то еще есть два предположения или доводов, которые связаны с историко-этнографическими и природными условиями и традициями жизни казахов.

Еще в начале 70-х годов была издана книга молодого тогда исследователя истории казахской литературы Мурата Ауэзова, который, анализируя творчество Ануара Алимжанова, Ильяса Есенберлина, Олжаса Сулейменова, Мухтара Магауина, Кадыра Мырзалиева, Абиша Кекильбаева и др., пришел к интересным и верным, на наш взгляд, сентенциям относительно национального

¹См.: Времена года. Родная природа в поэзии. Москва. «Молодая гвардия», 1977 г.
Времена года. Русские поэты о родной природе. Лениздат, 1985 г.

самосознания казахского народа. Одна из них, в частности, такова: «Кочевника окружает ровная круглая степь, небо над головой – круглая чаша. Юрта, круглая в горизонтальном сечении от самого основания и до отверстия в центре сводов, отражает то же самое представление кочевника о мире, которое нашло воплощение в куполообразных постройках среднеазиатских зодчих»¹.

Вот это «круговое представление кочевника о мире» было вполне естественно и органично присуще самосознанию поэта-мыслителя, основоположника новой казахской письменной литературы Абая (Ибрагима) Кунанбаева, в частности, относительно течения времени. Им даже создано стихотворение «Сағаттың шикылдағы емес ермек» - «Тикают часы не для забавы» (1896), где автор одну минуту сравнивает с целой жизнью человека, а все идет по кругу от рождения до смерти: весна, лето, осень и зима.

Во-вторых, сами климатические и природные условия заставляли казахов отсчитывать время по кругу и соответственно устраивать уклад жизни: джайляу – летовка, кузеу – осенняя стоянка, кыстау – зимовка. А климат, особенно в тех краях, где располагались аулы Кунанбаевых был резко континентальным и в то время, в период жизни поэта. По свидетельству краеведа Н.Абрамова, в Семипалатинском Прииртышье «мороз зимой до 34-х градусов, а летом в тени – до 31-го градуса, что на солнцепеке в песке яйцо сваривалось за 10 минут»².

Настолько суровые климатические условия невольно заставляли кочевника отсчитывать минуты, часы, дни и месяцы кругового календаря и запоминать абсолютно все приметы каждого времени года. Вспомним также известное русское выражение «круглый год» и казахское – «жыл он екі ай» («двенадцать месяцев в году»).

Таковы основные и главные истоки и предпосылки того, что казахский поэт-классик Абай создал как бы по круговому циклу свои известные оригинальные четыре стихотворения:

¹ Мурат Ауэзов. Времен связующая нить. Алматы. «Жазушы», 1972. с. 35.

² Н.Абрамов. Областной город Семипалатинск (1860). Записки Имп. РГО. Под редакцией А.Н.Бекетова, 1861, с.126.

О ВРЕМЕНАХ ГОДА

Когда Абаю было сорок лет, он написал «Лето» - первое стихотворение из цикла «Времена года», а к концу лета, 10 августа (по старому стилю), ему исполнилось сорок один год. К этому периоду своей жизни Абай вполне осознал себя как поэта и как истинного певца и заступника народа. К этому времени он настолько приобщился к русской мировой поэзии, что в 1882-1885 годах перевел на казахский язык стихотворения М.О. Лермонтова «Бородино», «И скучно, и грустно» и

через перевод своего поэта – избранника – стихи «Дитя в люльке» Ф.Шиллера.

А далее в 1889 году (через четыре года) поэт вплотную занялся романом в стихах А.С. Пушкина откуда перевел восемь отрывков, на два из которых в дальнейшем сочинил музыку, ставшими впоследствии популярными песнями. Это – «Письмо Татьяны» и «Ответ Онегина».

Спустя четыре года Абай завершил цикл «Времена года», написав в 1890 году четвертое стихотворение «Весна», когда ему уже исполнилось сорок пять лет.

Надо признать, что обратиться к истории мировой поэзии побудило справедливое и достаточно прозорливое определение значения стихов Абая о четырех временах года, данное одним из первых биографов Абая, видным казахским литератором и общественно-политическим деятелем Алиханом Букейхановым, имя и творческое наследие которого полвека были под запретом, который еще девять десятилетий назад утверждал: «...Абай, как это покажут стихи, представлял недюжинную поэтическую силу и составляет гордость киргизского народа. Еще не было киргизского поэта, так возвысившего духовное творчество народа, как Абай. Чудные его стихи, посвященные четырем временам года (весна, лето, осень и зима) сделали бы честь знаменитым поэтам Европы»¹.

В стихотворении «Лето» Абай живописно воссоздал общий вид своего аула на джайляу Коп-беит у реки Баканас в Чингисской волости Семипалатинского уезда. Такие сведения предваряют первые публикации этих стихов на казахском и русском языках в

¹Газета «Семипалатинский листок» за 25 октября 1905 г.

газетах «Дала уалаяты» (1889, № 12) и «Особое прибавление к «Акмолинским областным ведомостям» (1889), № 12).

Стихотворение Абая «Лето» состоит из 56 строк, имеющих по 7-8 слогов. При этом использована самая разнообразная рифмовка, где, например, одна рифма: кылтылдап-ынкылдап-шылпылдап и т.д. повторяется 19 раз, что создает своеобразную аллитерацию и придает стихам музыкальное звучание и яркую живописность. Да и вообще в казахской поэзии издавна существовал такой прием, когда целое стихотворение и толгау создавались на одной рифме.

Один из исследователей оригинального и новаторского стихосложения Абая профессор Б.Кенжебаев писал: «Абай во многих своих стихотворениях, строки которых состояли из 3-4-5-6-7 слогов, обращался к перекрестной, парной и смешанной рифмовке, многие из них раскладывая своеобразно и составляя строфы по-своему, причем иногда он делал упор не на созвучии слов, а на созвучии мыслей, усиливая в казахской поэзии тенденцию к силлаботоническому стихосложению.

Так Абай создавал и предоставлял свои стихи как князей и царей слов, которые отличались редким своеобразием, легкостью звучания, отменной статью без сучка и задоринки и обладали золотым содержанием в серебряной оправе»¹ (Смысловой перевод наш – М.С).

Испокон веков в казахском стихосложении, как и во всей тюркоязычной поэзии, существовал примат силлабической разновидности, то есть стихи создавались на соответствии количества слогов в рифмующихся строках, где превалировала традиционная рифмовка ааба.

Однако Абай как поэт-новатор, обращаясь к русской и мировой поэзии и переводя на родной язык стихи Байрона, Гете, Пушкина, Лермонтова и др., настолько проявлял уважение к духу оригинала и свое мастерство, что сохранял их форму рифмовки и силлаботоническое построение.

С самых первых строк стихотворения «Лето» автор представляет живописную картину природы и ее обитателей на степном просторе.

*Жаздыкүн шілде болганда,
Көкорай шалгын, бәйшешек*

¹ Б.Кенжебаев. Вопросы истории казахской литературы. А., «Наука», 1973, с. 89 (на каз.яз).

*Ұзарып өсіп толғанда,
Күркіреп жатқан өзенге
Көшіп ауыл қонғанда:
Шұрқырап жатқан жылқының,
Шалғыннан жоны қылтылдап,
Ат, айғырлар, биелер
Бүйірі шығып ыңқылдап,
Суда тұрып шыбындап,
Құйрығымен шылпылдап,
Арасында құлын-тай
Айнала шауып бұлтылдап.*

** * **

*Летом, когда наступает июль.
Когда на сенокосном лугу подснежники
Наливаются во плоти,
У берега бурлящей реки
Располагается кочующий аул.
В зеленой траве мелькают крупы
Всхрапывающего табуна.
Лошади, жеребцы и кобылицы
Вздыхают от сытости и полноты.
И отмахиваются от мух, стоя в воде,
Разбрасывают брызги хвостом.
Среди них жеребята и стригунки
Резвятся, бегая кругами.*

(Подстрочный перевод).

Как видите, немногими, но отборными словами и словосочетаниями Абай представляет живую и зримую картину перекочевки и расположения аула на летнее джайляу. (Вспомним стихи Калидаса).

В июле, когда проходит середина лета, трава и цветы находился в полном росте. Аул расположен у быстротекущей и бурливой реки, а кругом благостная картина со своими впечатляющими и незабываемыми атрибутами: лошади, жеребцы и кобылицы в речной воде; мухи, разгоняемые хвостом, игриво мчащиеся кругом жеребята и годовалые стригунки.

Интересно такое наблюдение исследователя творчества Абая профессора М.С. Сильченко: «Абай, например, достигает большой выразительности, сохраняя и выделяя, в духе народной казахской традиции: «кони», «жеребцы», «кобылицы», «жеребята-однолетки и двухлетки», «ат», «айғырлар», «биелер», «кұлын-тай»). Для русского поэтического мышления такая детализация на столь существенна. Однако она приближает поэта к той жизненной конкретности пейзажа, которая присуща русской поэтической культуре и которая далее ведет Абая к индивидуализации и конкретизации типичных явлений казахского кочевого быта. Живописны и правдивы сцены, в которых действуют «девушки и молодухи» (кыз-келіншек), сооружающие юрты. Движения их согласованы и ловки.

Работу сопровождает веселый смех. Все в картине наполнено поэзией жизни действительной»¹.

В правду далее поэт воссоздает картину шуршащего взлета и посадки уток и гусей, кокетливых девушек и невесток, которые, засучив рукава и обнажив белые руки и локти, хихикают шутливо и плавными движениями ловко зашивают складки на юртах.

А там едет верхом самодовольный бай, объездив и обзрев свои тучные стада, на своем смирном иноходце. Слуга обманом упросил байского сынка вынести кусочек мяса, а тот хнычет около матери. Бай торжественно восседает на ковре под тенью у кипящего самовара, если заговорят ученые люди, то бай, как разгоряченные кони на байге, кивает головой, выражая согласие. Откуда-то со стороны подходит аксакал в белой рубашке и с палкой и с криком требует от пастухов отогнать скотину, угождая баю, чтобы тот смилостивился, подозвал снисходительно и угостил кумысом. Измотанные с утра табунщики, засучив рукава чапана, подъезжают на норовистых конях. Молодые парни стреляют на охоте, запускают в небо ловчих птиц. И заключают данное стихотворение такие строки:

*Жас бозбала бір бөлек
Су жағалап құтындап.
Қайырып салған көк құсы
Көтеріле бергенде,
Қаз сыпырса жарқылдап.*

¹М.С.Сильченко. Творческая биография Абая. А., 1957, с. 74-75.

*Өткен күннің бәрі ұмыт,
Қолдан келер қайрат жоқ,
Бағанағы байғұс шал
Ауылда тұрып күледі,
Қошемет қылып қарқылдап.*

* * *

*Безусые юнцы в отдалении
Снуют у берега реки.
В круговую пущенная небесная птица
Взлетает и поднимающихся в небо гусей
Успеваает яростно сразить.
Забыты все прожитые дни,
У старика нет прежних сил,
И он, бедняга, находясь в ауле,
Хохочет в угоду, поздравляя.*

(Подстрочный перевод).

Для лирики Абая характерна такая особенность, что в ней довольно редко используются эпитеты. Красочности и яркой выразительности поэт добивается деепричастиями (косемше) и деепричастными оборотами: ұзарып өсіп, күркіреп, бүйірі шығып - вырастая, громыхая, наполнив бока и др.

Также Абай как поэт-мыслитель в каждое стихотворение вкладывает определенную философскую мысль. В данном стихотворении он противопоставляет беззубого, обессилевшего старика молодым людям, которые резвятся у берега реки, запуская ввысь кречетов на диких гусей и уток.

В целом предстает довольно полная и живописная картина степного лета перед читателем, который должен полнее насладиться дарами природы, пока молод душой и телом, пока есть на это достаточно физических и моральных сил.

Прежде обычно стихи Абая анализировались с классовой позиции. Одна из черт гениальности Абая заключается в том, что его произведения можно интерпретировать с разных точек зрения, хотя в них есть заметное импонирующее низшим слоям населения. Здесь есть и самодовольные баи, рассеявшиеся вокруг пышного дастархана, хозяин аула, объезжающий свои стада, угодливый старик, жаждущий чашку кумыса, и бедный слуга, уговоривший байского сына

принести из юрты кусочек вареного мяса. И венцом всех аульных зарисовок стал добродушный аксакал, который хохочет, как бы олицетворяя казахскую народную поговорку «құдай қартайтуға жазсын» - «да поможет бог дожить до старости».

Стихотворения «Осень» и «Зима» созданы в одном 1888 году. «Осень» состоит из шести четверостиший. Здесь уже описана жизнь кочевника на осенней стоянке – кузеу. Строки в этом стихотворении состоят из 11-12 слогов и написаны с традиционной рифмовкой ааба.

Стихи начинаются так:

*Сұр бұлт түсі суық қаптайды аспан,
Куз болып дымқыл тұман жерді басқан.
Білмеймін тойғаны ма, тонғаны ма,
Жылқы ойнап, бие қашқан, тай жарысқан?*

* * *

*Серые и мрачные тучи заволакивают небо,
Наступила осень и сырой туман окутал землю.
Не знаю, от сытости или от холода
Играют лошади, кобылы скачут, наперегонки мчатся стригунки.*
(Подстрочный перевод).

В данной экспозиции сделана наглядная зарисовка, навевающая осеннее настроение.

В последующих четверостишиях изображены характерные картины, переданы соответствующие детали быта и сезонные действия аульчан на осенней стоянке-кузеу.

Нет зеленой травы и подснежников, как прежде. Молодежь и дети приутихли, в ауле нет прежнего веселья. Деревья и кустарники курая оголились и стоят, как бедные старик со старухой, изменившись в лице.

Иные аульчане готовят закваску для выделки шкуры, а молодые женщины, поручив свекрови кручение ниток на веретено, латают прорехи на юртах.

Улетают гуси и журавли, движется караван верблюдов с зерновыми вьюками. Во всех аулах царит уныние, нет шуток, смеха и развлечений.

Деды и бабки семят озабоченно, дети озябли. В степи первые холода портят настроение. Для собак нет бульона и лакомых костей,

поэтому они рыскают повсюду, охотясь за мышами. Их не видно вблизи юрт, около аула.

Такую общую невеселую картину осеннего пейзажа и мрачное настроение кочевников перед приближающейся суровой зимой поэт завершает таким четверостишием:

*Күзеу тозган, оты жоқ елдің маңы.
Тұман болар, жел соқса, шаң-тозаңы.
От жақпаған үйінің сұры қашып,
Ыстан қорыққан қазақтың құрсын заңы.*

* * *

*Кузеу обветшал, кругом нет травы.
Коль подует ветер, пыль и гарь превращаются в туман.
Теряет уюта жилище без огня.
Да сгинет обычай, пугающий копотью.*

Реалистически передавая детали казахской жизни и быта, Абай в динамичном и вполне осязаемом и зримом движении развивает философскую мысль о превратностях кочевого образа жизни. Вообще замечательная лирика Абая прежде всего, на наш взгляд, отличается, в основном, двумя выдающимися особенностями: во-первых, созданием ярких выразительных и запоминающихся образов с помощью разнообразных художественно-поэтических средств в динамичном развитии; во-вторых, движением философской мысли по восходящей линии с соответствующими выводами. При этом всегда остаются в памяти впечатляющие метафоры поэта-мыслителя типа «Қайыршы шал-кемпірдей түсі кетіп, жапырағынан айрылған ағаш, курай!» - «Как обнищавшие старик со старухой, понуро стоят деревья и кустарники курая, потеряв свои листья!».

Сразу же вслед за «Осенью» Абай создает в том же году следующую часть задуманного цикла – «Зима». Это стихотворение, как и предыдущее, невелико по величине, состоит из 24 строк, но исключительно богато по содержанию и художественным особенностям. Зачин его таков:

*Ақ киімді, денелі, ақ сақалды,
Соқыр мылқау танымас тірі жанды.
Үсті-басы ақ қырау, түсі суық,
Басқан жері сықырлап, келіп қалды.*

*Дем алысы – үскірік, аяз бен қар,
Кәрі құдаң қыс келіп, әлек салды.*

* * *

*В белой одежде, крупный, белобородый старик,
Слепой, немой, никого не признает.
Белый иней на нем и по виду суров,
Скрипя по снегу, приближается.
Дышит люто, мороз и снег.
Пришел старый сват – зима и разгулялся.*

(Подстрочный перевод).

Стихотворение «Зима» написано традиционным одиннадцатидвенадцатисложным стихом. Рифмовка здесь также традиционная ааба. Однако вторая строка, кроме первого четверостишия, из этой системы выпадает. А в последнем четверостишии выпадает первая строка. Это своего рода новизна и новаторство поэта, которые привились на национальной почве вполне естественно и благозвучно. После экспозиционной зарисовки Абай живописно передал деяния зимы – старого свата. Но и здесь же на первый план выходят степные жители, шаловливые дети отморозили руки и щеки: пастух, облаченный в кожаный халат и шубу, не выдерживая ветра, отворачивается. Обессилели лошади, которые, без устали разгребая снег, добывали себе корм. Волки рыскают повсюду. Но автор с предупреждением обращается к пастухам, чтобы даром не пропал их труд.

*Қыспен бірге тұмсығын салды қасқыр.
Малшыларым, қор қылма итке малды.
Соныға малды жайып, күзетіңдер,
Ұйқы өлтірмес, қайрат қыл, бұз қамалды!
Ит жегенше Қондыбай, Қанай жесін,
Құр жібер мына антұрған кәрі шалды.*

* * *

*Вместе с зимой сует свою морду волк.
Пастухи, не отдавайте собаке скота в убыток.*

*Пасите на нетронутом месте и охраняйте.
От сна не умирают, собери всю волю и преодолей!
Чем собака съест, лучше пусть Кондыбай и Канай¹ съедят,
Отправь этого ненавистного и согбенного старика с пустыми
руками.*

(Подстрочный перевод).

Оригинальность Абая – поэта в стихотворении «Зима» прежде всего проявилась в том, что он не копирует образ Деда-Мороза из русской поэзии, а называет ее «старым сватом», более доступным понятием для сознания степняка-кочевника. Эту поэтическую находку его достаточно подробно интерпретировал Мухтар Ауэзов, который писал: «Из немногих стихотворений, написанных в 1888 году, есть еще одно особенное, посвященное пейзажу, изображению степной природы. Это новые стихи под названием «Зима». В начале данного стихотворения Абай показывает высококультурный стиль, связанный с настоящей русской классической поэзией. Здесь он зиму характеризует в образе живого существа. И это – не статичный и застывший образ, а, наоборот, красочный, динамично живой, который передвигается и производит ужасно пугающие действия. По ряду примеров он напоминает Деда-Мороза (Аяз-бабай) из произведений Некрасова. Но казахская поэзия да и сам казахский народ зиму так никогда не представляли. Только в одной устной поговорке «Қылышын сүйреп қыс келеді» – «Идет зима, волоча свою саблю» имеет место подобная единственная метафора, а в остальном такого случая, чтобы в казахской поэзии зима изображалась в облике человека, причем старика, не было. Однако Абай, заимствуя из русской поэзии такой новый образ, в первых строфах стихотворения это нововведение представляет для своего читателя легко приемлемо как старого и давнего знакомого. Особенно для читателей – современников Абая этот образ был вполне понятен. Об этом свидетельствуют такие значительные и весомые сравнения, как «Пришел старый сват – зима, разгулялся» и еще – «Шестикрылая юрта – орда закачалась».

«Старый сват! – это такой сват, который становится постоянным просителем и не успокоится; пока не возьмет свое, который ненасытен и всеяден. Также он наряду с тем, что доводит до

¹ Кондыбай и Канай – слабосильные роды, которые из-за материального недостатка отдавали свои земли в найм богатым аулам.

изнеможения, не отдавая дочь, еще берет дань повторно и многократно, без устали. Путем сравнения наступающую всегда по кругу зиму с таким сватом Абай переносит Аяз-бабая из русской литературы в казахскую и для своего читателя превращает его в свата, который становится так или иначе своим, породненным» (смысловой перевод).

Самым длинным и, пожалуй, наиболее значительным и крупным стихотворением Абая из цикла «Времена года» является «Весна», написанная в 1890 году как его заключительная часть.

*Жазғытұры қалмайды қыстың сызы,
Масатыдай құлпырар жердің жүзі.
Жан-жануар, адамзат анталаса,
Ата-анадай елжірер күннің көзі.
Жаздың көркі енеді жыл құсымен,
Жайраңдасып жас күлер құрбысымен.
Корден жаңа тұрғандай кемпір мен шал
Жалбаңдасар өзінің тұрғысымен.
Қырдағы ел ойдағы елмен араласып,
Күлімдесіп, көрісіп, құшақтасып.
Шаруа құған жастардың мойны босап,
Сыбырласып, сырласып, мауқын басып.
Түйе боздап, қой қоздап – қорада шу,
Көбелек пен құстар да сайда ду-ду.
Гүл мен ағаш майысып қарағанда,
Сыбыр қағып, бұраңдап, ағады су.*

* * *

*Весна пришла от стужи избавляя.
Поверхность земли пылает, как ковер.
Когда глаза животных и людей смотрят на небо,
Теплеет солнце, как родители.
Лето расцветает с сезонными птицами.
Молодежь перебрасывается шутками, веселясь.
Старуха и старик, как будто только что поднялись из могилы,
Перебрасываются прибаутками с погодками.
Кочевники с долин и с гор встречаются,
Улыбаясь, радуясь и обнимаясь.
Молодежь временно освободилась от хозяйства!*

*То же разгулялась, шепчется, раскрывает тайны,
Верблюды трубят, ягнята рождаются – шум и гам,
Бабочки и птицы в овраге кишмя кишат: ду-ду.
Когда смотрятся в воду бабочки и птицы, извиваясь,
То и вода журчит веселее и течет быстрее.*

(Подстрочный перевод).

Автор и далее с увлечением изображает аул в благодатную весеннюю пору: плывут и лебеди-красавицы озер, есть утки и гуси, молодые охотники верхом на резвых скакунах, к ним девчата в летних красочных нарядах липнут. Поэт отдельно рисует природу, где в зените поет жаворонок, где-то кукушка кукует. А здесь появились купцы и торговцы, предлагая новые ткани. Дехкане на поле кладут борозды. У бедных и богатых скот двойтается, тройтается, прибавляется...

Самое интересное то, что в конце данного стихотворения Абай показывает землю как супругу солнца:

*Зима тосковала всю долгую зиму по своему мужу-солнцу,
Никак не могли они друг с другом соединиться.
Когда земля насытится дыханием солнца,
Расцветет и разукрасится, как попугай.
Прямо глянуть на солнце невозможно.
Горит теплотой души и целует.
Я на закате видел: это солнце
Вошло в золотой шатер, полыхающий зарей.*

(Подстрочный перевод).

В данном стихотворении особенно явно проявляется тяготение Абая к пантеистическому учению Спинозы, потому что здесь поэт зарождающие и оживляющие силы природы: Солнце, Земля и другие представляет в одушевленных и действенных художественных образах. Такая особенность в мировоззрении казахского поэта – мыслителя была замечена еще в изначальной стадии развития национальной филологии, однако об этом тяготении с абайской спецификой сознательно и подсознательно умалчивалось или говорилось глухо и негативно.

Стихотворение «Весна» стало животворным и по-новаторски своеобразным венцом, достойно завершая исключительно оригинальный цикл стихов Абая о четырех временах года.

ПОЭТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС ИЛИ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории казахской литературы создание стихов о временах года было явлением беспрецедентным. Известно, что ныне эта история раздвинула свои рамки вглубь веков, вплоть до общестюркского наследия, поэтому Абая мы вполне логично и закономерно называем «основоположником новой казахской письменной литературы».

До Абая ни у одного из казахских акынов и жырау не было стихотворений, специально посвященных временам года. Только в XIX-ом столетии его современник, поэт и педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин создал одно стихотворение под названием «Лето».

Поэтический резонанс, безусловно, имели в истории казахской поэзии стихи Абая о временах года и в творчестве последующих поэтов, считавших обычно образцом и эталоном для себя стихи своего великого предшественника.

Основоположник абаеведения М.О.Ауэзов в своё время был одержим такой целью, чтобы замечательная лирика Абая зазвучала на русском языке, а через него на других языках народов мира. И вот такой удобный случай подвернулся в 1935 году, когда в Казахстан прибыла бригада русских писателей, в составе которой был известный ленинградский поэт Всеволод Рождественский, в переводе которого в 1936 году впервые отдельной книгой увидели свет избранные стихи Абая. А уровень и качество этих переводов, которые впоследствии стали как бы канонизированными, - это уж тема иная...

Журнал «Абай» №2 за 1996 год.

ЛИРИКА

* * *

Безветренной ночью луна,
Нагая, дрожит на воде.
В овраге ворчлива волна:
Река разлилась в темноте.

В ауле прибрежном листва
Ведет меж собой разговор.
И сочная всходит трава,
Спасая от пыли простор.

На лай и на крики «айтак»¹
Звенит, откликаясь, Чингис.
Не ты ль пробирался в кустах,
Чтоб встретиться с нею, джигит?

Бросало то в холод, то в жар,
Как-будто не знал удальства.
И в страхе внезапном дрожал,
Завидев подругу едва.

Она задрожала в ответ:
Кружилась от чувств голова.
Скажи, вспоминаешь теперь,
Как лынул подбородок к губам?

1888

* * *

Не исцелить,
Сердце болит,
С горя пылает огнем.
Не с кем делить
То, что лежит
Тайною в нем.

¹айтак – окрик при науськивании собаки.

Мучает зря
Совесть меня,
Встретившись с каждой душой.
Пряча лицо,
Мелкой трусцой
Вмиг пробегу
Стороной.
С этого дня
Пищи и сна
Определенно лишен,
Нужен покой,
Брожу сам не свой.
Удручен.
Сердце – юнец
Сгинет вконец.
Нет ему роздыха, нет.
Господи, в путь,
Милостив будь,
Дай совет.
Тополев куст
Строен и густ,
Листья – овечки шумят.
Шея дугой,
Поник головой,
Слезы – град.
Жил я, как пан,
Гордо ступал,
Горя не зная, вперед.
Остыл, устал...
То в огне сгорал,
То, как лед.

1890

* * *

Сколько б тебя ни хвалили – не верь,
Хитрость таится в хвалебной молве.
Веру в себя укрепляй, чтоб вдвоем
Разум и труд выводили на свет.

Там, где доверчивость, не суетись,
За похвалой без конца не гонись.
Сам не плети с миром слов кружева,
Впору ль мираж, наполняющий жизнь?
Горе придет, не сгибайся, встречай.
Радость охватит – не думай, что рай.
В сердце свое погрузись и на дне
Жемчуг найдешь – ты его не теряй.

1896

* * *

Тикают часы не для забавы.
Жизнь уносят стрелки, что в оправе.
У минуты тоже есть судьба,
Смерть приходит на глазах, исправно.
Вор-часы, крадущие минуты,
Здесь и жизнь отходит в промежутке.
Призрачное время только так
Мчится безвозвратно, скоро, жутко.
Звуки эти – прошлого приметы,
Чувства укрощай, снимай наветы.
Каждодневно лицемеришь зря,
Разумом постигнув тайны света.
Дни за днями – в месяцы и годы,
Годы в теле ноют к непогоде.
Боже правый, если мир не прав,
Сохрани отзывчивость природы.

1896

* * *

Жила одна красотка во дворце,
Кружила в мыслях хана, как в кольце.
В парче и золоте, служанок – рой.
Гадали ей гадалки о венце.
И бык, и вол имеют свои удел,
Проворен хан, пирует, осмелел.
Пусть тело гложут черви, чем старик,
Метнулась со скалы в иной предел.

Не в радость сердцу с явствами столы,
Глаза того, кто ровня, всем милы.
В погоне хан за тенью прошлых лет.
Зачем ей кости, что стары, дряхлы?
За юностью стремится, хоть не дюж,
Свои права есть у влюбленных душ.
Жена не станет верной за калым,
Глупцы берут в объятья юных жен.
Наполнят дом-очаг печаль и стон,
Когда на два мушеля¹ старше муж.
Не потому ли там, где нет любви,
Покои хана, как быка загон?
Чем бай старее, тем дороже скот,
Но жизнь не внове, покарай, господь.
Склонив скотом родителей, купец,
Зачем пошел ты на стародавний ход?
И усом не ведет почтенный бай,
Как будто бы живут в ладах, ай-ай!
Не зря кокетством веселит жена,
Воспитанница беса, так и знай!
Стареющий богач, тебе совет:
Рога пойдут покорности в ответ.
Хвалить начнешь обильный дастархан –
С пути собьешься, следуя молве.
В разладе он с безвинной байбишой,
Огня в достатке нет для молодой.
Она – еще росток, а он – курай,
Сойдутся ли мороз и летний зной?
Потуги бедер – это просто так,
Шлепки по крупу, поцелуй – пустяк.
От сердца к сердцу путь – дорога в год.
Осилишь этот перегон, чудак?

1896

* * *

Сердце мое, чуешь ли что,
Сколько подобных тебе?

¹ мушел (перс.) – двенадцать лет.

Мир для тебя открыл простор:
Нужен порядок в судьбе.
Отклика ищешь в ответ,
Чувств, как свои, наравне.
Где он, такой человек,
Спрятан в какой стороне?
Равенство, дружба, любовь, покой —
В людях для них есть приют?
Ринулись к ним с доброй душой,
Те, как торговцы, снуют.
Праведный суд необходим
Гласно хвалить и хулить.
В лести любой неуловим,
В споре его и не сбить.
Встречу ли друга в пути?
Не с кем держать мне совет.
Чувства злей, как ни крути,
Чем одиночество, нет.
Мне б поделиться порой
Мыслью от чистой души.
Тянется к горлу рукой,
Плату не дашь — не взыщи.
Разве за плату умом
Кто-то поймет силу слов?
Уши свои заглушит и в нем
Тьма торжествует назло.
Сердце, пылая, гори —
Польза отыщется вдруг?
Веришь ли, спрятавшись изнутри
Сущности жизни как друг?

1900

* * *

Что чувствуешь, сердце, скажи-ка?
Как будто кругом ни души.
Блуждаешь на свете великом,
Нет тяги к покою, тиши!
Поскольку душа нараспашку,

До круга не смог добрести.
Не бейся, о сердце, как пташка,
Чтоб в сторону не увести!
Среда, равноправие, дружба –
На свете им есть ли цена?
Не раз обращался, как нужно, -
Торговца рука подана.
Но сила народа священна:
Снесет и хвалу, и хулу.
И все-таки ближе измена,
Чем стойкость в крамольном углу.
Заветного друга найти бы,
С кем душу я смог отвести.
Лишь мечешься вновь суетливо
Без верного друга в пути.
Коль доброе слово для блага
Кому-то спешишь довести,
То он норовит, бедолага,
Какую-то мзду обрести.
К добру не ведет мздоимство.
От платы извечен ли прок?
Кто на ухо туг в лихоимстве,
Того не поддержит и Бог.
Горишь, мое сердце, сгораешь.
Для дружбы нужна ли мольба?
Прекрасное то, понимаешь, -
Где друг, там и жизнь, и судьба?

1990

* * *

Становятся тени длиннее,
Сужая дневной кругозор.
Со временем солнце краснее
И катится за горизонт.
Душа опечалена падко
И тянется на разговор.
Излить бы печаль без остатка,
Упрятав опущенный взор.

А жизнь за тобой, как тропинка,
Которая кротко вела.
Обман – не простая заминка.
Умом отстранишься от зла.
Но даже надежной находке
Не просветляется взгляд.
На сердце с избытком, до глотки,
Насыпан один только яд.
Но мысль, заблудившись, собачкой
Вернется под собственный вой.
Надежда избавит от качки, -
Верни свой душевный покой.
Полынь на посеве пшеницы:
Невольно завоешь, как пес.
К спокойствию надо стремиться,
Чтоб тихо Всевышний унес.

1990

ОТКРЫТИЕ АБАЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Имя Мурата Султанбекова давно знакомо читателям «Иртыша». Более трети века он активно сотрудничает с редакцией Семипалатинской областной газеты. Меньше известен наш земляк как поэт-переводчик, хотя были публикации – переводы с татарского, с казахского местных авторов. Недавно он закончил работу над переводами цикла стихов «Времена года» великого Абая.

Какое впечатление от первого прочтения? Что нового внес М.Султанбеков в разгадку феномена Абая? Чем отличается его интерпретация творчества основоположника казахской письменной литературы от его в разной степени талантливых предшественников? В чем его преимущество перед другими?

Во-первых, М.Султанбеков знает язык оригинала, ему знакомы традиции и обычаи родного народа, его фольклор, сказания, предания, мифы, были, бывает на родине великого акына. Во-вторых, он абаевед, литературовед, изучал творчество своего великого земляка, анализировал, исследовал, проверял алгебру стихосложения гармонией.

И что же в итоге? На мой взгляд (при довольно слабом знании моем казахского языка) Мурат Султанбеков создал переводы, максимально приближенные к оригиналу и ритмикой стиха, и настроением, и мыслями. Если ранее, в других переводах, Абай воспринимался только как мыслитель и философ (сух, холоден, рассудочен) или как тонкий лирик (преобладала эмоциональность), то автору перевода удалось синтезировать в своих работах, соединить эмоциональную и интеллектуальную направленность произведений Абая. (Вспомните Пушкина – у него почти всегда мысль окрашена чувством).

В переводах М.Султанбекова Абай мне ближе, понятнее, я физически ощущаю степь, людей, природу. Не усложняя искусственно певца степи и нисколько не упрощая его, он дал его со всеми оттенками и тональностями, со всей широтой национального духа, глубоко проник в его творческую суть. Эту благородную работу он продолжает. И хочется поздравить Мурата с несомненным успехом и пожелать новых удач на трудном, тернистом пути переводчика.

Открытие Абая для русскоязычного читателя продолжается.

Н.АЛЕКСЕЕВ,
поэт, член Союза писателей СССР.
(«Иртыш», 23 августа 1990 года).

ШАКАРИМ КУДАЙБЕРДИЕВ
(1858-1931)

ЛИРИКА

ПОЭТАМ

Волнуясь, песни вдохновенные слагай,
Объятый чувствами и в мыслях – через край.
Заветные слова пусть обовьют,
Как-будто в колыбели спишь, увидев рай.

К запросу публики, поэт, будь начеку
И на вопросы отвечай, как на духу.
Представ в момент отчаянным стрелком,
Ты прямо в сердце порази и заликуй.

Почтение к поэту – для народа честь.
Поэзия украшает жизнь, как и есть.
Пусть акинаком проникая в грудь,
Возвысит душу, поднимая до небес.

Озвученная песня до костей проймет,
Коль есть в твоих строках заоблачный полет.
Снаружи-роза, с таинством внутри, -
Вот отчего тотчас душа вся запоеет.

Поэзия в тебе совет свое гнездо,
От грязи сердце очищая, как водой.
Степной простор от жажды утолив,
Пускай она течет божественной рекой.

Твои стихи должны быть зеркалом души, -
Тогда слова созвучны, рифмы хороши.
В пути они, вздымая совесть враз,
Пронзительно откликнутся волной в тиши.

ПЕСНЯ, В КОТОРОЙ НАВЕЙШИИ МОТИВ

Песня,
В которой новейший мотив,
Тесно
В ней рифмам, коль новый курсив.
Желанию подстать

В груди
Невольно трепещет душа.
Гляди,
С мелодией как хороша,
И легко воспринять.

Созвучный такт
Ожил в стихах.
Серебро с медью нельзя
Мешать в словах, -
И лад в строках
Воспрянет, верно разя.

Весом
В этой песне мизерный знак,
Притом
Рифмы умещены в кулак,
Рожденные во мне.

Тайне,
Что надо раскрыть,
Крайне
Необходимо явной быть.
Смысла нет в стороне.

Восемь слогов,
Парных рифм шесть.
Две строчки предстали в трех.
Кто прав, кто нет,
Коль дан ответ,

Где рифмы найдены впрок?

Силен
Днями без хлопот и беды.
Умен
Ночами, не зная вражды!
Есть ли польза от вас?

Воспрял
Шестидесятилетний пик.
Не внял
Старости, головой поник.
Недалек смертный час?!

Года в узде,
Слезы везде.
Без тщетных сил опьянен.
Судьбе в укор
Потушен взор,
Могильным духом пленен.

Юность
Вернется ли, если взмолюсь?
Трусость
Уйдет ли, если напьюсь.
Холодом весь объят.

Так мной,
Разум, всецело не владей.
С тобой также
Не угнаться за ней,
Юность – прошлый парад.

Шестьдесят лет
Зубам во вред.
Был в юности старика
Охаять готов.
Сейчас без слов
Воспринимаю закат.

Судьба
Рождает насильно дитя.
Борьба,
Где страсти гонят, колотят.
Это – любовный путь.
Силен,
Кто правит страстью своей.
Пленен,
Кто слепо подвластен ей,
Лестью наполнив грудь.

Отец и мать,
И все опять
Внушают себе на ходу:
Будет пример –
Любви кавалер
Вырастет где-то в роду.

1919 г

О МОЛОДОСТИ

Как жемчуг, глаза,
Слова, как слеза,
Блещут всегда чистотой.
Облик – луна,
Повадкой красна.
Ее не представить иной.
Обильным умом хороша:
При встрече растает душа.

Как пери в раю,
Найду – запою,
Восхитительно стройна.
Добротный росток,
Стан скручен в клубок,
Без недостатков она.
Встретившись как-то с такой,
Не потеряешь покой?

Лучистым взором
Глядя с укором,
Коснется шелковых волос.
Лишившись сил,
Словно мир не мил,
Сердце падает под откос.
Дева на свете всех милей,
Юноша, ластясь, рвется к ней.

Игриво, как ртуть,
Лисой маня в путь,
Уводит мыслей прицел.
Соколом взлетев,
Алмазом огрев,
Ставится высшая цель.
Не зря устремлен джигит,
Взволнованно сердце стучит.

Враз изменившись в лице,
Бегая в темном кольце,
Проводит ночи напролет.
Здесь не до скота,
Оплела суета,
Душа устремилась в полет.
О чести пропал разговор,
Когда чувств ощутил напор.

Светясь ковылем,
Одевшись щеглом,
Стороной от глаз хоронясь,
Невесту ища,
Душа как в клещах,
На дальность аула не косясь,
Ловко друга прихватил,
Соколом взмыл изо всех сил.

Пред оком – аул,
Его обогнул,

Не смея заехать к ней тотчас.
Стоит вдалеке,
Сердечко – в пике.
Терпение иссякло как раз.
Отправил друга послом:
«Пришлет ли весть этот дом?»
Товарищ в тот миг
Беззвучно проник,
Словно пронырливый змей.
Как сокол, кичась,
В окно не стучась,
Приносит весть поскорей:
«Пожелание передай,
Коль джигит, заходит пускай».

Насупясь в укор,
Одежде – отпор,
Крутясь, как веретено;
Тихонько вошел,
Нежен, как шелк.
Мышке с котом суждено
Быть после входа в тот дом, -
Остальное поделом.

В светлицу войдя,
Вовсю исходя,
К любимой, крадучись, прильнет.
Наощупь во тьме,
Не в своем уме,
Головку рукой обоймет.
И впрямь уйдет в пятки душа.
Поймет она, как хороша.

Подтянув плечо,
Обняв горячо,
Подарит ей поцелуй.
Подсунет тогда
Язык изо рта, -
И все тут, балуй – не балуй.

Ах, несусветный наш мир,
Отныне можешь быть сир?!
Собравшись умом,
Прижавшись к ней лбом,
Не в силах никак отойти.
Есть высшая цель,
Где только предел,
Сапаном он с выси летит.
Добившись цели тайной враз,
Прильнул к груди, как в тихий час,

С раннего утра
На парня гора
Свалилась до встречи другой:
«Невеста, прощай,
В такой-то день ожидай».
Блеснула во тьме слезой.
Жалко, что близок рассвет,
Больше горя в помине нет.

При свете таком
В постели вдвоем
Возлежать голышом нельзя.
Простившись не в срок,
Шагнув за порог,
Уходит стеснительный зять.
Из дома выгнала заря,
Не сам ушел, хотя не зря.

Покинув сей дом,
Стоят за холмом,
Он выпустил руку едва.
Проводы как миг,
Головой поник.
Звучат прощальные слова.
Так скоро с приходом утра
Настала разлуки пора.
Взойдя на взгорье,
Увидит с горя,

Как милая машет платком.
Товарищу внял,
Коня задержал
И мчится назад напрямиком.
Целуя, нет шейки нежней,
Как при расставании с ней.

1879.

О СТАРОСТИ

Знаний – пруд пруди,
Язык – речь заводи,
Коль в ладу тело и душа.
Легко от дум,
Хотя наобум,
Когда силен, все круша.
В старости заминка в ответ.

Молодому впрок
И камня кусок,
В поисках сил через край.
В усладу себе
С умом в голове
Светлых дней хоть отбавляй.
Молодость приятна как дар.
Ни сил, ни ума, если стар.
Юности прыть
Заставит забыть
Безумная старость, как гром.
Поникло чело,
То время ушло,
Никто не придет в твой дом.
Дел и старость не лишена, -
За ней грядет с косою она...

С преклонных годов,
Лишившись зубов,

Лица не видно от морщин.
Согревшись огнем,
Не прозрев и днем,
Остался скелет один.
Не в силах отлить во дворе.
Одежда обвисла к поре.

До костей иссох,
Усы, словно мох,
Голова, как череп, притом.
Не владея собой,
Ворчит сам не свой,
Хвалясь, говорит о былом.
Свет очей навсегда погас,
Лучше сгнуться навеки с глаз.

В белках – краснота,
В словах – маята,
Вспоминая юность, живет,
Деснами жуя,
Языком суя,
Пища впрок совсем не идет.
Как только вложит мясо в рот,
До смерти невпроворот.

Искривившись стан,
Бегать перестал.
Поясница, ноги скрипят.
«Старый пес, не рычи,
Лежи, не кричи», -
Ругает бабенка опять.
Будто в могиле, хоть жив.
Лучше сам уйди, отвратив.

Смерть придет – не беда,
Не взвыть никогда, -
Обеспечен конец такой.
Рожденный в себе
Покорен судьбе:

Все равно грядет смерть с уздой.
До возраста старика
Заберет Аллах пускай.

Без чувств, чуть дыша,
Задремлет душа,
Что старости явственный знак.
Отводится срок,
Судьбе невдомек, -
В надежде ворчун просто так.
Шесть десятков лет как предел.
В стариках – не лучший удел!

1879.

НАСИХАТ¹

Если в науку устремлен, то вникни в мои слова,
Используй знание к добру, неустанно пополняй.

Мудрецу ты будь шакирдом, неуч – это твой шакирд.
От знаний достойней станешь, сам учить не уставай.

Искусство не терпит кривды, когда дано неуместно,
Волнует сожаление, покамест теплится оно.

Постигнув любое дело, придай ему известность.
Чем прогорает в тебе, пусть будет в мир унесено.

Не думай, что тупице ты сможешь свет свой донести.
Сколько б зерен не разбросал, на камнях не прорастут.

Хоть попугай заговорит, птица – все ж не человек?
Так и знания в тупице на досуге отомрут.

Если камень смочешь кровью, в жемчуг превратится ли?
В дырявой посуде не удержится никак вода.

¹Насихат (араб.) – наставление, пропаганда.

Злодея в науку введешь – использует как пулю,
Живя на пагубу людей, обоснуется вражда.

Как наставник проклят будешь, веря его посулам.
С добром доверчивых людей он приведет впросак.

Мир на науке зиждется, творя и добро, и зло.
Злодей и ученый вкупе – краха всеобщего знак.

Истинные тупицы если не постигнут мудрецов,
Не ругайте, осуждая, как обиженных судьбой.

Изначально нету прока от отъявленных голов,
Потому что бестолковый, познав письмо, сам ли свой?

Людям разными делами заниматься суждено.
Для тупицы нет к науке тяги в жизни никогда.

Тот разумен, кто науку использует на деле.
Кто отринет благо знаний, тот сгорает от стыда.

Если неучи приходят брать уроки лишь у вас,
Не берите ни копейки, неуместна здесь цена,

Потому что ты оплату ощущаешь наяву,
Когда неучу на деле суть не определена.

Твой тупица неразумен, словно малое дитя,
И оплату брать обманом – для разумных не к лицу.

Обучение науке схоже с суетолокой рынка.
Заводить с детьми торговлю, как молитва, подлецу.

Не берите, если даром предлагает скот невежда,
Потому что он намного ниже твоего ума.

Кому-то благо не свершив, не пользуйся услугой,
Ложный принцип «дармовой» будет для тебя, как тьма.

Вину кого-то не вскрывай, занавеской прикрывай,
Не уподобляйся солнцу, осветив все уголки.

Чужое счастье – не твое, найди свое и осветись.
Не будь луной, что в свете солнца попала в должники.

Как солнце, оповестишь ли нам рассвет или закат?
Отсчитывай, как месяц, сколько пролетело годков.

Не будь, как ночь, с затмением, завязывая глаза,
Старайся быть открытым днем, не скрываясь под засов.

Помоги страдальцу жаждой, поднеси ему питье.
Но не будь с ледком, чтобы люди не отвернулись вдруг.

Пусть будут явно теплыми облик твой и все слова,
Сам любезно обращайся, отводя от жгучих мук.

Вполне обессиленных овей прохладным ветерком,
Не набрасывайся вихрем, юрту скинув наповал.

Будь с пользой, как мать – земля, оборачиваясь благом,
Не будь каменистой почвой, чтоб ступни не разрезал.

Предстань небесным облаком, чтобы были тень и дождь.
Отвернув и сель, и молнии, не взбудораживай людей.

Полноводной рекой веди пароходы по руслу,
Не вздымай волны с угрозой кануть в пучине своей!

1911 г.

ПЕСНИ, КОТОРЫЕ СПЕЛ ДЛЯ СЕБЯ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ АБАЯ

«Смерть пришла неотвратимо.
Смерть с косой необратима? –
Говорил: остерегайся».
Пролетело слово мимо?

За несбыточным погнался, -
Сам с собой один остался?
Смерть дана судьбой отменной.
Отчего не удержался?

Устремление благое
Оттолкнуло все родное?
В схватке с вражескою ратью
Достижение какое?

Приобрел немало знаний.
Что исполнил из желаний?
Все обретшее металось
С поражением на грани.

Захотел то обессмертить,
Знаком вечности отметить.
Сохранив при этом душу,
Предстаешь пред кем в ответе?!

В свете благостном был впору.
Отчего в избытке горе?
Стал отчаянно подвластен,
Отогнав свою опору!

Почему возврата нету,
Чтоб помочь душе ответно?
Опознали душегубы,
Что снуют кругом по свету.

Обходи вранье с лихвою,
Не гоняйся за мечтою.
И пророк, и все святые
Не объемлют мир собою.

Находись в покое смирно,
Замоли грехи умильно.
Коль имеешь дом отдельный,
Говори: «Как это мило».

При уме своем устройся,
Ямы кладбища не бойся.
Пред создателем являясь,
Быть рабом его настройся.

Окружение известно:
Человечность неуместна.
Ты с собаками общаясь,
Жил с грехами повсеместно.

В мыслях соберись как надо:
Будь, как горная громада.
Перестань метаться тщетно,
Чтоб проститься с миром в радость.

Что на этом свете жалко,
При достатке нет смекалки?
Кто относится с почетом,
Спас кого сам из-под палки?

Нет друзей, с кем были в братстве,
И к делам не стал причастен.
Жить на этом белом свете
Нет резона от несчастья.

Отчуждение повсюду,
Надоели пересуды.
Разболтавшись, как безумец,
Зря выскакивал на людях.

Пламя песен, как на плахе,
Покорись персту Аллаха.
Испытав все блага, яда
Восприняв, умри без страха!

Покорить желаешь души,
Голос слышится все глуше...
Где там теплится надежда,
Чтоб невежество обрушить?

Захотел возвысить друга,
Низложив врагов по кругу.
В результате сам желаешь
Стать божком в своей округе.

У всесильного – задача,
Что опасна неудачей.
Можно в воздухе повиснуть
Вверх ногами, не иначе.

Верный друг за что был предан,
Приводил к какой победе?
В мыслях вот что: «Если буду
Где-то грешен, он в ответе».

Не возьмет твое открыто.
Запряжет тихонько, скрытно.
Попадись в огонь иль воду, -
За лукавство в прежней прыти.

Есть товарищи такие, -
Не покроет душу иней?
Не иссякнет спрос на честность, -
Значит страха нет в помине.

Развелось немало близких,
Умножающие риска.
Наставлял водиться дружно,
Оценен совет столь низко?

Одолела справедливость
Или слов взяла учтивость.
Столько лет не понимая,
Мысль сегодня обновилась?

Чтоб не мучиться до пота,
Окружи себя заботой.
Враг добрей родного брата,
Сдав земле сырой охотно.

Недруг твой на видном месте,
Со страной воспримешь вместе.
Неужели, япыр-ау¹ ,
Ум восполнился уместно?

Просто в знании нет толку,
Воплоти в дела – умолкну.
Отвернувшись от рутины,
Овладеешь ясным оком.

Что отныне греет душу,
Есть ли мыслях цель получше?
Что возьмешь от этой жизни,
Чтоб предстать пред богом с кручи?

Пламенел, горя повсюду,
Что хотел, то дали люди.
Перепулав яд с водою,
Успокоился покуда.

Отыскал хвалу довольно:
Устремлялся к ней неволью.
Что на голову свалилось?
Видно, джин ударил больно.

Если джин тебя не тронул,
То случайно стал уродом.

¹ Япыр-ау (каз.) – возглас удивления.

Соберись с умом, подумай, -
Смерть все ближе с каждым годом.

За кончиной нет в помине
Ни врагов, ни дел рутины.
Как простишься с белым светом,
Партий склоки тоже сгинут.

Пусть живые вихрем кружат.
Тосковать о них не нужно.
Смысла дум твоих не зная,
Распинаются натужно?

1912 г.

* * *

В году овцы под летний зной
В июле, сотни лун назад,
Родился под своей звездой,
Что шестьдесят сулит в глаза.

Ведя такой казахский счет,
Набрал мушелей¹ пять всего.
Хоть сколько жизни не пройдет,
Все мало, словно ничего.

И жизнь увидел в наготе,
И радость в простоте вселял.
Но яд воспринял в доброте:
В пути науку отстранял.

Давно блуждает мысль во мне:
Кто произвел вселенский мир?
Душа живет ли в стороне,
Когда от смерти станешь сир?

Религии секрет постичь
В коране норовит мулла...

¹Мушел – двенадцать лет.

Здесь нужен осмысленный бич,
Чего судьба не воздала.

Но с мыслью ясною живя,
Напрасно славу я снискал.
Оберегая сам себя,
От времени совсем отстал!

Сапсаном перебив гусей,
Прожил четыре да с нулем.
За годы не предстал бодрей,
Лишь смерти ближе окаем.

Но как вернуться мне назад,
Чтоб ум вдогонку наверстал.
Найдя науки вечный клад,
Наступит день, что ожидал?

Арабский, русский языки
Попали будто под запрет.
По книге тюрка вопреки
Вобрал познание в ответ.

Трактаты древних мудрецов
На тюркском все ж достались мне.
До смысла философских слов
Добрался, хоть и не вполне.

Но тяга к разным языкам
В края те проложила путь.
За чаем умудрился сам
На Мекку мысли обернуть.

На пароходе долго плыл,
В далеких странах встретил мулл.
Страницы нужных книг раскрыл,
Когда приют мне дал Стамбул.

В Париже довелось узнать,
Что есть страна, как Индостан.
Араб, башкир и перс подстать;
Как турок, полиглотом стал.

Вступал в беседы наравне,
Обрел в уме вселенной пик.
Слепцу не быть век в пелене:
Туман, рассеявшись, поник!

С трудом идет чужой язык,
Нужны подспорьем словари.
К произношению привык;
Глаза раскрылись – говори!

Пришлось годков примерно пять
Скрипеть пером под грузом дум.
Копал иголкой, не отнять,
Колодец в мысленном саду.

Чего достиг? Как поступить?
Помрет ли с телом и душа?
Не оборвать бы знаний нить, -
Эх, неуч, взмыл, захлеб дыша!
1919 г.

* * *

Наступит лето, отселив невзгоды, -
Зима в снегах ушла на север вроде.

Бурана нет и снега нет ни крошки:
Аллах во благо всем творит погоду.

Чтоб в бытие, как взрослый, окунуться,
С холмов детишки вниз стремглав несутся.

И старики, воссев на солнцепеке,
В былую жизнь умильно отвернутся.

Рождаются ягнята, верблюжата,
Растут, балуясь с зорьки до заката.

И все-таки не впрок людскому глазу,
Хоть сколько бог ни даст нам благ богато.

1880 г.

* * *

Плохих казахов нет в помине, -
Хватает дури в лучшей мине.
За дело браться сообща
Не вознамерены поныне!

Где честность этого народа,
Чем одарила всех природа?
Такие подлости вокруг,
Что совесть не тупеет сходу?

Теряют скромность из-за чая,
Возьмут и масла, замечая.
Шныряя всюду без стыда,
Урвут твое, души не чая.

Здоровый слабых унижает,
Тихоню каждый обижает.
Повсюду воровство и ложь.
Вот так поднять ли нам державу?

МЕЧТА

Как лето настанет, невзгоды отступят,
Тальник распускается, воспрянет трава.
Средь зелени смело, размашисто, крупно
Шагает косарь – здесь всему голова.

За ягодой в рощу отправятся девки,
Когда созревает в отвесных логах.

Влюбленный джигит, распознав эту спевку,
Торопится следом, проснувшись впотьмах.

Для пары влюбленной трава, как перина,
Скрывают, как занавес, тенью кусты.
Но мысли о бремени нет и в помине, -
Уйдя с того места, уходит в мечты.

У каждой души есть немало желаний:
«Безмерное счастье, достаток, покой».
Нужна еще сила помимо стараний, -
Лукавый склоняет на выигрыш свой.

Вороне, свинье и дворовой собаке
Бывает пределом мечтаний и кал.
Стрелку бы ружье, бедняку, хоть на свалке
Досыта наевшись, довольно икал...

Нагому пристало мечтать об одежде.
Замерзшего свет вдалеке позовет.
Найдется все это, как ныне и прежде,
Исконным трудом, а не свыше спадет.

О юности грезят старик со старухой.
Мечтает малыш поскорей подрасти.
Вздыхая о доле мужской на досуге,
Не могут и женщины прав обрести.

Для многих мечта – это двор и скотина,
А вору приснится лихой аргамак,
Цари ненасытны, хоть вся половина
Земли отвоевана грозно итак.

Одежда для франта в пределах мечтаний.
Больного заботит, как душу сберечь.
Завистник и мститель в недружеском стане
Тебя размечтался безвинно упечь.

Вглядишься и вникнешь, что люди в заботах,
Повсюду мечтая возвысить себя.
Не в силах понять иль послушать кого-то,
Им мнится, что вечно коварна судьба...

1880 г.

* * *

Мулла гяуром назовет чужого,
Не зная в языке его ни слова.
Настолько сей бедняга своенравен,
Что оскорбление на все лады готово.

Казах не ведает о лучших русских,
Но от того ему ничуть не грустно.
Отвергнув кладезь светоносных знаний,
Невежде подражает с взглядом тусклым.

Не знает, что искусства их постигнув,
Сумеешь и вершин наук достигнуть.
Познав об их поэтах и ученых,
Не смог бы совесть с честностью отринуть.

Толстого, Салтыкова обожая,
Добрался бы до разума без края.
А Пушкина и Гоголя строками
Вставал бы утром, радостно сияя.

С поэтами, как Лермонтов, Некрасов,
Советоваться можно громогласно.
Прозрев в степи, с раскрытыми глазами
Сородичей повел бы к свету властно.

Не подражай затворникам-суфистам.
Они затянут тучей в небе чистом.
Равняясь на прозревших, расцветашь,
Поскольку обучают к сердцу близко.

Покорствуя льстецам, с пути собьешься,
О, мой казах, слезами обольешься.

Когда и впрямь направишься к науке,
Свободы для страны своей добьешься.

1925 г.

* * *

Простишь иному недостатки, -
Аллах откликнется в порядке.
Безумно будешь препираться -
Пробьет от темени до пяток.

Тому, кто в жизни добродушен,
Поможет бог, придав отдушин.
А для корыстного и злого
Блаженство скроется, как уши.

Во мне найдешь по жизни друга,
Перерождаясь, как по кругу.
В моих словах уместно яду,
Что плод сердечного недуга.

Но не бросай, хоть будет горько:
При жажд, как вода, и только.
Сумей познать, что с глаз укрыто, -
Не подсчитать коварных сколько.

* * *

Бездушным став, обрел какую пользу?
Отрадно было летом в чистом поле.
Уверился, что смерть необратима,
Иначе бы искал отца¹ неволью.

По матери тоскуют мои дети,
Познав убогой доли ад на свете.
Ты пожалей сирот моих несчастных,
Коль человек пред разумом в ответе.

¹ После смерти отца мальчик Шакарим в горечи раздавил ногой червяка, от имени которого сочинил эти стихи, ставшие затем песней. - М.С.

* * *

И я уйду, навечно сгину, -
Придешь оплакивать могилу.
Не встану, отклика не будет.
Читай стихи мои с другими.

Где цель твоя? Нашел ли друга
В пределах истинного круга?
Вся польза в праведном совете,
Который дан в благих потугах.

* * *

Три вида жизни знаю, что хмельны,
Все возрасты равно наделены.
Необходима жизни середина,
Когда вершины в руки не даны.

Оберегай в ту пору каждый час.
Упустишь время – каиться не раз.
И днем, и ночью постигай науку,
Чтоб знание воспрянуло подчас.

Начало – детство, середина – лик.
Лишившись сил, бездействует старик.
Всю жизнь твою, воспетую огулом,
В двенадцать строк вместил и молча сник.

МЫСЛИ НА ГОРНОЙ ВЕРШИНЕ

Взобравшись на одну из гор Чингиса,
Так хорошо мне в мысли погрузиться!
Беззвучно пожелав спокойной ночи,
На смену дню приходит тьма с зарницей!
На небе кружат и луна, и звезды.

Полярная звезда лишь в прежней позе!
Движение небесных тел с закатом
Указывает круг земли серьезно.
Сверкает молния, внезапно ослепляя,
И дождь идет, до нитки промывая.
И ливень, и родник водою полны,
Что им не видно ни конца, ни края.
Тепло и холод порождают влагу.
Извечно пар земли несет отвагу.
Глаза прищурив, пребываешь в думах?
Без ясности ума к делам ни шагу.
Рука, язык и нос, глаза и уши
Обманны, коль не вникнешь мыслью лучше!
Углубившись в себя до поздней ночи,
Пришел я к выводу, чего не знаю круче:
Покроет тьма, умчавшись днем от света, -
В погоне друг за другом беззаветно.
Чтоб мир не утонул во мгле кромешной,
И звезды, и луна встают приветно.
Так выверен их восход, как и намедни, -
По кругу продвигаются бесследно.
И солнца свет, и круг земного шара,
Как ночь и день, уличены в победе.
Когда бы мы лишились тьмы и света,
Откуда объявились наши дети?
Невежества поскольку с головою,
Реальное мы видим без секретов!

* * *

Вначале охота была моей страстью, -
Свободно дыша, никакой тебе власти.
А ныне найдется пригодная лошадь,
Изъезженной станет от тяжелой напасти.

Промолвил об этом совсем не с упреком.
Не думай, что старец пристал ненароком.
Охота как страсть – не удел азамата,
Трудом увлекайся, гуляя наскоком.

О многом поэт вспоминает в порыве,
Слова задушевные, хоть внешне с надрывом.
Десятками лет занимаясь охотой,
Стою как мудрец, наставляя с обрыва.

Твое не сравнится со временем нашим,
Уплыла пора, что казалось иначе.
Трудом благородным овеяно время,
Что с беркутом нет той желанной удачи.

* * *

Владею тюркским с самых юных лет,
Наук худых на языке том нет.
Безустали трудился, в суть вникая,
И передо мною воссиял рассвет.

Пленил давно поэзией Восток,
Что мир познал доподлинно, как мог.
Случайно русским языком увлекся, -
Познав его, отверг хулы поток.

Толстой – учитель мой, не откажусь,
Хоть как шакирд гяуром назовусь.
Он предан был и совести, и чести,
За что носил глубоких мыслей груз.

Толстой гяуру вовсе не подстать,
С молитвами иной обманет мать.
Прослав светочем, сир и лицемерен,
Как можешь светоч мира опознать?

Суфист толкует догмы на свой лад, -
По разуму он ниже во сто крат.
Аскет не стоит Льва Толстого ногтя:
За тысяч их не променяю, брат.

Не сгинешь, следуя за его умом,
Отринь суфиста, обходи притом.

Приемля справедливость, ум и честность,
Обманутым не будешь, дело в том.

НОЛЬ

Перо – мой лучший друг, приятель верный!
Друзей немало потерял, наверно.
По-вражески относится товарищ,
Представ с гордыней злобной на поверке...

Свеча горит и освещает ярко,
Что многие довольны тем подарком.
Но если ветер иль вода потушет, -
Затопчется, ни холодно, ни жарко...

Не говорю о том себе в угоду:
Так человека создала природа.
Лишь только жаль, что днем с огнем не сыщешь
Благого сердца при честном народе...

1924 г.

ПОВЕРЬ НАУКЕ

Коль в науку устремлен,
Вникни в правду слов моих:
Действуй как осведомлен,
Познавай, чего достиг.

Не зазорно, что шакирд,
Поделись, когда умней.
Хорошо, что есть кумир,
Знаний также не жалеи.

Не носи впустую ум, -
Так начнет он вскоре гнить.
Не пускай наобум,
Вскрой секрет искусства жить.

Дай науку, не томи, -
Обновится с ней народ.
Поделись добром с людьми,
Что с тобой зазря уйдет.

От невежды прока нет, -
Пользы благостной не жди.
На камнях посев – в ответ
Ничего не обрести.

Попугая языку
Научи – заговорит.
Так наука дураку
То, что не обогатит.

Если камень сунешь в кровь,
Он кораллом станет ли?
Влей в дырявое ведро
Воду – слезы потекли.

Но злодею не давай,
В руки от науки ключ:
Звали как лишь поминай,
Потеряв последний луч.

На тебя проклятый град
Переправит злостный лгун.
Так безумный супостат
Умных гробит как болтун.

Знание наук – идей
И начало, и конец.
Коль ученый муж – злодей,
Сгубит Землю как подлец.

Если слово мудреца
Не подходит по уму, -
На безвинного лица
Обижаться ни к чему.

Он живет среди невежд,
Хоть и верит чудесам.
Отпрыск, полный всех надежд
Может выучиться сам?

Среди множества забот
Каждый занят лишь своей.
Для науки есть подход,
А невежде не до ней.

Тот умен, кто хочет знать,
Устремляясь, видит свет.
Плохо, если благодать
Приобрел, а света нет.

Если к вам придет иной
Брать науку изнутри.
У него за труд такой
Ни копейки не бери.

Потому что у тебя
Есть реальное в руках.
Хоть берет твое, любя,
Неизвестно что и как.

У невежды нет ума,
Как дитя, наивен, прост.
Неуместен здесь обман, -
В твоей мудрости вопрос.

Обучение за мзду
Спекуляции подстать.
Накликать с детьми беду
Не позволит шариат.

Коль невежда даст скота,
Не бери его гуртом.
Потому что тот чудак,
Обделен простым умом.

С кем-то благом не делаясь,
Не воспользуйся зазря,
Потому что, заскупясь,
Можешь ум свой растерять.

Не вскрывай ничью вину,
Облеки ее в вуаль.
Солнцем уходи ко дну,
Затемняя, как ни жаль.

Счастье чье-то-не твое,
Лишь свое враз получи.
Месяц светлость подает,
В долг у солнца взяв лучи.

Солнцем всех оповещай
О конце, начале дня.
И, как месяц, представляй,
Жизнь минувшую подняв.

Но, как ночь, сплошным не будь,
Завязав глаза совсем.
Укажи, как день, тот путь,
Что найдется в жизни всем.

Надо жажду утолить,
Как холодная вода.
Ледяную не испить,
Что запомни навсегда.

Как огонь, неси тепло
И в словах, и на лице.
Не сжигая плоть назло,
Радость сохрани в конце.

Ветром теплым пыль сдувай,
С ослабевших от трудов.
Юрту с места не срывай,
Чтоб сосед был жив-здоров.

С пользой к людям, как земля,
Оборачивайся впрок.
От камней избавь поля,
Чтоб не ранить пальцы ног.

Тенью облачной укрой,
Когда надо, дай дождя.
Паводком не беспокой,
Молнией с небес сойдя.

Будь готов большой рекой
Пароходом прокатить.
Волны сбавь, владей собой,
Чтобы все не поглотить!

* * *

В какой – то год, сражаясь беспощадно,
Солдаты обливались кровью смрадно.
В Америке когда происходило,
Богач «Уолдер Белдет» жил отрадно.

Сразили многих вражеские пули.
Но благо, что Америкой замкнули.
Для помощи израненным солдатам
Тот сэр врачей отправил накануне.

В наказе он твердил, чтоб всех лечили,
Считая братьями, убогих не делили.
Снабдив лекарством, пищей при сиделках
Отправил, чтобы пользу приносили.

Направил сотнями машины и телеги,
Но веры нет и на душе не легче.
Подумал: «Все пойдет совсем некстати,
Коль находиться в полусонной неге».

На корабле он ехал с этой мыслью,
Чтоб убедиться в пользе бескорыстной.

Здесь посредине моря бушевавшем
Беда настигла набежавшей крысой. !

Увидев, что ко дну уходит судно,
Подал хозяин лодку, как ни трудно.
Уолдер Белдет сам не стал спасаться:
Детей и стариков садил прилюдно.

Помог он беззащитным в круговерти,
Хотя и сам был недалек от смерти.
Вдруг женщина забегала ужасно,
Ей не было спасения, поверьте.

Корабль, накренившись, стал топиться,
Невыносимо женщина кружится.
Лишив себя спасательного круг,
Уолдер Белдет смог тем отличиться.

Захватчики спускают море крови,
Преследуя, не поведут и бровью.
Направив молодёжь свою под пули,
Громить детей и стариков не в нови.

Подумав как-то обо всем при этом,
Рабом не хочется и жить на свете.
Мне ангелом представился Уолдер,
Кто по-геройски был за жизнь в ответе.

КАЗАХ В ЗЕРКАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ О СЕБЕ

В руке перо, взволнован песней очень,
Сам от себя отвержен между прочим.
Заброшенной могилой представляясь,
Тоскую про былые дни и ночи.

Бледнея, обращаюсь к людям слезно,
Под тяжестью вины клянусь серьезно.

От дел минувших мне бывает стыдно,
Когда, увлекшись, принуждал с угрозой.

Касательно причастного вопроса
Забьется сердце гулко и без спроса.
Известно, впереди – вода без края,
Подумай о конце, что перед носом.

О чем жалеешь, с чем проститься жалко?
Бесился вдоволь – не пресечь и палкой.
Раскаяние приходит с поздней думой.
Всему есть мера, что подстать смекалке!

Где верный друг и где страна родная?
Имеешь ли хребет, их укрепляя?
Язык усох от жадности и чванства.
О чем жалеть изволишь, умирая?

Как было, так и есть на самом деле,
Вселенная в извечной карусели.
Познав ее до дна, предстал виновным,
Что смерть осилит, как мы не хотели.

Дела твои без отклика и пользы.
Бездонный мир от мыслей будет больше.
Труды мои не дали нужных всходов,
Хоть смерть с косою задержалась дольше.

Не будет для тебя другого взлета:
Нет юношеских сил для перелета.
Но по возможности ступай, не пятясь,
Кружение на месте – признак гнета.

Проси у бога за ошибки милость,
Тебе не раз свершать их приходилось.
Держись пред смертью все ж благочестиво:
При свете пасть могилы прояснилась.

Об этом думай – о красе ни слова,
Для хитрости и силы нет основы.
Минувшее не возвернешь, горюя,
Забудь о снах, что тенью бродят снова!

1912.

* * *

Иные вторят, что жену оставил,
Что бросить близких и детей не вправе.
Мне прочат долю горькую Толстого,
Когда, лишась ума, оденусь в саван.

Об участи Толстого лишь мечтаю,
Ума не растерял, что отрицаю.
Не распознать вам истинную тайну, -
Себя в глуши я вовсе не караю.

Бываю горд от дум привольных дома, -
Насытился расслабленной истомой.
Мне мыслить суждено до самой смерти,
Хоть в зависти и сплетнях, как в содоме.

Умом итак обделены невежды,
Не буду связывать им языки, как прежде.
Кто воспевает правду всю, тот будет
Востребован с воспрянувшей надеждой.

Одет – обут и на коне исправном,
Мне горя нет, носясь под флагом правды.
Я не стремлюсь к богатству, славе, чину,
Вглядись с умом – предстану в прежнем здравье.

* * *

Не подходите близко.
С бедой хотите льститься?
Замучили Абая,
Так опустившись низко?

Отнекиваясьсь всяко,
Пинали, как собаку.
Загнать его в могилу
Смогли, устроив драку.

Что вверите потомкам?
Остатки злости только.
От мудрого Абая
Жемчужин было столько...

Добра от чести много, -
Цветов полна дорога.
От вас бесстыдных, лживых,
Зола коптит в итоге.

Не одолеть обману,
Умалчивать не стану.
Глупец бессилён впрочем,
Чтоб залечить мне рану.

Тружусь с лихвой, на совесть,
На благо всем готовясь.
Зарю приблизить надо,
Что для людей не новость.

Бывал и вместе с вами,
Зияла честь с дырами.
Как смолк, признав шайтана,
Не передать словами.

Мечта – добиться цели,
Приняв судьбы обстрелы.
Мне дан на долю поиск,
Чтоб жить на самом деле.

Плоды – для человека,
Пред кем всегда в ответе.
О, молодежь, на выбор
Бери свое при свете!

* * *

Нипочем мне словопрение,
Ни к чему твое горение.
Все беснуются и воют
Под собачье вожделение.

Среди вас не слышал правды,
Ловкачи крадут исправно.
Кровь сосущих у народа
Проклинаю за управу.

Вмиг казахов как незрячих
Заведёшь в тупик в горячке.
Уступив мерзавцу совесть,
Обелишься ли, не прячась?

ПРОЩАЙ!

Пролетели годы
Без науки вроде.
Выгляжу невеждой
На глухой дороге.

Без присмотра дети
Предстают чужими.
В том я сам в ответе:
Не общался с ними.

Счастья нет от лени,
Без труда растленен.
Вывели казахи
Из себя отменно.

Путь один назначен
К смерти, не иначе.
Сам с собой бесследно
Ухожу тем паче.

Белый лист – приятель,
И с пером как с братом.
Знаю, что оттуда
Не вернусь обратно.

Языком не надо
Разводить досаду.
Пусть Аллах на милость
Дарит мне награду.

Жив народ отдельно,
Одинок предельно.
Будьте в здравье, люди,
Ваш на самом деле.

Плох однако неуч, -
Он не видит неба.
Человеком станешь,
Коль науке внемлишь.

Сеет пропаганда
Зерна, как ни странно.
Не ленись трудиться,
Распри брось желанно.

Клад земной – наука,
В здравии порука.
Озеро познаний
Подноси по кругу.

Горе нес всей грудью, -
Жалость обоюдна.
Разум дан казахам:
Вы же тоже люди.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Поэма

Познали ли казахи силу чувства,
Воспеть его в достатке ли искусства?
Без чувства нет любви земной в помине.
Оно вселиться в сердце может густо.

Дано оно не каждому наградой:
В иных живет бесценною отрадой.
Такое чувство у Лейли с Меджнуном,
Что внять не всем дозволено, как надо.

Уразуметь дано его немногим,
Коль от ума до сердца нет дороги.
Поскольку выпренность лихая неуместна,
В стихах преподнесли не все народы.

Когда спрошу о дорогих поэтах,
С усмешкой мне ответите при этом:
-Сабырбай, Жанак, Шоже и Кеншимбай,
Не зная возвеличенных на свете:

Навои, Саади, Шамси, Физули
Сайхали, Хафиза, Фирдауси,...
Поэты и ораторы сумели
Весь мир стихами чудно оплести.

Есть у Меджнуна дело до Лейли,
Где нити от любви к ней пролегли.
О них и написал свою поэму
Багдада славный житель Физули.

Вот так воспеть не каждому дано.
Проникнуть в суть ему лишь суждено.
Попала в руки книга Физули
В году прошедшем, что искал давно.

Мне б довести хоть тысячную долю
Того, что слов избыточное поле.
Казахи знают имя лишь Меджнуна,
Но тайны сердца зиждутся окольно.

* * *

В Аравии жил бай в большом достатке,
Торговлю вел с царями он в порядке.
Просил у бога сына, как наследство,
Раздав добро, довольствуясь остатком.

Он баем был отзывчивым, отменным,
Дитя просили люди на коленях.
“Кругом мольба как озеро”, покуда
Жена, полнея, держится степенно.

Так байбише сыночка родила,
Что разнеслась повсюду весть стремглав.
В восторге люди брали суюнши,
Сам бай дарил гостям коня, халат.

И дали имя мальчику Каис.
На той и стар, и млад здесь собрались.
Там бедняки сыты все сорок дней:
Под Меккой верблюды в забой паслись.

Среди других отменным сын подрос.
Увидев, тут не отворишь нос.
Весь облик обаянием отличался,
Что и любовь предстала в полный рост.

Берет за сердце откровенность лика,
Как-будто тайну обнажает лихо.
Зачем скрывать сердечную влюбленность,
Когда волнует взгляд собой до тика.

¹ Суюнши – подарок за хорошую весть.

Прошло уж сорок дней от дня рождения,
Закончился и той с увеселением.
Заплакало дитя так голосисто,
Как женщины ушли, в одно мгновенье.

Носили на руках, чтоб убаюкать,
Не плачет ли от острого недуга.
Целитель проживал неподалеку,
Его и привели с почтеньем юга.

“Здоров малыш,- ответил громко доктор, -
Коль есть болезнь, пусть будет мне уроком.
Гнетет печаль расстроенное сердце,
Не знаю я о сущности истока.

Пусть на руки возьмет его служанка
И вынесет наружу спозаранку.
Пускай с детьми на улице побудет.
Коль пользы нет, то нет сему огранки”.

Дитя служанка вынесла наружу
Родители им вслед смотрели тут же.
По божьей воле встретилась там няня
Другая, что с ребенком долго кружит.

Приблизились со свертками друг к другу
Обдумать способ, чем ходить по кругу.
Они раскрыли лица двум дитяткам,
Чтоб дух воспарял от встречи на досуге.

И тот ребенок плачет непрерывно.
Дрожал он на руках, как на обрыве.
Мгновенно оба малыша умолкли,
Напомнив силу тайного порыва.

Придя домой, услужливая няня
Поведала о случае том рьяно.
Ревущего Каиса до обеда
Носили впредь на встречу постоянно.

Служанка понесла и на базаре
С другим младенцем оказалась в паре.
Хотя раскрыла личико ребенка,
Каис сильней заплакал, как в ударе.

Та девушка тотчас пришла обратно,
Ее ребенок плачет многократно.
Лицом к лицу младенцев подносили
В надежде усмирить их аккуратно.

И дети обрели покой, встречаясь,
Довольны стали, даже разлучаясь.
Служанки расходились с уговором,
С той прихотью младенческой считаясь.

Спросила девушка, пришедшая с Каисом:
“Откуда девочка со звучным писком?
Друг друга прежде мы совсем не знали.
Они и познакомили нас близко”.

Другая отвечала: “Здесь в объятии
Единственная дочь из местной знати.
Она - моя боле¹, хоть отпрыск хана.
По матери я в этой благодати.

Ребенку стало сорок дней всего лишь.
У вас три дня продлился той, как вспомнишь.
До этого не плакала так много.
С тех пор пищит, не принимая помощь.

Коль спросите, то звать ее Лейли,
Уловку эту плачу обрели.
Слоняться ежедевно не к лицу.
Найти квартиру надо не вдали”.

Прослышала о том одна старуха,
Сказала: “Дети, новострите ухо.

¹Боле – дети родных сестер.

Бездетная, к тому лишилась мужа. 39 :
Пустует дом, где мне одной преглухо.

Отвлечь хочу унылую тревогу,
Но не по мне к соседушкам дорога.
Мне каждый день касаться бы ребенка,
Что будет и немало, и немного”.

К младенцу раз губами лишь прильнула,-
В томленьи благолепном потонула.
К груди прижались пальчики ребенка,
Что выступило молоко округло.

Прилюдно совершилось это диво,
Что женщина произнесла учтиво:
-Когда, как камень, затвердели соски,
О, боже, только ты врачуешь живо!

Мне пятьдесят и я гожусь в старухи.
Не ведали дитя бедняги руки.
Окаменели груди постепенно,
Лишенные ребенка, будто в скуке.

Привет я шлю, склонившись этой доле.
Скажите матери, что нахожусь в приколе.
Служанкой быть ее дитя готова,
Кормилицей по высшей божьей воле.

Каис не мой, но он как-будто кровный.
Увидев, согласится, безусловно.
Но если эту участь потеряю,
То жизни нет и смерть моя готова.

Вскормлю Каиса, как родного сына:
С мольбой склоняю голову отныне,
Рожать мне не отпущено судьбою,
Жила, как отгороженная тыном.

Как есть, раскрой доподлинно надежду,
Чего не дозволял всевышний прежде.
Я вся - в слезах и груди с молоком.
Меня осудит только лишь невежда.

Пускай не накликает снова горе,
Чего итак досталось в жизни море.
Когда добро предрешено судьбою,
На перепутье не предстать в укор.

Служанка, что Лейли в руках держала,
От слов подобных вскоре задрожала:
-Ребенка этого немного покормите,-
Сказала и к ее груди прижала.

Когда взяла старуха и Лейли,
Чтоб струи молока к ней потекли,
Скукожилась воспрянувшая плоть
И груди бесполезно вновь слегли.

Когда преподнесла ко рту Каиса,
Опять струилось молоко из сиски.
Но припадет лишь только к ней девчонка,
Ссыхается, губов коснувшись близко.

Была умна старуха среди женщин,
Слыла такой, не больше и не меньше.
Поняв, что в том сокрыта воля божья,
Не стала двух просить, запал уменьшив.

Старуха добрая по-своему решила.
Судьба ее была совсем немила.
Две девушки с увиденным глазами,
Придя домой, со вздохами делились.

Родители, услышав про такое,
Сочли находкой детского покоя.
Им дорого спокойствие Каиса,
Известна участь женщины- изгоя.

Они в сердцах Каиса завернули,
Нашли ворота на одной из улиц.
Знакома доля этой горемыки,
Что к божьей благодати потянулись.

Дитя свое осознанно отдали,
Причем вполне достойно ей сказали:
“Скупиться мы не будем на скотину.
К оплате молока все посчитала?”

- Бездетной бабой вскоре околею,
Сто верблюдов, пятьсот овец имею.
Не за оплату я вскормлю Каиса,
Берите скот, чтоб оправдать затею.

Припал к груди ребенок, как наследник,
Доныне прослыла среди дев последней.
Клянусь Аллахом, не нужна скотина,
Зато вам ко двору в кругу соседей.

Пускай услышат люди всей округи,
Осознаю, что вы со мной в запруде.
Мне до животных нету интереса:
Ожили от Каиса мой груди. -

Не внемлет их упорному отказу,
Повел учет наместник по указу.
Скота дороже детский взгляд Каиса...
Теперь пора и о Лейли рассказу.

К обеду извелась Лейли от плача,
Ее ждала такая же удача.
К старухе этой преподносит няня,
Чтоб успокоить - первая задача.

Не может отдалиться от Каиса,
Почуяла и мать, что тут нависло.
Родители Лейли договорились
Отдать в тот дом под лоно кипариса.

Со временем подростками предстали,
Большого лада между тем познали.
Когда ребятам стало лет по девять,
Им очаги родные показали.

Совместно посещали они школу,
Мулла им больше предоставил волю.
Узнав детей единственных и знатных
Миряне почитали поневоле.

Приходят на уроки они дважды,
К обеду возвращаются преважно.
О том, что в них есть от любви приметы,
Узнали люди, видя не однажды.

Когда ребята заняты зубрежкой,
Лейли к Каису приближают ножки.
Лукаво молвит: "Мне нужна подсказка.
Здесь разъясни и помоги немножко".

Вот так находит ловкую причину,
Чтоб голоса сливались воедино.
Когда письмо какое-то готово,
Несут друг другу, словно на смотрины.

Находят откровенные ошибки,
Читают, не оспаривая шибко.
Внимание детишек отвлекая,
Бровями объясняются с улыбкой.

Порой впиваются настолько томным взглядом,
Что забывают о шакирдах рядом.
Красивы внешне и легки душою,
Как двойники, рожденные в усладу.

Как-будто позабыв уместно книгу,
Один из них вдруг возвращался мигом.
Немало поводов могли придумать,
Чтоб только встреча не была с уликой.

“Ау”, - звучит на зов Лейли ответно:
Нет голоса приятнее на свете.
Вот так проходит время каждодневно,
Что все уловки не учесть при этом.

Любовь сама собою разгоралась,
Что втуне утаить под взглядом малость.
Когда узнала мать об этих чувствах,
Лейли совсем без школы и осталась.

“Тебе всего тринадцать, - говорила, -
Дитя мое, послушай мать на милость.
Известно, что влюбилась просто юной, -
Доподлинно о том осведомилась.

Теперь ходить не будешь на уроки,
Мне не нужны соседушек наскоки:
Они и взрослых сильно донимают.
Удержишь ли молву в людском потоке?

Попала ты в расставленные сети
Отныне без тебя пребудут дети.
Но если ты проявишь свой характер,
От пут не откажусь на самом деле”.

“Ажеке-ау¹, о том мне неизвестно,
Что есть любовь, хоть обрисуй словесно.
Про то не говорили на уроках.
Толкуя ясно, обвиняй уместно”.

“Но если неизвестно, пусть так будет,
Иначе выводить пристало в люди.
Чтоб вперёд тебя любовь не донимала,
Держись подальше от мужчин подспудно”.

Была в отчаяньи Лейли, стеная,
По-своему слова воспринимая.

¹ Ажеке-ау – бабуленька, ласковое обращение к матери.

Скорее ей сквозь землю провалиться,
Чем жить нелепо, слухам потакая:

“Я только лишь затопала гусенком
И одолеть обиду нет силенок.
О, боже, мой, что за упреки слышу!
Аллах - свидетель, нет пятна с пеленок.

Ажеке-ай, единственной дочкой
У хана родилась я между прочим.
Ты говоришь, как-будто распознала,
Устраивая слезку днем и ночью?

Ажеке-ай, привержена ты гневу,
Как-будто бы с мольбой стенаешь к небу.
Как только мог язык твой повернуться,
Чтоб очернить блистательную деву?

“Родная, ты упрощена у бога,
Обидеть не хотела за уроки.
Желаю, чтобы дома ты сидела
И занималась делом понемногу.

Я поклялась не выпускать наружу
И пред единственной слово не нарушу.
Не мальчик, чтобы посвятить мечети,
Муллой не стать, но просветила душу”.

Отныне дочь сидела только дома,
Лейли одною мыслью лишь ведома.
Подруг сзывая, днями отвлекалась, -
Ночами будоражила истома.

С трудом рассталась с медресе безвестно,
Пока не знала больше интереса.
В тиши она, любви огнем сгорая,
Сложила про себя такую песню:

Уменьшаются лучи,
Если тучи набредут.
Лунный свет душе в ночи,
Словно струны, что поют.
Улетает вдаль мечта,
Увядая, как цветы.
Блекнет даже красота,
Коль в любви сгораешь ты.
Где вчерашний ясный день,
Облюбованный вполне?
Медресе оставив сень,
Нет покоя больше мне.
Смысла полон полужест,
Выразителен твой взгляд.
Обхитрив иных повес,
Находили ближний ряд.
Без Каиса при свечах
Дом родной стал, как зиндан.
Мне б увидеть свет в глазах
Вне учебы, Каис-джан.
Воздала душе любовь
Непомерную тоску.
Время, ветром сдув собой,
Свет уносит наскоку.
Песень тоскливую пою.
До Каиса долетит?
Коль вложу всю грусть мою,
Ветры смогут донести?
Обуяла всю печаль.
Бог откликнется пред ней?
В непредвиденную даль!
Караван уйдет ли дней?
Чем обидела, Каис?
Вместе сердцем и душой, -
Признаюсь тебе, очнись.
Ты во мне и я с тобой.
У тебя моя душа -
Ощущаю грудь пустой.
Очи грустные спешат

Враз увидеть облик твой.
Закрываю я глаза,
Чтобы встретиться с тобой.
С гибким станом, как лоза,
Обойми меня такой.
Образ милый предо мной:
Ты в объятиях лежишь.
Наслаждение игрой
Представляю только лишь.

Было это или нет,
Не уверена сама.
Я могу сказать в ответ,
Что твоя, как свет, не тьма.
Устремлялась от души.
Чтоб тебе не навредить.
Поцелуй один в тиши
Мне достаточно хранить.
С горем справлюсь я одна,
Чтоб Каис не знал о том.
Пусть все горести до дна
Направляются в мой дом.
Пусть, насупив сильно бровь,
Не ввергается в беду.
Коль познает всю любовь,
В медресе быть, как в аду.
Пусть не ходит в медресе,
Где не встретится Лейли.
Закружившись в колесе,
Мысли здесь не помогли!
Облик мой вообрази,
Нарисуй в уме портрет,
Да придай еще язык,
Чтоб услышать мой ответ.
Если он придет в себя,
То в огне сгорать одной.
Будет в радости, любя, -
Легче сладить мне с бедой.
Пусть уносит каждый день

В сети чувств меня сильней.
На пути, встречая тень,
Освещу душой своей.
Радость есть в пылу борьбы,
В мире есть любви кольцо.
С богом линия судьбы. –
Посмотри в мое лицо.
Не оценится в глуши
С наслаждением житье.
Передаст лишь крик души
Все томление мое.

* * *

Назавтра в школу вновь Каис приходит.
Ища везде, Лейли он не находит.
Услышав, что не будет на уроках,
Сознание теряя, с места сходит.

В отчаяние пришли мулла и дети
И отвезли домой его при этом.
Родители, кропя водой, цветами
Лечили, испугавшись несусветно.

Больного окружили тут заботой
Родители, набросившись охотно.
За доктором хотели слуг отправить,
Но сын в тот миг изрек бесповоротно:

“Лечиться не желаю, хоть засохну,
И врач найдет, за что мне стало плохо.
Один Аллах помочь болезни сможет,
Иначе от недуга вскоре сдохну.

В горах устрою для себя прогулку:
Из-за уроков сердце бьется гулко.
Но если не излечит божья помощь,
Раскрою тайну вплоть до закоулка”.

Мгновенно сборы начались в дорогу
И сверстники, и слуги все к подмоге.
Каис расположился одиноко
Под золотым шатром в зеленом лого.

Стонал ночами, о Лейли мечтая,
Осунулся, от горести вздыхая.
В любви сгорал Каис без сна и пищи,
Безумца сам собой напоминая.

Один из слуг к отцу примчался с вестью.
Друзья направились к отшельнику уместно.
Родители и родственники сразу:
“Здоровье как?” – призвав к ответу честно.

“Безбожником в народе не считайте
Таким, как есть, меня воспринимайте.
Родители, простите, сам виновен,
Но это одиночество мне дайте.

У вас не нахожу недугу средство.
Свяжите как юродивого с детства.
Когда он ахнул, вылетело пламя.
“Лейли, Лейли!” – шепча, упал на месте.

Известна стала людям суть болезни,
Лечение любое бесполезно.
С расспросами устроили поимку
Лейли, о ком Каис безумно грезит:

“В любви сгорает к дочери Каис,
Воочию познав, к отцу сошлись.
С младенчества в разлуке был в слезах.
Подумайте и сжальтесь, хоть и риск.

Лейли не видя, он обмяк совсем.
Душа в груди трепещет между тем.
Едва родившись, был в нее влюблен.
Им смерть одна дана, как их тотем”.

“Не соглашаюсь, - заявил отец. –
Кончина дочери – еще не мне конец.
Народ мой, здесь обиду не таи.
Безумцу дочь не выдам, в чем протест”

Каис узнал, что путь к любви закрыт,
И плакал днем и ночью он навзрыд,
Что в одиночестве в своем предстал
Умалишенным, потерявшим стыд.

Предельно горе обожгло нутро,
Забрав все силы, ум отняв хитро.
“Меджнун” – умалишенный гарапша¹,
Меджнуном стали звать со всех сторон.

Искали выход добрый все в округе
Там старец жил, лечивший от недугов
И он сказал: “Коль “Байтоллу”² объемлет,
То душу отведут любви потуги.

Все жители отправились к Меджнуну,
Но просьбы были бесполезны, втуне.
Он отказался ехать с ними в Мекку,
Хоть и родители просили накануне.

Поехать к “Байтолле” он отказался, -
И молнией тот слух распространялся.
Услышала об этом та старуха,
Нашла овражек, где Меджнун остался.

“Родной Каис, вскормленный своей грудью,
До хрипоты, взываю я, покуда
Ты, свет очей, смягчивший на закате
Мою судьбу, не отойдешь отсюда!

Лежала, задыхаясь от болезни,
Но в горе не хочу быть бесполезной.

¹Гарапша – по-арабски

²«Байтолда» - священный храм.

Дитя мое, мольбу в сердцах прими,
Чтоб осушить мне слезы, коих бездна.

Послушавшись меня, отправься в Мекку.
В огонь ли сплавить хочешь мать, как в реку?
С Лейли тебя взрастила бескорыстно
Достойно жить с долгами человеку?” –

Вот так взмолилась бедная старуха,
Что ломит кости, доходя до слуха.

- Не плачь так горько, мать, поеду в Мекку, -
Ответил он, к ней наостривший ухо.

Родители отправились с ним вместе,
В дороге слезы лили повсеместно.
Тогда Меджнун сказал, в душе тоскуя,
Прижавшись к “Байтолле” вполне уместно:

“Мой дальний предок – сам Адам – пророк,
Расставшись с Евой, грусть отвлечь не смог.
О, боже, снисходительный на мольбы,
Исполни просьбу в отведенный срок!

Недуг Лейли в груди не отнимай.
Огонь любви пылает через край.
Все ж обреки меня на это пламя
И волей по себе воспринимай.

Дороже нет мне имени Лейли.
По сердцу вьюгой чувства пролегли.
Мне муки – други с детства, враг – услада.
Любовных козней сам определи.

От прихоти тщеславной отвращай,
Любовных представлений умножай.
Промучай, не лишая только жизни:
Пусть будет горе тоже через край!

Я не боюсь, что в юности помру.
Из-за Лейли все беды разберу.
Аллах, по милости известна твоя воля,
Что воздаешь, кто молит по нутру.

Пускай в огне проходит тяжкий век.
Не для меня блаженство – не из тех.
Коль в жизни краткой с нею и не буду,
То после смерти предоставь успех!”.

Так выразил Меджнун свое желание:
Лишь для Лейли сердечное признание.
Родители с родными убедились,
Что от такой напасти без сознания.

И снова зашагал он восвояси,
В уме теряя каждодневно ясность.
“Мне жить, как зверю, дальше одиноко”, -
Сказал с уходом, грустью опоясав.

Остались бесполезно уговоры.
Насилие ответно в эту пору.
“Родители и люди, будьте в здравье”, -
Произнося, исчез из глаз он вскоре.

Блуждал Меджнун, стремясь опять в безлюдье.
Пристал к нему недуг еще малюткой.
Бежал стремглав, увидев человека,
Примкнул к сайгакам за теплом приюта.

Среди животных парень, как прореха.
На голос горы отсылают эхо.
Ведя беседу с откликом утеса,
Словами жег траву, как для потехи:

“Эй-эй, утес, ты повторяешь имя,
Что мне становится совсем невыносимо.
Лейли со мной опутана любовью.
Как можешь дразнить, выкрикнув помимо?”

И у тебя своя Лейли неужто:
Находишься ли в горе, как в ловушке?
Не повторяй любовь мою всегласно,
Безжалостен ли, как в летах кукушка?

Не обжигай, когда тоскует сердце,
Чтоб с горя до костей не перегреться.
Произносить один я вправе имя,
С которым в мир откроется мне дверца.

Коль и твою невесту звать Лейлою,
Коль смог сравниться с горестью со мною,
То почему кровавыми слезами
Ты не исходишь, затвердев такою?

На облике не вижу ни слезинки.
В груди твоей нет от любви искринки.
Зачем ты горемыку звонко дразнишь
Обманщиком любовного инстинкта?”.

Произнося душевное признание,
Слезами обливался под стенание.
Пронять сумел тем самым птиц, зверушек,
Что окружили, разделив страдание.

Когда заговорил для них тоскливо,
Они прислушались вполне учтиво.
Найдя язык понятный со зверями,
Траву щипал и пил подстать на диво.

Зовет Лейли во сне и снова стонет.
От слез животных вскоре луг потонет.
И у зверей есть свой инстинкт и разум.
Не думайте, что вовсе посторонний.

В то время там же в свой капкан охотник
Поймал сайгака, что ему угодно.
Встревожив непредвиденная участь,
Меджнун примчался к ним бесповоротно.

К охотнику с мольбою обратился?
“Не заменю никак тебе кормильца.
Но этот зверь, как я, исходит в муках”
Золототканой шубой отплатился.

Отдал кому-то с позументом шубу,
Оправдывая со зверями дружбу.
Но вдруг Меджнуну снова повстречался
Ловец другой, держа в руках голубку.

Он с пальца снял колечко золотое,
Что оказались на свободе двое.
Пред голубком и сайгачонком горько
Меджнун изрек признание такое:

“Мне стыдно перед вами признаваться,
Но я – бродяга, кем могу остаться.
Скитаюсь отщепенцем, хоть безвинно,
Мне по себе с животными брататься”.

И он затем последовал за ними,
Травой питаюсь, что невыносимо.
Приверженность Меджнуна для зверушек, -
Аллах умом их не обходит мимо.

Итак, оставим мы его в овраге.
Отыщем ли Лейли для грустной саги?
Немного и о ней сказать позвольте,
Когда она с любовью бедолаги.

Не удержать ей чувств своих к Меджнуну,
Иссохлась вся, что выглядит колдуньей.
Однажды ночью шла одна в безлюдье,
С тоской взмолилась к небу в свете лунном.

В луну вглядевшись, так запричитала:
“Ты Землю огибаешь без причала.
За ночь одну обходишь мирозданье, -
Так о Меджнуне дай мне весть сначала.

Скиталец бродит где-то, но живой ли?
Внутри я вся изведена любовью.
Хоть к солнцу ты в любви со мной подобна,
Лишь отражаешь свет и то бескровно.

Тебя лучами солнце оживило.
Ты прежде света вовсе не вносила.
Когда Меджнун привнес мне в сердце искру,
Она невольно пламя породила”.

Затем Лейли приходит в садик дальний,
Где осенью плоды все собирали.
И голосом пренежным, как и ночью,
Цветам и листьям губы прошептали:

“Залетный ветер веет увлеченно,
Как-будто обнимается влюбленно.
Так почему, перекликаясь, листья
Не обливаются слезами отрешенно?”

Росинками покроетесь ночами, -
Не отвести любовными речами.
Облейте не водою, а слезами,
Что с кровью подогреты изначально.

Ты, ветерок, листок сотрешь всецело,
Взлелеянный цветок ломаешь смело.
Несешься то приятно, то колюче.
Кому в угоду вьешься в самом деле?”

Потом она ко звездам обратилась:
“Души моей отрада, где взять силы?
Любимого избранника не вижу,
Поэтому от скуки утомилась.

Ойхой, звезда, есть тайна между нами.
Как ты, и я не знаю сна ночами.
Такая же бедняжка с птичьей долей:
Тоскую я с простертыми руками.

Мигают безответно с неба звезды,
Которым лишь известны мои слезы.
Нет уголка, чтоб был бы вам неведом,
Хоть след Меджнуна заносите в грезы!?

Одна звезда стремительно упала,
Как-будто встречу с милым предвещала.
Пошла вперед по звездному уклону,
Считая, что дорогу указала.

Увидела Лейли не человека,
А тень его, пугающую в свете.
Не ведая приятель или недруг,
Нельзя тотчас приблизиться с приветом.

Но тот предстал пред ней самим Меджнуном
И молвил: "Милая, души моей певунья".
В ответ Лейли: "Я вся твоя, используй
Момент, чему не быть в миру подлунном".

Надумал он приблизиться к девчонке,
За поцелуем наблюдая тонко.
Удастся ли, предвидится ли случай,
Чтоб получить свой дар любви в сторонке.

Приблизился, сгорая, неумело:
Прижалось оголенно к телу тело.
Но после поцелуев долгожданных
Беспамятство обоих одолело.

Нет ничего сильнее любви накала, -
Пред ним сознание вдвойне не устояло.
Оставим двух влюбленных на природе,
Чтоб о Науфале рассказать сначала.

* * *

В Аравии батыр Науфал когда-то
Придерживался буквы шариата.

Обиженных людей найдя в дороге,
Готов был защитить от супостата.

Привержен к шариату до предела, -
Отринет от него дурное дело.
От честности ни с ногой не отступит,
Что жизнью поплатиться может смело.

Борясь за правду, горемыку сладит, -
Окажет помощь во главе отряда.
Услышав про униженную душу,
Безустали начнет вводить порядок.

Родители Меджнуна в горе стонут
И в поисках лекарства не в застое.
Старуха привела бедняг к Науфалу,
Подав соломинку тому, кто тонет:

“Батыр державный, ты и впрямь всемогущ,
Спасашь утопающих умильно.
Покуда прав и верен шариату,
Любой в беде находит твою милость.

Добро и справедливость изначально
В тебе одолевают все печали.
Ты как отец для сирых и убогих,
Которые всю благодать опознали.

К тебе пришли с поникшей головою:
Один мой сын сражен к ханше любовью.
Скитается от горя, как блаженный.
“Безумцем” прозван, нет тому основы.

У них любовь с рождения на свете:
Желали встреч, хотя грудные дети.
Народ-свидетель в том, что это правда,
Поэтому мы за судьбу в ответе.

Скитаясь, сын живет совсем убого.
Униженным протянет он немного.
Прославленный делами благодетель,
Ты помоги бедняге ради бога”.

Науфал, вскочив мгновенно, дал команду:
“Мои батыры, встаньте в строй по рангу.
Спасти должны униженную душу!”
И сам повел на выручку фалангу.

Предупредил однако предводитель:
“За правду смело борется воитель.
Для нас закон-каноны шариата.
Аллах поможет, если честен житель”.

Нашел Меджнуна у оврага вскоре.
“Воздам невесту”, - заявил в задоре.
Царю отправил весть: “Всех уничтожу,
Коль будешь с женихом в немилом споре”.

Но тот держался в духе своенравном,
Посланника прогнал, грозя управой,
И выступил навстречу с ханским войском,
Чтоб отстоять Лейли, пока он в здравье.

Два войска встречно двигались, сражаясь,
Закалывают недругов, врываясь.
Науфала воины ни в жизнь не отступали,
Но здесь батыры сникли, озираясь.

Сиял шатер его на горном склоне:
Меджнун согбен в молитвенных поклонах.
Вскочил Науфал, услышав стук копытный,
И от батыров принял весть со стоном:

“О, господин! Не ведали отхода,
Верша разгром при солнце до захода.
Предстал пожар неведомой преградой,
Что нас погнал назад, как стадо вроде.”

Не знаем мы, откуда взмыло пламя.
Такое не случилось прежде с нами.
Спросите у сопы¹ про чудо-юдо,
Что означает эта панорама?”.

Сопы сказал: “Меджнун молился небу,
Просил Аллаха на свою потребу.
И во спасение невесты от нападок
Взмолился о пожаре, не колеблясь”.

В ответ Меджнун: “Просил о том я бога,
Чтоб сохранить любимой рать немного”.
И здесь Науфал воскликнул, умоляя:
“Каис, молчи, не осуждая строго.

Сражаюсь здесь, чтоб привести к любимой.
Победа с честью тут неотделимы.
Из-за тебя же происходит битва:
Нам отступление назад необратимо”.

Закончив речь, он сам возглавил войско,
Как волк среди овец, разил геройски.
Отца Лейли случайно захватили,
Хоть вел себя он пред врагами стойко.

Тогда Науфал к нему и обратился:
“Чего ты пред джигитом возгордился?
Не замечаешь, как народ горюет,
Увидев, что умом преобразился?”.

“Ойхой, батыр, позволь сказать мне слово.
Оберегать святую честь не внове.
О том, что вырастил с грехом девчонку;
Оповестить молва всегда готова.

Потом Каис представился бродягой.
Но кто захочет видеть дочь беднягой?

¹Сопы – священник, предсказатель.

Совсем недавно заезжали сваты,
О чем людей спроси, хоть под присягой.

Не умолчать мне и под пыткой смерти,
Что сватался к ней Ибн Салам, поверьте.
Здесь пахнет дело молодою жизнью.
Решай, сынок, коль пожелаешь жертвы”.

Кипела кровь, в глазах – огонь Науфала
И в гневе прикусил он даже палец.
Меджнун взмолился, обращаясь к брату:
“Не надо жертвы, кровного начала.

Обуревают бесконечно сплетни.
Письмо Лейли я написал намедни.
Гонцу его доставить поручите
И больше нет подспудных намерений”.

Науфал исполнить просьбу ту решился,
Поскольку в праведном роду родился.
К себе он вызвал смелого Зайта,
К нему с доверием особым относился.

Отец Лейли, всю правду излагая,
Раскрыл себя, как видно, связь такая.
Определив, что это – воля божья,
Батыр Науфал ушел с чужого края.

Опять Меджнуна одолело горе,
Как-будто мир обрушился со взгорья.
Пускай покамест странствует, как прежде.
Лейли переживает, с духом споря.

* * *

В беспамятстве остались два влюбленных.
Лейли сидела в позе полусонной.
Она Меджнуна долго дожидалась,
Накинув шаль с кистями утомленно”.

Собравшись с мыслями, и Меджнун проснулся.
Увидев шаль, обнял и вострепнулся.
В такой момент замечен был Науфалом,
И тот, переживая, обернулся.

Лейли сидела взаперти, сгорая.
Кружилась бабочка пред лампой, облетая.
Она пред ними излагала тайну
Всю эту ночь, ресницы не смыкая:

“Эх, бабочка, влюбилась в нашу лампу.
Не получить нам за любовь оплату.
Сгорая, не помри, как я, напрасно:
За круг один погибнешь однократно.

Терпение погасит твои муки
И свыкнешься в душе с бедой разлуки.
Годами проноси обет супруги.
Зачем ему, чтоб наложила руки?

Эх, лампа, догораешь, пламенея,
Как-будто чувствами обиженными млея.
Прикована ты к месту, в черной шапке,
И к небу обращаешься, краснея.

Одна горишь, волнуя светом ночью,
И отдыхаешь днем, погаснув впрочем.
А я сгораю непрерывно с горя,
Что всю меня заполонило очень.

Облитая горячими слезами,
Любовью исстрадалась даже днями.
В твоих очах нет слез, глядишь, сияя,
Питаешься ты маслом между нами.

Противник – ветер, масло – не подмога,
Что угасаешь, прогорев немного.
Приятель – муки, благо – мой противник,
Сравнятся ли тебе со мной убогой?”.

Пред лампой так обиду изливала.
Письмо в руке кого-то увидала.
Взглянув, узнала вожделенный почерк,
Что вне себя от радости читала.

С письмом Заит внезапно объявился.
Проворен он и своего добился.
Меджнун писал, коль я смогу дословно
Подать, чем лист бумаги испещрился:

“Любовь моя, Лейли, дороже жизни,
Тоскую по тебе без укоризны.
Но если ты по воле вышла замуж,
То поздравляю, отогнав капризы.

Возрадуюсь, коль обрела ты радость.
Мне тень твоя приносит в жизни сладость.
О, милая, ты в радости иль горе?
Раскрой мне тайну, успокой на благо.

Лукавства нет в том для блаженства круга.
Я не хочу отринуть от супруга.
Коль ты согласно обратилась к браку,
Хотел бы оказать свою услугу.

К тебе любовь в моей груди засела.
Коль любишь ты другого, нет мне дела.
Но сердце помнит о невесте:
Пришлось письмо отправить оробело.

Я ожидаю от тебя ответа,
Покуда сердце бьется несусветно.
Скажи мне правду только ради бога, -
Душа моя не хочет жить на свете.

С ответом не тяни, пиши по сути.
Пока землей засыпан прах не будет.
Коль замужем, не миновать мне смерти,
Иной дороги нет на перепутье”.

Письмо Меджнуна прочитав дословно,
Лейли решила дать ответ подробно,
Причем она любовными слезами
Чернила замешала, словно кровью:

“Удивлена, что ты легко поверил.
Пронизана душа моя вся верой.
Как можешь, свет очей моих, такое
Мне написать, отринув честь на свете?

Как я смогла бы одного оставить?
Не смей подобное себе представить.
Отец на брак взаправду согласился,
На что не сможет он меня заставить.

Услышав, приготовилась я к смерти,
Из-за тебя погибнуть в круговерти.
Подумав, сил нашла остановиться,
Чтобы Аллах нас удостоил сверки.

Природа родила нас друг для друга,
Что мне лишь Бог в судьбе моей порука.
Не выйду замуж в жизни за другого,
За что всевышнему простерла руки.

К тебе любовь мне подарил он с детства,
Что плакала, ища с тобой соседства.
Зачем ты написал, забыв бывшее,
Как-будто с небом не в ладу совместно?

Мы друг для друга рождены, мой милый,
Что зря глаза другого устремились.
Огонь любви зажег в нас сам всевышний
С тех пор, как мы с тобой на свет родились.

И то, что предначертано судьбою,
Придется испытать вполне с тобою.
Не сомневаясь в том ни на иоту,
До смерти сохраним любовь такую.

Прошу тебя, отбрось иные мысли.
Приди на встречу, мчась на полной рыси!
Тогда ты по глазам моим узнаешь
Все то, что признается бескорыстно”.

Опять Заит с письмом назад помчался,
Чтоб долг влюбленных в нем не оставался.
Но там Меджнун лежал, теряя память,
Что в тот момент с письмом не разобрался.

Заит попал к нему в такую пору,
Когда беспмятство причудилось по взору.
Меджнун письмо в карман засунул просто,
Глазами устремляясь без разбору.

Тогда лишь понял, что Меджнун был болен.
Стоял, не отходя, как на приколе.
Но кто-то сообщил: “Твоя в недуге”.
Пришлось Заиту отойти невольюно.

Заит ушел, Меджнун своей болезни
Преодолел недуг, как парень трезвый.
Тогда он вспомнил про письмо в кармане,
Что ждал давно и бесконечно грезил.

Пришел в себя, узнав в письме о сути:
Изъяна никакого, как ни крутит.
Теперь и о Лейли пристало слово,
Пока Меджнун с письмом, как на запруде.

* * *

Лейли из-за Меджнуна вся пылала.
Готовит свадьбу Ибн Салам удаю.
Однажды он оповещает тестя,
Что посетить невестин дом предстало.

На званый пир пришло немало люду.
Подарков зятя обрели повсюду.

Представила богатому Саламу
Лейли лихая баба, как на блюде.

В постели муж сказал Лейли тихонько:
“О, милая, зачем сидишь в сторонке?
Сними одежду и приди в объятие:
Порвется то, что пребывает тонко”.

Она пошла на женское лукавство:
“Необходима мне мужская ласка.
Но у меня есть с детства пери, фея,
Которая приблизилась с остражкой”.

Мгновенно муж на месте встрепенулся:
“Где эта фея?” Сразу обернулся.
Хотя Лейли настроилась на хитрость,
Внезапно дух какой-то подвернулся.

Огромный нос, губа весит до пола,
И голос зазвучал, как эхо дола:
“Ты – не супруг Лейли, всевышним данный.
Не потерплю такого произвола”.

“Не подходи к ней близко, - дух продолжил.
Чужую суженую обходить ты должен.
Но если вдруг нечаянно коснешься,
То к смерти будет путь тебе проложен.

Лейли отпустишь - возвернешься к жизни.
Хоть пальцев тронешь, не стерплю каприза.
Пусть будешь ты живуч тысячекратно,
Не пощажу, коль подвернется близость”.

Поклялся Ибн Салам: “Отныне скрыто,
Завесой тайны будет все покрыто.
Поскольку суждено не быть мне с нею,
На жертву не пойду никак открыто”.

Вновь дух сказал: “Святое это слово”
И улетучился, во тьме исчезнув снова.
Хоть изнутри Салам и задыхался,
Держал секрет, что затаил до гроба.

Батыром слыл он тоже смелым, храбрым.
Огнем любви он запылал взаправду.
Не в силах был отречься от любимой,
Но ноги пятятся, что нет управы.

Не чудо пери, святость уговора
В делах батыров – вечная опора.
Преобразился лик, покрывшись желчью:
Изменится и камень от разбора.

Придя к Лейли, он не ложится рядом.
Взглянув, не может есть и днями кряду.
Любовь батыра превратилась в тряпку,
Пропитанную болью, будто ядом.

Любовь сжигала сердце, все пылая.
В душе с печалью жил, изнемогая.
Когда недуг довел его до грани,
Определил, что пропасти у края.

Лекарства нету для такой болезни, -
Лечение врачам всем неизвестно.
Поняв, что смерть грозит ему с порога,
Позвал Лейли, чтоб объясниться честно:

“Я для тебя не муж, а близкий родич,
Убитый горем, в мир иной проводишь.
Не бойся, не стесняйся, встань поближе,
Чтоб я простился, ум на месте вроде.

Не знал, не ведал о любви к Меджнуну:
В душе твоей не стал бы трогать струны.
Известно было о Меджнуна страсти,
Но о твоей не знал я, как ни грустно!

Судьба раскрыла вожделенно двери:
Поведала твои секреты пери.
Решил от брака этого отречься, -
Не восприми лжецом по крайней мере.

От пери не устроил я побега:
Готов и к смерти, отлучась от неги.
Остановил себя, узнав о тайне,
Чего святее чувств на свете нету.

Храню я слово крепко и надолго.
До смерти буду человеком долга.
При встрече передай привет Меджнуну,
Поистине мы – сверстники поскольку.

Меджнуну написал письмо отменно,
Доставь заветом друга, непременно.
Пускай почтит меня своей молитвой,
Простите Ибн Салама в мире тленном.

И ты забудь нелепые поступки:
Залечивать мне некогда зарубки.
Добившись милости судьбы привольно,
Живите ладно голубем с голубкой.

Достигнешь гроба, находясь в печали.
Доверившись судьбе, расцвел в начале.
Мечтал в том духе обойти всю землю,
Но умираю, не увидев дали.

Припомнив вас, споют о нас потомки.
Земля сырая не одарит кромкой.
Доволен тем, что все ж по божьей воле
Не унесут безвестно нас потемки.

Останется сказание на память,
Поскольку жизнь возносится кругами.
Покаяться хотел бы пред Меджнуном.
Дано ли мне увидеться очами.

Один я был в семи коленах предка.
Обиду не держи на сердце, детка.
Всецело отвращаюсь от калыма:
Пускай отец приемлет скот при этом

Настигнет в самом деле смерть с косою
Мечтателя от брачных уз с тобою.
Не буду представлять для вас преграду.
Меня жалея, не играй с любовью.

Скажи Меджнуну, чувство безответно
И в жизни отрешенность несусветна.
Пусть от души прильнет к своей невесте,
Иначе изживет себя со света.

Приблизилась Лейли к нему умильно,
Но охватило холодом могилы.
“Простите и прощайте”, - краткий выдох,
Где властвовали неземные силы.

Судьбой распорядился так всевышний.
Пришлось Лейли прощальный стон услышать.
На вскрик Лейли, донесшийся из дома,
Охраники сбежались тут с одышкой.

Произошла кончина Ибн Салама.
Народ собрался с горькими словами.
Произведя прощальную молитву,
Воздвигнет он с почетом купол храма.

Но в мыслях у Лейли один любимый,
Тоскует не о муже так ранимо.
Прикрывшись этой смертью при народе,
Излить всю горечь ей необходимо.

Меджнуна не забыть до самой смерти,
Стеная лишь о нем, как на поверке.
Народ как плач по мужу принимает,
Поскольку слезы льются достоверно.

Однажды и Меджнун приходит в город,
Чтоб встретиться с любимой, скинув горе.
Сковав цепями старика-бедняжку,
Пинал мужчину, волоча за ворот.

Скорее подбежав, Меджнун взмолился:
“В чем виноват, за что в него вцепился,
Прилюдно, дядя, учинил расправу?
Ты выбиваешь дух, а он скрутился”.

“Отца старик убил, забив камнями.
Попал в висок ему булыжник прямо.
Отдал убийцу в руки сам исправник,
Чтоб месть свершил и забросил в яму.

Отместка будет в нормах шариата.
Таскать я буду, милостыня – плата.
Пытать могу, чтоб не убить внезапно.
Подсунув голову, могу отсечь на плахе”.

“Старик-бедняга, грех взвалил к чему же?
Твоя беда разбередила душу.
Насколько затаил в себе обиду,
Чтоб смертью отплатить в борьбе тщедушной?”.

“Забросил камень, сам себе не веря:
Вполне случайно проломился череп.
Обрел такую долю по ошибке.
Зачем я уподобился бы черви,”.

“Не мучай старика, оставь побои.
Могу я заменить его собою.
Перенести необходимо муки
Да милостыню соберу побольше”.

Вот так Меджнун освободил и деда.
Путы на ноги им самим одеты.

Держа на привязи не старца, а джигита,
Повел тот от соседа до соседа.

“Лейли” твердит, не сдерживая слезы,
Монеты на ладони, словно блески.
Увидев из окна Меджнуна в плаче,
Лейли упала, вывалившись просто.

На землю гулко девушка упала.
И сразу сердце в ней Лейли признало.
Едва живой итак Меджнун тащился,
Что здесь мгновенно памяти не стало.

В беспомощности лежит он неподвижно.
Хозяин, ошавев, подходит ближе.
Когда Меджнун вздохнул, явилось пламя,
Что в сердце накопил, как стал обижен.

Хозяину не нужен сумасшедший, -
Ножом отрезал недоуздок с шеи
И цепи снял, освобождая ноги.
Одна лишь смерть обвила хорошенько.

Лежали долго, не придя в сознание,
Покуда оба как одно создание.
Так сладостна в тиши ночная встреча,
Что изливается сердечное признание.

“Мой дорогой, - Лейли вдруг прошептала. –
Бери все то, что так оберегала.
Обняв, оцупай, разминая груди,
По меду с языка истосковалась.

О, мой Меджнун! Влюблен – не сомневайся.
И предо мной всецело раскрывайся.
Предельно жажду я сердечной ласки:
Язык сокрыть, целуя, не пытайся.

Я умереть готова, коль в разлуке,
И никогда не позабуду друга.
Принять могу, чтоб находился в здравье
В объятия свои пожара муки.

Подать язык хотел Меджнун влюбленный,
Он тоже извивался оголенно.
Но сразу охватило снова пламя,
Едва губов коснулся отрешенно.

Здесь он вперед метнулся, взяв в объятие.
Сгореть в пожаре не в его понятии.
За талию схватив, не отпускает,
Поскольку смерть витает, как проклятие.

Но все ж невыносимо было пламя,
Что разойтись пришлось, всплеснув руками.
Следил за ними некто в это время,
Кто вынудил расстаться со слезами.

Не отстает нисколько чудный странник.
За городом догнал он, как ни странно.
Под ухо прошептал: “Остановитесь”,
Хотя Меджнуну ни к чему охранник.

Остановился, чтоб увидеть облик.
Лейли, возможно, вспоминали оба.
Предстал джигит какой-то с кротким видом,
С кем не имел знакомства никакого.

Приветствуя, заговорил печально:
“Увидел вас в объятиях сначала.
Когда вы сблизились, огонь взметнулся,
Что и меня подобно отличало.

Любовь известна мне не по наслышке
И о твоей я знаю много слишком.
Следил нарочно, чтоб придти на помощь,
Иначе в пепел превратили б вспышки.

Не прячешься от смерти по лазейкам
И не отдашь ты душу за копейку.
Когда умрешь страданием задавлен,
Вот это в мире худшая статейка.

Не обнимаясь, посмотри в лицо:
Огонь не всполошит в конце концов.
Когда же время сблизиться наступит,
Всевышний сам определит кольцо.

Огонь преодолеть она не в силах,
Причем тебя бы только осрамила.
Мужчины женщина стократ нежнее,
Поэтому судьба с Лейли немила.

Была и у меня своя невеста,
И я страдал, когда бывал не вместе.
Из-за любви она и впрямь погибла,
Как вспомню, нет покоя повсеместно.

Я не умней тебя, но знал дорогу,
Которая дала тоски премного.
С возлюбленной расставшись поневоле,
Растерянно брожу один в итоге.

Не посчитайте ярим пустословом.
Хочу предостеречь в самой основе.
С твоею не сравнится наша доля, -
Твоя заветной во стократ, особа.

Привержен ты, как я, в душе к несчастью.
Как друг Лейли, тоскуешь безучастно.
Могу снабдить тебя хотя бы вестью.
Ты знаешь, кто к судьбе твоей причастен?

Запомни имя, звать меня Заитом,
Страданиями, как камнями, битый.
Я девушку Зейнеп случайно встретил,
Что стал любовью по уши обвитым.

Зейнеп скончалась, я живу вдовою,
Лишь посещением могилы стал доволен.
Чтоб быть твоим товарищем по жизни,
Преследую тебя пешком невольню.

Давно с тобой в душе, как друг, поклонник:
Носил я письма, был не посторонний.
В ту пору ты ходил умалишенным,
Поэтому бывал всегда в сторонке.

Тогда и донеслась та весть до слуха,
Что залегла Зейнеп с болезнью глухо.
Несчастный, я безудержно умчался,
Когда с умом ты обходился туго”.

Однажды предложил Заит задорно,
Чтоб отыскать Леили скорей, проворно,
Меджнун представился незрячим нищим,
А он повел бы за руку подворно.

Заит Меджнуна превратил в слепого,
То взвалит на спину, то в жмурках строго.
Подсунув в руку ивовую палку,
По городу водил совсем убого.

* * *

Измаялась Лейли в тоске предельно,
Сгорает от любви на самом деле.
С одной из девушек выходит на прогулку,
Чтоб не валяться целый день в постели.

Лейли в слезах, что тоже горше стали.
Искать возлюбленного и глаза устали.
На небе облаку всю тайну раскрывая,
Лейли освобождалась от печали:

“Горюешь, тученька, как я, невольню.
Неужто недовольна своей долей?

Иль, как Лейли, лишённая Меджнуна,
Выскиваешь дар природы в поле?

Чернеешь, наливаясь тяжкой грустью,
Вздыхаешь, разрывая что-то с хрустом.
Пуская вспышки, слезы льешь ручьями,
Подобно мне, кому на свете пусто.

Ты иногда грохочешь, свирепея,
Показывая мощь, исходишь пеной.
Выбрасываешь пламя, даже стрелы,
Не думая о смерти, что мгновенна.

Нельзя не в меру смертному кичиться.
Коль влюблена, не надо торопиться.
Несешь то возмущение, то благо
Не по уму, причем нам не сравниться.

Зачем ты солнце плотно укрываешь,
Чем думы горемыки умножаешь?
Когда земля лучами обогрета,
Любовь такую мигом отнимаешь.

Безумная, как это бессердечно!
Земля без солнца сникнет вековечно.
От солнечной любви трава ликует,
От нелюбви большое сердце в сечи.

Цветок без солнца вскоре не завянет?
Без солнечных лучей опять воспрянет?
Будь милостив и обернись водою,
Чтоб горе смыть, пока светило глянет:

В тени и зелень сразу потемнела.
Не видишь, как земля вся посерела?
Слезами обливаясь, выдай влагу,
Но градом не беснуйся ошалело.

Ты уплыви, не закрывая своды,
Где солнце устремляется к свободе.
Цветок под тучей, как Лейли в печали,
Кто грезит о Меджнуне в непогоду”.

В тоске Лейли стояла одиноко.
Два пешехода подошли к ней сбоку.
Один из них Заитом был, который
Водил Меджнуна, как слепца, у окон.

Незамедлительно Заит промолвил:
“Мой старший брат, лишенный глаз, при мольбах,
Чтоб каждый оказал посильно помощь”.
Поблизости к Лейли стоят невольно.

Слепцу протягивают люди подаяние.
Находчивость Заита – оправдание.
К Лейли слепой тихонько обратился:
“Окажешь, милая, мне доброе внимание?”.

Лейли признала в нем Меджнуна сразу,
Переживала, что попался сглазу.
Достала вмиг письмо свое с печатью
И в руку сунула как по заказу:

“В укромном месте посчитаешь сколько:
Я положила денег, просто скомкав.
Не пожелала хвастаться открыто,
О чем есть предписание пророка”.

Слепец мгновенно взял ее бумагу.
В карман упрятал, не раскрыв ни малость.
Хоть милостыню получил в достатке,
Не в силах был он сделать с места шагу.

Не может оторвать при этом взгляда.
Заит кружился с мольбами изрядно.
Меджнун, не шелохнувшись тут упорно,
Изрек, чтоб навести в душе порядок:

“Глаза мои потеряны взаправду.
Воспринимайте сущность слов, как надо.
В несчастье окунулся с головою
И нет в душе убогой просто лада.

Потерей зрения внутри страдаю.
Лейли лишившись, воздух обнимаю.
Блуждая в горьких муках каждодневно,
Глаза засыпятся землей, что знаю.

Живу на свете, не познав блаженства.
Одна Лейли – вершина совершенства.
Другая не заменит в этом мире,
Поэтому живу, влюбившись с детства.

Глаза мои одна лишь ты исцелишь.
Душа на грани смерти, коль поверишь.
Но гибель с горя не войдет в анналы,
Поэтому живу в сердцах, как дервиш.

О, милая! Мне сгинуть иль не надо?
Лекарство предоставишь ли в награду?
За исцеление очей моих на радость
Отдать ли душу, вырвав, как усладу?

Бедняжка, порожденный с громким плачем,
Как одержимый, без конца судачу.
Имеется ли средство для недуга?
Глаза целы, чтоб осмотреть удачу”.

Он приподнял завязанный платочек.
Лейли уловку принимать не хочет.
В глаза всмотреться подошла поближе,
Чтоб в божьем благе убедиться впрочем.

Меджнун пред нею притворился снова,
Заговорил, подыскивая слово:
“Слепому нелегко стоять, качаясь,
За стан обнять позволь, взглядевшись в оба”.

Когда обнял за талию с вниманием,
Лейли упала, потеряв сознание.
Любовь внутри настолько зажигало,
Что началось снаружи возгорание.

Увидев пламя, прибежали люди.
Заят слепого утащил отсюда.
Местами сразу обгорело платье,
Что поразило всех такое чудо.

Собравшись с мыслями под крышей дома,
Спешила пояснить такое скромно:
“В кармане у меня лежали спички, -
Слепец и чиркнул ими неудобно...”.

На теле девичьем следы ожога
С огнем внутри усилились намного.
Со временем настолько разболелась,
Что не могла переступить порога.

Меджнун был уведен от глаз подальше.
С Лейли в разлуке мучился без фальши.
Письмо заветное в укромном месте
Рассматривал, как любопытный мальчик.

Кольцо там было, два письма отдельно.
Одно от Ибн Салама, как хотела.
Лейли сама другое написала,
Где другу сердца объяснилась смело.

Не всем пригодны, хоть звучат стихами,
Огонь и лед, и сущность между нами.
Здесь нужен разум, а не только уши.
Читатели, в том разберетесь сами:

“Мой дорогой! Одно письмо залогом,
Приветствует тебя не раз, а много.
Он чувством одержим, но долгу верен.
Прости бедняжку за ошибки в слоге.

Второе от меня к тебе попало.
Молитвенно пишу, что мне досталось.
Глаза твои люблю, не плачь, мой милый.
Я уйду, любовь с тобой осталась.

Мой дорогой, с преградой не добраться.
Хотелось, встретившись с тобой, отдаться.
Не думай, что по-прежнему болтлива, -
На этом свете нам не повидаться.

Я, милый мой, не знала о поджоге:
Мне б целоваться ежедневно строго.
Касаясь телом, сразу загоралась.
Но в мире том не будет нам подлога.

Я не смогла перенести накала.
Жалею, что, обнявшись, не лежала.
Что делать, если женщина нежнее
И стойкостью мужской не обладала?

Победа за тобой, а я в накладе:
Душой расплачиваюсь в том, как надо.
Чтоб ты в тоске рассматривала палец,
Колечко оставляю, как награду.

В тот раз вослед засеменял мужчина.
За городом догнал, ступая чинно.
Зайтом оказался этот странник.
Зачем ушел, скрываясь беспричинно?

Тогда бы мы и встретились с тобою,
Готова умереть в твоей обойме.
В объятиях достигнув высшей меры,
Не быть бы мне довольною судьбою?!

От сожаления сердчного убита.
Найдется ли нам друг верней Зайта?
При жизни нам увидеться желанно
Найдет уловку, чтоб остаться квиты.

Не время размышлять о том подолгу.
Промедлишь, - в жизни не добиться толку.
С умом в ладу, что у него в порядке:
Зейнеп не ищет, как в стогу иголку.

Скажи Заиту, чтоб придумал выход.
Нужна его смекалка, словно выдох.
Пугает сердце, застучав неровно,
Что, опоздав, застигнешь свыше вызов.

Будь в здравии, коль не дано встречаться.
Соединит нас бог на судном часе!
Любви моей, объявшей с малолетства,
Нет ничего дороже и прекрасней!

Из-за меня Меджнумом стало имя.
Твоя любовь в груди невыносима.
В глазах – лучи от нежности, мой светоч!
Пусть письмецо не жгет неотвратимо.

Из-за меня в бродягу превратился,
В ущельях и долинах находился.
Мой милый, встретимся в загробной жизни.
На свете рок еще не закатился?

Мой милый, я не возвратила долга.
Ты тоже должен не вносить залога.
Аллах всемилостив, чтоб стать легендой,
Врачующей людей в молитвах долго.

Мой милый, все же другую не приемли,
Не вызывай сомнения пред всеми,
Чтоб мы с тобой в потустороннем мире
Не встретились людьми совсем не теми.

О заданной кончине прежде зная,
Без близости мне стала жизнь пустая.
По случаю тебя предупреждала, -
Убеждена, что честь твоя святая.

Из-за меня скитаясь, прибыл в Мекку.
Обрел болезнь, что трудно человеку.
Из жизни ты уйдешь не просто смертным,
А в памяти оставшись жить навеки.

Судьба влюбленных может повториться,
Но так любить, как мы, и не приснится.
Уверена, что назовут потомки
“Любви блаженством в благородных лицах”.

Посмертно приходи, любя, к кумбезу¹.
За мной другая будет ли полезней?
Любовь бессмертна, хоть меня не будет.
Мне каждодневно ждать, хоть буду в бездне.

Мой дорогой, дана мне бабья доля.
При жизни мог насытиться довольно.
С тоскою посещай мою могилу, -
Набравшись сил, предстану даже голой.

О, боже, не смогла на этом свете
Обнять его женой, за что в навете.
Когда Меджнун придет, изнемогая,
Могилу рассеки, чтоб вышла встретить.

Мой дорогой, от слов душа сгорает,
Недуг тоскливо силы отнимает.
Живи, не проливая слез излишних.
Аллах в том мире в ложе повстречает”.

От этих слов Меджнуну стало трудно.
Душа истосковалась вся подспудно.
Глаза полны не слез, а прямо крови,
Что красным стало и письмо подруги.

Не в силах одолеть любовной страсти,
Что не имеет над собою власти.

¹Кумбез – надгробный памятник с куполом.

Рыдая, безнадежно распластался,
Письмо прижал к лицу в больной напасти.

Зачем одна ушла, его оставив?
Письмо целует, словно для забавы.
Зайт, застав Меджнуна в этом виде,
От слез не удержался, хоть не вправе.

Похоже помутнен его рассудок:
Ушла любовь и стало не до шуток.
Хоть будет человек собой могучим,
Не выдержит письма из ниоткуда.

К Зайту подсознание вернулось.
Письмо сердечных струн его коснулось.
Меджнуну говорит с большой надеждой:
“Она жива, в ней чувство встрепенулось.

В письме не умоляет ли о встрече?
О чем-то скверном нет в помине речи.
Нам надо подготовиться к визиту,
Не взваливая тяжкий груз на плечи.

Ненадобно оплакивать впустую.
Под громкий плач помочь я не рискую.
Коль сгибнешь, посчитав ее умершей,
То разыграешь шутку с ней худую.

Заметно по письму, что вся здорова,
Что пламенем любви пылает снова.
В сердцах обоих чувств разгул в достатке.
Как вслед не будет умереть готова?

Поверь моим словам на милость бога,
Воспринимай как заповедь благого.
Пока живой, устрою вашу встречу,
С невестой будешь вместе хоть немного.

Вначале сам я разыщу то место,
Куда потом отправимся совместно.
Тогда уж с ней согласно уговору
Окажешься в объятии прелестном”.

Отправился Заит с такой надеждой,
Чтоб в городе Лейли увидеть прежде.
Но мучило сомнение Меджнуна,
Что вера успокаивала реже:

“Увижу ли, жива иль нет на свете,
Увидев, обниму в любви заветной?
Иль не дождавшись от любимой вести,
Определюсь в могиле беспросветной”.

Представишь ли, Меджнун в каком ударе?
Горит все тело, как в огне пожара.
Весь пожелтел, за голову хватаясь,
Себя не ощущает, как в угаре.

Последнее стенание как-будто,
Со вздохом пламя засверкало жутко.
Когда рыдал он, всхлипывая громко,
Свернулся калачом в своей закрутке.

То смотрит в небо томными глазами.
Неведомо, что высказал устами.
“Лейли” лишь только слышится порою, -
Лица залито красными слезами.

Встряхнувшись иногда от смертной позы,
Дрожащей головой сулит угрозу.
Не смог представить полную картину,
Когда рука дрожит, как ветка розы.

Сумел ли передать тщедушный облик?
Такое не представишь в малой пробе.
Но если прочитает сам художник,
То кистью передаст сие особо.

Джигиты, пробивает сердце жалость.
Сочувствие к бедняге есть хоть малость?
Ни сердцем, ни душой не в силах даже,
Чтоб описать, как это проявлялось.

Но если сгинет сразу, нет досады.
Из двух смертей свою считал наградой.
Пока Заит прибудет с новой вестью,
Сумеет кто со временем уладить?

Любой батыр подобное не стерпит.
Меджнун – бедняга ждал по крайней мере.
Когда полуживым сидел в накладе,
Какой-то пешеход шел соразмерно.

Шагал он с остановками попутно,
Неся из города ответ Лейли по сути.
А юноша, живущий вечно в горе,
Сегодня ожиданием опутан!

Заит идет без суеты излишней,
Не поднимая головы, потише.
Меджнуну показался он суровым,
Как ангел вести с потаенной ниши.

Эге, Заит, пришел с какою вестью?
Суров, сосредоточен неуместно.
Скажи всю правду, хоть в живых и нету.
Настаивал ты сам на сей поездке.

Товарищ мой, выкладывай, что видел.
Меня жалея, не томись в обиде.
По облику заметил смерть любимой.
Как сверстник не крутись в лукавом виде!”.

Заит ответил: “Ах, жива-здорова!
Но как мне быть, коль не поверишь снова.
Назавтра уговор о встрече сладил:
В саду на вечер подготовься ровно.

С тобою мы у кладбища присядем.
Там пригородный сад раскинут рядом.
Под сумерки Лейли пребудет в сквере:
Сама определила с милым взглядом”.

Зайт добился веры в нем словами.
Меджнун ожил влюбленными глазами.
Ту ночь без сна провел в пречудной грезе,
Облив лицо вновь красными слезами.

Мучение за благо принимают
Влюбленные сердца, чем жизнь питают.
Зайт всю ночь до самого рассвета
Зейнеп припоминал, от чувств взлетая.

До утренней зари Меджнун пусть млеет.
Забуть не можем о Лейли, что греет.
Упоминалось, что лежит в постели,
От мук любовных девушка болеет.

Без сна, покоя утомилась больше,
Причем разлука продолжалась дольше.
Почувствовав недуг в девичьем теле,
Решила рассказать о горькой доле:

“Отец и мать, я вам открою тайну.
Спасть от смерти можно ли случайно?
Настроилась расстаться откровенно,
Покуда час прощальный в точке крайней.

Забилось снова бедное сердчишко,
Была юна, а он еще мальчишка,
Как стала пленницей любви Меджнуна,
Овечкой, небом избранной с излишком.

К нему я устремлялась в самом детстве.
Оберегали – никуда не деться.
Пред смертью вас совсем не осуждаю:
Дана судьба такая мне в наследство.

Теперь раскрою эту тайну прямо,
На что толкает сердце все ж упрямо.
Мертвец стыдится ли живым признаться?
Не жить мне в этом мире с вами рядом.

Любовью не охвачена попутно:
Блаженство предназначено мне скудно.
Когда, не устояв пред поцелуем,
Сошлась, пожаром охватило жутко.

Вам замуж захотелось сразу выдать.
Гуляла свадьба, уносясь, как выдох.
Избавились, но предпочел Меджнуну
Сберечь мое достоинство всевышний.

От Ибн Салама есть скоту расписка:
В письме калым оставил полным списком.
Не довелась ему со мною встреча,
Чем бог и спас, не подпуская близко.

Письмо то сохранилось у Меджнуна,
О чем толкуют бабы – говоруньи.
Погиб Салам в тоске, скрутившей сердце,
Которое ко мне стремилось втуне.

Безудержно Меджнуна полюбила,
Бессонница при этом утомила.
Я смертью Ибн Салама прикрывалась, -
Все горе изливая, голосила.

Отец и мать, помру, чтоб вы тужили:
Единственную дочь со света сжили.
В беспамятстве совсем я не узнаю,
Как целовать в последний раз спешили.

Но не целуйте ни лицо, ни тело.
Возлюбленный один обнимет смело.
Покойницей огонь во мне пребудет,
Не обожгитесь, как бы ни хотели.

Единственной дочерью считая,
Родители, простите, понимая!
Прощаясь, умоляю, не целуйте.
Меджнун один прильнет ко мне, алкая.

Меджнуна не считайте супостатом.
Бродил он от зари и до заката.
Отринув все на этом белом свете,
Меня лишь полюбил он неотвратно.

Когда меня схороните в могиле,
Прошу, чтоб все скорее отходили.
Меджнун немедленно ко мне прибудет.
Пускай хоть там мной насладится милый.

Когда Меджнун прибудет со стенанием,
Пускай никто не портит нам свидание.
Не надо при невероятной встрече
Глазеть бесстыдно с ложным оправданием.

Придет ко мне, раскрыв свои объятия,
За шею обоймет Меджнун приятно.
Хоть будет он в одежде, а я голой,
К лицу ли находиться просто рядом?

Могилу для меня копайте шире,
Чтоб уместиться нам вдвоем в том мире.
С Меджнуном встретимся по божьей воле
И будем рады, как на дружном пире.

Исполнится на деле это слово.
Хоть чудо, но поверить я готова.
Не трогайте, когда со мной приляжет.
Пускай народ воздаст молитву снова.

Письмо Меджнуну отправляла прежде,
Писала обо всем, вдыхая нежность.
Приветствуйте при встрече троекратно,
Устройте мой уход в тот мир прилежно.

Все просьбы обещал отец исполнить:
“Твои слова мне будут вещим долгом.
Мы с матерью как-будто онемели, -
Теперь и нам осталось жить недолго”.

С молитвами глаза прикрыл дивчине.
В слезах родители с большой кручиной.
“Меджнун!” – произнесла Лейли три раза,
Пока душа не вылетела чинно.

На свете жизнь настолько быстротечна,
Что люди все, как гости в нем извечно.
Лейли от прелести топила камень,
Прожив так мало в мире человеческом.

Оплакивал народ, Лейли жалея,
Когда любовь достигла апогея.
Отца в округе люди обвиняли,
Из-за любви Меджнуна к ней болея.

Назавтра хоронили честь по чести.
И стар, и млад переживали вместе.
Покойницу устроили в кумбезе
Что мрамором был выложен чудесно.

При этом на слова я не скупился.
Тут в памяти Меджнун опять явился.
В условленном саду он дожидался.
Теперь о нем, чего в любви добился.

Сидел он в ожидании рассвета.
Возошло и солнце, близок час обеда.
Но вдруг Меджнун лицом преобразился,
Хотя и увлекла его беседа.

Глаза направил он к небесной сини.
Зайт кружил с ошеломленной миной.
Меджнун промолвил: “Зов Лейли я слышу.
Душа ее с другими как в помине.

Зайт, скажи, с Лейли была ли встреча,
Меня оставив, не ушла ли в вечность?
Известно стало о Лейли кончине.
Когда смогла от бытия отречься?”.

“Мой дорогой, - сказал Зайт спокойно. –
Когда пришел, она было покойной.
В ту пору сообщить счел неуместно,
Чтоб смерть не унесла тебя, как двойню.

Узнав вчера, примчался бы ты сразу
И бросился к покойнице в экстазе.
Подумал, что проститься можешь с жизнью,
Поскольку смерть не пропускает лаза.

“Зайт родной! Зачем сидим беспечно?
Ничем я без нее не обеспечен.
Душа любимой кружит надо мною:
Скорей веди на кладбище для встречи”.

Направился туда без остановки,
Могилу обнаружил очень ловко.
Как беркут, припадающий к лисице,
Упал, обняв, крича скороговоркой:

“О, милая! Оставив кавалера,
Зачем ушла, сгубив во цвете веру?
Три года добивался своей цели,
Но не добился ничего из меры!

О, милая! Зачем опередила?
Душа моя что только не сносила!
Она твоей нисколько не дороже,
Жалеет, что тебя не сохранила.

Мне дороги все девичьи забавы.
Отдав за них себя, не буду ль вправе?
При мне бы умереть тебе пристало,
Чтоб умер я с тобой, обняв на славу!

Любимая, мне стало одиноко.
Душа твоя – доверенное око.
В могиле ты, а я стою пред нею.
Хочу залечь с тобою рядом, сбоку.

О, дорогая! Встала бы немного.
Возьмешь с собой переступить порога?
В письме сама ты прямо предсказала:
“Телами прикоснемся волей бога”.

Средь нежити в любви не отрекаюсь,
От страсти человеческой спасаюсь.
В письме прощальном, если не кокетство,
Писала: “Ты придешь – я раскрываюсь”.

Ушла одна, а я один остался.
Живую вспомнив, с места порывался.
В словах при жизни не было огрехов.
От них поныне я не отказался.

Просила языка – давал, целуя.
Свидания бывали в срок, не всуе.
Ушла ты от меня с напрасным долгом.
Не зрел ли я твой лик, в душе ликуя!

Не говори, что “умерла, не мила”.
Ты лучше открывай свою могилу.
В обнимку ляжем в постоянной ложе,
Хоть я одет, ты в чем на свет явилась”.

Раскрыл могилу в этот миг всевышний.
Обнял Лейли Меджнун и тяжело дышет.
Опять закрылась, как сундук, обитель.
Вот так сошлись бедняги волей свыше.

Стоял Зайт у вечного приюта.
Не мог он с места сдвинуться по сути.
Вот так в шестнадцать лет Лейли с Меджнуном
Закончили земное перепутье.

Народ благословил любовь молитвой.
Немало слез поклонников пролито.
Безжалостная смерть неодолима,
Что даже от пророка не отбита.

Родители Лейли-Меджнуна к чести
С Заитом чтили розно и совместно.
Взрастившая Меджнуна та старуха
Все слезы излила на этом месте.

* * *

Джигиты, завершить хочу особо.
С Лейли в душе произнесу я слово.
Моя эпоха не вдали Меджнуна,
Из-за нее болею сердцем кровно.

Влюблен не в девушку, в сущность жизни.
В ее пяти чертах нет укоризны:
Любовь, свобода, честность повседневно,
Наука, справедливость к дальним, близким.

Никто, возможно, не ведет и ухом,
Но воспринять обязан скрытым слухом!
Не думай, что нет вовсе их не свете.
Боюсь, казахи отвернулись духом.

Не думай, что черты те не хранимы,
Что степняки не пользуются ими.
Уму подвластно многое на свете, -
Все пятеро с ним будут совместимы.

Любовь погибла раньше, я остался.
Собакам многим на оскал достался.
Имея счастье и богатство впрочем,
Убогим предстаю, как ни старался.

Нет справедливости и верной чести,
Что смерть была бы для меня уместной.

Чем жить серди двурушников притворных.
Пускай мне бог скорее даст повестку!

Не требую я ни за что оплату.
Коль так поймешь, подобен супостату.
Нет сердца чистого, за что в обиде,
И тягу к честности народ утратил.

Откуда будет у казахов разум,
Когда науку отпихнули разом?
Одни льстецы, пройдохи, скоморохи
На те пять черт относятся с отказом.

Я тоже справедливость избегаю,
Чтоб палачей рассредоточить стаю.
Тем самым приобрел и недостатки.
Скажите, есть лекарство, умоляю?

И я пытался быть непостоянным,
Укрыться от молвы в глухой стоянке.
Но ничего из этого не вышло, -
Пришлось в ответ стрелять, как окаянный.

Повсюду люди вновь с ума сходили,
Неудержимо сплетни заводили.
Со временем душа вся холодела,
Что выходить к народу я не в силе.

Никто в округе одолеть не может.
Но эта бездуховность сердце гложет.
Не надо мне подобной ханской чести,
Когда уродство на любовь похоже.

Беда моя с Меджнуна злом сравнится?
Не с горя ль сник, что, как туман, клубится?
Ни чина, ни богатства мне не нужно.
Сполна мне бог дал рану, что сочится!

Свобода – вот что для поэта надо.
Владеть собой – первейшая награда.
Откуда у казахов та манера,
Чтоб привнести и горе, и усладу?

Ни хитрости, ни злости не имею.
Идти на подлость за себя не смею.
Коварство окружило в жизни плотно,
Что ситуацией разумно не владею.

Меджнун всем сердцем полюбил реально.
Сходил с ума из-за Лейли нормально.
А мне, бедняге, мнится только призрак.
Не хуже ль рок достался изначально?

В степи по чести есть большой ученый?
На смерть он будет ими обреченный.
Не с призраком ли в жизни я связался,
Что, как Меджнун, от мира отрешенный?

На вид здоров, внутри я сильно болен.
Пока живой, кто будет мной доволен?
Считай меня отныне просто мертвым.
Желаю всем родным не этой доли.

Никто всерьез не относился к слову.
Услышав, за свое берется снова.
Давно слова разбрасывал на ветер,
Не знал, что смерть забрать с собой готова.

Страну объехав, не нашел я честность.
Взывая к людям, приобрел известность.
Как-будто посетил Лейли могилу,
И для своей подыскиваю местность.

Недуг не воспаляйте, преградите.
Отпетым хвастуном не назовите!
Тогда совсем обглоданные кости
Сжуете за собаками сердито.

Пускай грызет останки кто попало.
Досыта наедитесь, если мало.
Греховно человеческое мясо:
Конец известен подлого начала.

Доволен, что досталось впору мясо.
Сдирай, как волк, когтями опоясав.
Что полностью не утомишь свой голод,
Глаза песком засыпав, станет ясно.

Глотай еще, пока живот не вздую.
Не успокоишься без вздоха ни в какую.
Но в судный час, когда весы в настрое,
Раскрою рот и громко обличую!

ОБ ОСНОВНЫХ ДАТАХ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ШАКАРИМА КУДАЙБЕРДИЕВА

Крупнейший поэт, философ, историк и композитор Шакарим Кудайбердиев родился 11 июля (по старому стилю) 1858 года в Чингисской волости Семипалатинской губернии. Об этом писатель и ученый Мухтар Магауин в предисловии «Младший брат Абая» констатировал: «Шакарим родился 1858 году. Известно, что будущий великий поэт Абай был одним из семерых братьев. Отец Шакарима Кудайберды являлся из них самым старшим. Здравомыслящего, доброжелательного и великодушного старшего брата Абай особенно уважал. Кудайберды скончался, когда Шакариму было всего шесть лет. Впоследствии Шакарим не ощущал сиротской заботы и по-особому смышленного с малолетства, Абай берет под свою опеку. Традиция родного очага и окружающая среда всячески способствовали становлению его как поэта». (Шакарим. Стихи и поэмы. Алматы, «Жалын», 1988, с. 7. Перевод наш – М.С.).

Абдильда Тажибаев и Шамшиябану Сатпаева в предисловии к другой книге писали: «Шакарим Кудайбердиев родился 11 июля (по старому стилю) 1858 года у подножья Чингисских гор в нынешнем Абайском районе Семипалатинской области. Его отец Кудайберды родился от первой жены – байбише Кунанбая, которую звали Кунке.

Им Шакарим приходится внуком, а для Абая – внучатым младшим братом. Сведения о родителях Шакарима пока нам неизвестны». (Шакарим Кудайбердиев. Сочинение. Стихи, дастаны, проза). Алматы, «Жазушы», 1998, с. 7 перевод наш – М.С.).

Фактически с опубликованием постановления о снятии запрета на творческое наследие Шакарима 14 апреля 1988 года после шестидесятилетнего забвения в течение одного года сразу в двух издательствах были выпущены в свет две книги поэта, которые казахский народ ожидал с благоговением. Поэтому вполне понятно то, что многие сведения по биографии хаджи Шакарима Кудайбердиева были утеряны и забыты.

После этого спустя шесть лет в журнале «Абай» стали публиковаться о родословном древе Шакарима материалы его сына Ахата Кудайбердиева, правнука ученого-историка Тауфика Досаева и др. В генеалогии Ахата Шакаримулы под названием «Потомки сыновей Кунанбая» о родителях Шакарима есть такие сведения: «Первая жена Кунанбая – дочь бия Аганаса по имени Кунке из ответвления Сыбан. Она родила единственного сына Кудайберды.

Старшая жена Кудайберды, которую звали Даметкен (Толебике), была дочерью бия Алдабергена из ответвления кедей рода Каракесек. У нее были сыновья Омар, Муртаза, Шаке (Шахмардан), Шакарим (Шахкарим)» - «Абай» № 9 за 1994 г., с.40.

Итак. Сведения о предках и родителях Шакарима Кудайбердиева достаточно прояснились.

В 1866 году Кудайберды Кунанбайулы в возрасте 37 лет внезапно скончался. Мальчик Шакарим, оставшийся без отца в возрасте восьми лет, всецело оказывается на попечении деда Кунанбая, Абая и других родственников. Начиная с шести лет, он обучался грамоте у аульного муллы. По мере взросления Шакарим, посещая уроки Абая, воспринимая наставления. Пополнял свои знания в его богатой библиотеке.

Здесь снова обратимся к Ахату Шакаримулы. Слова своего отца он приводит так: «Как-то я прибыл, - рассказывал отец мой, Шакарим, - в аул Абая на джайляу. В юрте было полно аксакалов возраста Абая. Когда я вошел и поприветствовал их, Абай сказал: «Как говорится, о ком подумаешь, тот и приходит. Хорошо, что ты пришел, Шакарим. Здесь я поведал аксакалам, что сам, охваченный бытом, не смог податься в поиски знаний. Во имя исполнения своей заветной мечты хочу тебя, Шакарим, отправить за наукой! Человек,

до сорока лет пополняя знания, в том возрасте достигает настоящей зрелости, обретает совершенства мыслей и разума, полноты силы воли! Через три года тебе исполнится сорок лет. Ты овладел восточными языками. Теперь в течение трех лет познавай русский язык. Все расходы возьму на себя, а ты готовься к поездке. Скажи, согласен на это?». Я ответил: «Если все расходы будут от вас, почему бы мне не поехать за приобретением знаний. Но куда мне ехать?». На это Абай пояснил: «Афино-греческие знания сосредоточены в Стамбуле. Там их найдешь. Арабские знания собраны в Мекке. Но в Медине, по-моему, можно больше найти, чем в Мекке. Еще тебе надо побывать в египетской библиотеке имени Александра. Побывав в этих четырех местах, осмотрев исторические достопримечательности, собрав нужные книги, возвратишься с обогащенными знаниями. Деньги на покупку книг и дорожные расходы в достатке предоставляю. Подай руку, если ты на это согласен. Тут я подал руку со словами: «Если расходы будут от вас, приобретение знаний – от меня, то поеду»? Абай, взяв мою руку и оборачиваясь на присутствующих, заявил: «Вы все – свидетели. Шакарим дал согласие!». Сидевшие аксакалы промолвили: «Видим».

После этого я со всем усердием принялся за серьезное овладение русским языком. По сравнению с другими годами эти годы были особенно полезными. Восточные языки, в которых был сведущ, осваивая глубже, также совершенствовал. (там же, с.с. 36-37).

В подобных сентенциях невольно припоминается то обстоятельство, что Шакарим Кудайбердиев никогда и ни в каком учебном заведении не обучался. Тем не менее в истории мировой литературы были замечательные представители, начиная с Гомера, которые, благодаря своей гениальности, оставили бесценное наследие. Не обращаясь вглубь истории, возьмем классика русской литературы Максима Горького. Рано лишившись родителей, он вырос круглым сиротой и благодаря своей пытливости, трудолюбию и незаурядному таланту оставил после себя творческое наследие в тридцати томах. Обычно в энциклопедиях относительно образования молодого Алексея Пешкова говорится всего в двух словах: «занимался самообразованием». Но впоследствии, став Максимом Горьким, своим художественными литературными произведениями, как Лев Толстой, А.П. Чехов. Знаменитые писатели Европы, как Ромэн Роллан, Анатоль Франс, Бернард Шоу, высоко оценивали вклад Горького в мировую литературу. Здесь будет не излишне упомянуть о том, что сын Абая

Турагул в свое время перевел на казахский язык рассказ Горького «Челкаш» и в 1925 году опубликовал в журнале «Тан» - «Рассвет». Вот к этому Горькому при жизни в тридцатых годах, выражая свое почтение, специально в Москву, к своему собрату по перу в гости, приезжал Ромэн Роллан. Впоследствии многие казахи, восхищаясь таким уважительным отношением к пролетарскому писателю великого сына Франции, называли его именем своих детей.

Как сам поэт освидетельствовал в одном из своих стихотворений, Шакарим побывал в Париже, где пополнял знания в тамошней библиотеке. Но пока нет доподлинной даты, документально подтвержденной. Теперь остановимся на датах посещения Шакаримом Мекки и Медины. В статье «Кажылык сапары» - «Дорога паломничества» Ахат Кудайбердиев, приводя слова отца, пишет: «Итак, в преддверии 1906 года, осенью 1905 года, отправился в путь. Это путешествие по совету Абая оказало значительное воздействие на мое просвещение и становлению как человека. В этой поездке мне довелось побеседовать с учеными разных национальностей, обмениваться с ними мнениями и собрать множество необходимых книг. А эти книги посылками отправлял в Семей на имя Анира (Молдабаева – М.С.).

В Стамбуле побывал в архивных хранилищах истории, где пришлось задержаться на 13 дней, чтобы покопаться в фондах. Там приобрел полностью сочинения древних поэтов, писателей и мыслителей Востока. Также набрал книги греческих мыслителей – философов, начиная с Гомера, и произведения ученых ранней Турции. Словом, путешествие помогло пробуждению моего самосознания и достижению заветной мечты! Это тоже явилось плодом наставлений и поучений, данных мне Абаем. Из Стамбула направился в Мекку, где ознакомился с историческими местами и получил необходимое познание. Побывал в Медине. Там ознакомился с трудами и приобрел книги таких древних ученых Аравии, как Абу Суфиян, который жил за 200 лет до пророка Мухаммеда. Но не смог добраться до библиотеки имени Александра в Египте. Встретившись в Мекке с ученым, проработавшим много лет в той библиотеке, переписал научные трактаты, коих у меня не было. На обратном пути нас одолел недуг и один месяц нам пришлось находиться в Стамбуле. Договорившись с доктором, опять-таки обходил исторические места Стамбула, обменивался мнениями с учеными Индии, Персии. Наконец, познал нотную грамоту у турецкого музыканта. Благодаря

свободному владению персидским языком, беседуя с докторами Персии и Индии, обучался многим приемам врачебного лечения». (Там же, стр. 37. Перевод наш – М.С.).

Произведения музыкального творчества Шакарима составляет отдельное наследие. В 1989 году увидела свет его книга «Аманат» - «Поручение», куда вошли 40 песен. Составитель данной книги, искусствовед Талига Бекхожина во вступительной статье «Композитор Шакарим Кудайбердиев» указала такую дату паломничества в Мекку: 1906-1907 годы. (Шакарим. Аманат, «Өнер» - «Искусство», 1989, с.с. 9-10),

В данном случае мы приводим два различных указания с целью, чтобы и эта дата достаточно прояснилась. Вместе с тем о пребывании Шакарима на обратном пути в Стамбуле в одной публикации сказано, что он там пробыл один месяц, в другой – 13 дней.

Шакарим Кудайбердиулы, занимавшийся с юных лет сочинением стихов, в 1888 году написал поэму «Калкаман и Мамыр». После этого в 1891 году из-под его пера вышла поэма «Енлик и Кебек». Далее в 1907 году, обращаясь к поэме Физули «Лейли и Меджнун» и воспользовавшись традиционным восточным приемом «назира», делает вольный перевод или создает свой вариант распространенного сюжета дастана. В 1921 году, когда Мухтар Ауэзов собрался отправиться на учебу в Ташкент, Шакарим это свое произведение отдает ему с целью материальной помощи, чтобы там, опубликовав его, получил гонорар. Итак, поэма «Лейли и Меджнун» в 1922-1923 годах была опубликована в журнале «Шолпан» (Ташкент).

В 1911 году в Оргенбурге были выпущены книги «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» и «Долг мусульманина» - «Мұсылмандық шарты».

В 1912 году в татарском издательстве «Ярдам» - «Помощь» Семья увидели свет отдельными изданиями «Калкаман и Мамыр», «Енлик и Кебек», сборник «Қазақ айнасы» - «Казах в зеркальном отражении» и др.

Свой философский труд «Три истины» Ш.Кудайбердиев писал тридцать лет (1898-1928). Известно, что при совершении хаджа для этого глубокомысленного сочинения было собрано множество бесценных материалов.

В 1925 году написан роман «Адиль и Мария».

Вполне очевидно, что в одном обзоре невозможно охватить все известные даты творческой жизни Шакарима Кудайбердиева.

Собрание всех известных и невыясненных дат, приведение их в определенную систему и создание библиографии творческой биографии поэта – одна из важных задач будущего. На сей раз будет вполне уместным завершить данную тему датой трагической кончины выдающегося поэта, указанной патриархом абаеведения, известным шакаримоведом, почетным профессором Каюмом Мухамедхановым. Наш незабвенный наставник истинную правду об этом безапелляционно излагал: «...Для того, чтобы уничтожить повстанцев, напавших на районный центр, с целью вылавливания скрывшихся беглецов и наказания их выступил отряд во главе с начальником ГПУ Карасартовым. В тот день Шакарим направился в райцентр и по пути встретил Карасартова с его приспешниками. Они, завидев его издали, не произнося ни слова, начали стрелять в Шакарима. С пулей в груди, лежа с ранением, Шакарим едва произнес: «Отвезите меня в район...». Но в этот момент кто-то другой еще раз выстрелил. Поэт умирает. Это злое событие произошло 2 октября 1931 года. Итак, поэт Шакарим в возрасте 73 лет, став безвинной жертвой, пал от кровавых рук жестокосердых палачей красной империи.

Палачи, расстреляв поэта, тело его сбросили в старый иссохшийся колодец в безлюдной степи и отправились восвояси». (Каюм Мухамедханов. Абай мұрагерлері. – Наследники Абая. Алматы. «Атамекен», 1995, с. 55. Перевод наш – М.С.).

И вот теперь независимый и суверенный Казахстан, о котором мечтал Шакарим Кудайбердиев, готовится широко и всенародно отметить его славный 150-летний юбилей. В связи с этим наша первейшая задача – собрать по возможности бесценное наследие Шакарима, опубликовать и содействовать переводу на другие языки для дальнейшей пропаганды и соответствующего признания.

2008 г.

НАУРЫЗ

На небе солнце светит
Земля тепла от света.
В аул вселилась радость:
Рукой подать до лета.

Кругом снуют ребята
Цветеньем степь объята.
Посев начнем на пашне,
Возьмем зерна богата.

Зовут друг друга в гости,
Отары все в приросте.
В ауле мяса вдоволь:
Сурпа в касешки льется.

Летят к нам птицы с юга,
И с озера, и с луга.
Назад отходит холод.
По^временному кругу.

Пока в пути кочевье
Слышны в степи напевы.
Весна тропит лето,
Овец пополнив в хлеве.

Внизу ручей искрится
И молодняк резвится.
У озера аулы
Решили поселиться.

Как расцветут бутоны,
Так соловьи стозвонно.
Разбудят муравейник
Земли неугомонной.

Красавица не в духе:
Не по нутру ей слухи.
Ее одна лишь поступь
Мила, как нежность, пуха.

Джигит, косясь, однако
Еще далек от брака.
Прозвав парнишку «Младшим»,
Женге¹ балует всяко.

На небе солнце светит,
Земля тепла от света.
В аул вселилась радость:
Рукой подать до лета...

Перевод с казахского М. Султанбекова.

ПЕРЕВОДЫ О ПОЭМЕ АКЫЛБАЯ «ДАГЕСТАН»

Автор поэмы «Дагестан» Акылбай Ибрагимулы Кунанбаев (1861-1904) был одним из талантливых поэтов-учеников Абая. Поэма Акылбая написана по прямому указанию Абая.

Тема поэмы «Дагестан» взята из жизни кавказских горцев. Она написана в духе романтических поэм под несомненным влиянием Лермонтова. Это особенно заметно на примере описания пейзажа Кавказа, а также – обрисовки характеров героев поэмы. Сюжет ее заключается в трагической истории возвышенной и пламенной любви юноши Жебраила к девушке Закире. Отец Закиры – завистливый, злой и мстительный Жусуп романтически противопоставлен юным героям поэмы, как разрушитель их счастья и убийца.

Соблюдая все традиции романтической поэмы, Акылбай рисует своих героев людьми сильных переживаний, ярких характеров, бурных страстей.

Поэма содержит страстный протест против обычаев старины, против деспотической власти родителей, против всего строя патриархально-феодального общества.

¹ Женге (каз.) – жена старшего брата.

Гуманистические принципы и демократические настроения Абая, которые воспринял Акылбай, нашли здесь свое полное и яркое отражение.

Поэма переведена на русский язык в 1958 году молодым поэтом Муратом Султанбековым, студентом историко-филологического факультета Семипалатинского пединститута в виде курсовой работы.

**Каюм МУХАМЕДХАНОВ,
ученый-абаевед, профессор, лауреат
Государственной премии Казахстана.**

Такен Алимкулов – Расулу Гамзатову

Дорогой Расул! Приветствую тебя!

Я тогда работал в Союзе писателей СССР в качестве «титularного советника», ко мне зашел молодой литератор Мурат Султанбеков и показал свой перевод дастана Акылбая Кунанбаева «Дагестан». Я его показал Ярославу Смелякову, который, бегло прочитав, похвалил. Сказал, что это – вполне квалифицированный перевод. Его характер тебе известен, он не мог кривить душой. Мурат Султанбеков уехал в свой аул, взяв с собой рукопись. Очевидно, он внес кое-какие поправки, а, может, снова переделал. Мне кажется, что его перевод в нынешнем виде можно опубликовать. В ту далекую пору, во времена Абая Кунанбаева, казах писал о Дагестане, это – явление! Это ты знаешь лучше меня. Помоги молодому литератору, ради аллаха!

Теперь о себе. Я учился в литинституте вместе с тобой, когда ты стал лауреатом, послал поздравительное письмо. Переехав в Казахстан, я стал писать прозу. Выпущено несколько книг на казахском и русском языках. Родной аул для меня – богатейший материал, а Москва – мастерская. В настоящее время я живу в ауле и работаю над новым романом. Лелею мечту (прости за красивое слово!) приехать в Москву в следующий год для издания своих книг на русском языке.

Желаю тебе здоровья и дальнейших успехов!

С дружеским приветом – Такен Алимкулов.

12/09-1980 г.

Адрес: 487712, Казахская ССР,
Чимкентская область, Сузакский район,
Совхоз «Джарты-тюбе».
Алимкулов Т.

**Акылбай
КУНАНБАЕВ**

ДАГЕСТАН

Поэма

Кавказ, Дагестан, люди горной страны,
Вы в душу вошли, в мои думы и сны.
Восславлю величие гор и красу:
Легенду о горцах я в сердце несу.
Читатель, известна мне критиков резвость,
Ты – главный судья и суди меня трезво.
В степи эту песню я выпустил в свет,
Как друг – собеседник, а не как поэт.
Звучит по-казахски Кавказ кратко «Кав»,
Его бог особой красой наделил.
Там с ревом, беснуясь, как сильный удав,
Сквозь горы путь Терек могучий пробил.
Природы венец – бесподобный Кавказ,
Любуешься им, хоть ты видел не раз.
Народ Дагестана, отважный народ,
У гор этих, с ними сравнившись, живет.

I

Начну свой рассказ я о горной стране,
Встречает врага она лишь на войне.
Поныне... раздастся обидное слово –
К сражению сабля джигита готова.
(А повесть кавказская ниже начнется).
Традиция эта от предков ведется, -
Во гневе в нем стоит крови заиграть,
Высокий Кавказ легкой дымкой одет;

С вершин снеговых светло-синий льет свет.
Лучи осыпаются с дремлющих гор
В лога и долины – на мирный простор.
От сна пробудились певцы-соловьи,
Подобны подснежники ранним они.
И пух поправляют, и голос – на лад,
Пропеть до жары свои песни спешат.
На квинту настроившись, вот залились.
Дар божий чудесные звуки неслись.
А птички, стараясь, звучнее поют.
Пусть песни всю грусть, всю печаль унесут.
Ночь спрятала шаль свою – черный покров,
И слышится пение горных певцов.
Склонившись, внимают деревья, цветы.
Кавказ гордый слушает их с высоты.
Возможно, в строках этих что не сказал,
Но гений России все тап описал.
А вот города Дагестана видны,
Терпевшие беды не раз в дни войны.
В одном из разрушенных тех городов
Дом старца Юсупа стоит среди домов,
Пред ним – сам Юсуп, на лице – горя след.
Не слышит он птиц, гор не видит он, нет.
Вдруг женщина вышла из дома одна,
Спешит, озабочена чем-то она.
- Звала? – Юсуп тихо, с тревогой спросил.
- Родную хочу видеть, нет больше сил.
- Ей плохо, - ответ был, - ей плохо совсем,
Еще не простила, пришла я ни чем.
Когда я спросила, позвать ли тебя, -
Ни слова, и слушать не хочет меня! –
Как будто вздох сильный часть горя унес,
Но были глаза старика полны слез.
На память дела роковые пришли.
Промолвил: «Возмездье за горе Эли»,
Горячие слезы из глаз потекли.
Морщины препятствовать им не могли,
Сейчас не узнать его черных усов:
Лежит на них жгучий белесый покров.

Красавицу-дочь не увидеть ему.
Молитву проклятья он вспомнил к тому.
И стали пред ним проходить чередой
Дни горя и слез, только в жизни чужой.
Как рос Юсуп в юности, был он каким,
Прожил он как жизнь, жизнь какая за ним.
Где горя начало, причина его.
Теперь по порядку дойдем до всего.

III

Юсуп – батыр юга, герой Дагестана
Щедроты от жизни берет неустанно.
И шуток не терпит он, гордая грудь,
Он думает: выше других его путь.
Я начал с конца, друзья, повесть свою.
Кавказские горы воспел, что люблю.
Теперь расскажу я о людях страны,
Хоть дивной красы эти горы полны.
Весна оживленье в природу внесла,
Но людям земля их как будто тесна.
Раздоры и распри, и гибель людей...
И страшен Кавказ, когда горцы в беде.
Юсуп неподвижен, суров его лик,
Под грузом несчастья он в скорби поник.
В преклонные годы он горе познал,
Покинули силы, друзья и кинжал.
Юсуп с детства сверстников опередил.
Он смел, испугать его нет в мире сил.
Батыр с непокорной отважной душой.
Он, смерть побеждая, жил в славе земной.
В бою он сражался, ничуть не робея.
Соперник ему не встречался сильнее,
Могучие мускулы духу подстать.
Кто скажет, что можно его испугать?
Похож на Юсупа, гроза пред врагом,
Джигит молодой слыл отличным стрелком.
Единственный сын он старухи Эли
И звать Ибрагим... Они вместе росли.

Легко говорил он, умело шутил
И публику юмором тонким смешил.
Язык, говорят, до беды доведет.
Бывает, что шутку иной не поймет.
В традиции было у горцев в ту пору
Устраивать жизненный той, на котором
Кто в играх народных победу возьмет –
Того прославлял, торжествуя, народ.
Соперника нет Ибрагиму в стрельбе
И в джигитовке, и в жаркой борьбе.
- Где б ни был среди лучших ведь место его, -
Так сына народ восхвалял своего.
Здесь что-то Юсупу сказал Ибрагим.
Задел не на шутку он словом своим,
И ссора случайно в тот миг началась,
Со злобой не сводит Юсуп с него глаз.
Не вынес ровесника шутку Юсуп,
Судьбой разбалован, и горд он, и груб.
Другой улыбнулся б, ответил как мог,
Но сердце Юсупа – лишь гнева исток.
С Юсупом нельзя дружелюбно шутить,
Рискованно шуткой врага в нем нажать.
Он стал Ибрагиму отныне врагом.
За саблю хватается молча, тайком.
Закончился той, разошелся народ.
Смеясь, Ибрагим беззаботно живет,
Решил он в один из безоблачных дней,
Пойти на охоту на диких зверей.
Юсуп – среди гор, он завистлив и зол,
Архара увидел, пригнулся, пошел.
Крадется, за камнями прячется он.
Азартом охотничьим был заражен.
В волнение неверно ружье зарядил,
И вот, притаившись, курок он спустил.
Но пуля его не задела козла,
Вспугнула добычу и вдаль угнала.
На выстрел Юсупа бежит Ибрагим,
Архар на вершине горы – невредим.
Успеет он справиться с ним и потом...

Юсуп его встретил не другом-врагом.
В ружье вложил снова Юсуп свой заряд.
Но кто же теперь на прицел его взят?
Архар далеко. Все же спущен курок.
Что видим? Упал Ибрагим. О, мой бог!
Но жив Ибрагим, его слово, как бич:
- Искусство мое тебе ввек не постичь!
А мимо стрелять не в манере моей,
Стреляю без промаха – ты так сумей –
И власть потерял над собою Юсуп.
В ком гнева не в меру – нередко тот туп.
Не помня себя, он в момент подскочил,
И в сердце собрата кинжал свой всадил.
Кинжал Ибрагима был тоже при нем,
Он мог бы сразиться с коварным врагом.
Но сердце пробито – и жизни конец,
И мать зарыдает, и старый отец...
Едва прошептал Ибрагим: «Все ж убил,
С тобой я по-дружески, просто шутил.
За мной мать родимая тоже умрет.
Ну, радуйся. Что ж, пусть душа запоет.
Ужасная смерть – от врага умереть.
У бога мы встретимся – будешь жалеть».
Убит Ибрагим, на земле он лежит,
Юсупа кинжал его кровью облит.
За шутку убит в стороне от людей...
И прочь удаляется черный злодей.
О, свет, кто хвалу тебе песней воздаст,
Такие награды готовишь для нас?
Вины нет и лжи, честно думал он жить.
Нет, жизнь молодую ты должен хранить,
А жить справедливо ты учишь нас всех.
Свершил Ибрагим что? И в чем его грех?
Вновь юное сердце ты кровью омыл.
Ты правдой нигде никому не служил.
Давно Ибрагим неподвижно лежит.
Его дней земных час последний пробит.
Два дня спустя проходил путник здесь,
Нашел труп, принес людям горькую весть.

Лишилась сознания старуха Эли.
С гор труп Ибрагима домой принесли.
- О боже! – взмолилась несчастная мать. –
Убийцу прошу отыскать, наказать...
О боже, была я твоею рабой.
Назвать меня некому больше родной.
Всесильный пророк, - все до власти твоей,
Пусть кару испытает злодей.
Дай матери горе, получит пускай,
Пусть льется оно для нее через край.
Отцу его тоже и детям родным,
Чтоб вечно покоя не знать больше им.
Каноны прочла все, наверно, Эли.
Молитвы до звездного неба дошли.
Отныне Юсупу несчастье – брат,
Он в саклю бежит от слов жгучих, как яд.
Эли после сына семь дней прожила,
И в пятницу с белого света ушла...
До смерти аллаха просила с мольбой
Врагу обернуть его дело бедой.
Не дни пролетели, а годы с тех пор.
Проклятья – проклятья, они – не укор.
Но мысли Юсуп те отбросил, забыл.
В заботах житейских спокойно он жил.
О жизни Юсупа хочу рассказать.
Не стану нажитое перечислять.
Подобные львам, росли пять сыновей
И дочь Закира. Поведу речь о ней.
Единственной дочерью богом дана.
Средь женщин красива она так одна.
С любовью ее породил бог на свет,
Как в лучшем зерне. Недостатка в ней нет.
Увидев однажды – теряешь покой:
В глазах огонек, брови тонкой дугой.
Все люди на девушку с лаской глядят.
«Она – земной ангел», - ей вслед говорят.
Играет в ней кровь половодьем весны,
Ей косы густые природой даны.
В улыбке от губ отражается свет.

У гор и в горах Закире равной нет.
Средь трав иногда в поле роза цветет.
Вот так Закира среди братьев растет.
Движенья быстры, легка, как коза.
- Газель, - раздаются ей вслед голоса.
Волнистые волосы нежны, как щелк.
На них равнодушно смотреть ты б не смог.
Как ночь, только полные света глаза.
Ее не назвать совершенством нельзя.
И зубы, и нос, и ресницы... Да что ж,
Из тысяч никто на нее не похож.
Еще украшает характер людей.
Поступки ее нам расскажут о ней.
О, щеки с румянцем, как снег, белизной,
Сорвется ли с губ твоих слово «родной?»
Увидев ее, не свернешь ты с пути,
И, как заколдован, нет сил отойти.
О ней без конца б говорить, говорить.
Но право дано одному с нею быть.
И ум, и характер, и внешность даны,
На редкость с душой чистой в ней сплетены.
Отец обеспечен одеждой, едой.
Есть дочь, сыновья в его сакле родной,
Али и Муса, Джагифар и Таяр,
Рахим – самый младший. Таков божий дар.
Призов обладатели в каждой игре.
Герои в сраженьях, кровавой борьбе.
Сказали бы, что трудности им трын-трава.
Но есть еще в мире судьба. Есть судьба.
Идут состязанья... кто приз заберет?
- Юсупа сыны, - отвечает народ.
Бесстрашны они и в горячем бою.
Выступают в него среди первых в строю.
В ту пору побед и успехов больших
Отважный джигит стал товарищем их.
Из рода бедняцкого был Джабрахил,
Но умный, красивый. Героем он слыл.
Родился по воле аллаха, подрос.
Усы, брови – крылья, с горбинкою нос,

Широкие плечи – так выглядит он.
Нет горца такого, с кем был бы сравнен.
И он, Закиру увидав, в тот же миг
Влюбился в нее, головою поник.
И он умереть иль жениться решил.
Взнуздаешь судьбу свою? Хватит ли сил?
Он встретил любовь, попал в сети любви,
Страдания сердце терзают, как львы.
Нельзя подружиться с богатой никак.
В бессилии злобном твердит? «Я – бедняк!»
Влюбленное сердце не в силах молчать.
Богатство нажить бы иль чудом достать!
- Украли горянку! – разносится весть,
Сынов Дагестан поднимает на месть.
Огнем гордой чести джигиты зажглись.
Бесстрашные духом на клич собрались.
Пусть силу расплаты почувствует враг.
Кто ночью пришел к ним, как вор, - не кунак,
Али и Муса отправлялись вдвоем.
Им удали хватит в огне боевом.
И с ними идет на врага Джабрахил.
Ключи своей жизни он долгу вручил.
В поход проводил Юсуп сразу двоих,
Али и Мусу. Там немного таких.
Но если судьбой уготована смерть,
Любого заставит судьба умереть.
Герои Кавказа, оставив свой дом,
Идут в наступленье сразиться с врагом.
Увидев ту битву, кто там не рожден,
- Пришел конец света, - твердил бы сквозь стон.
Как рой саранчи, из ущелья ордой
Вдруг туча людей вышла с шумом на бой.
Пугая, кругом звучно пули свистят.
В дыму огонь гаснет, то вспыхнет опять.
Без устали раненых тянет земля.
Как рыбы в грязи, бьются павших тела,
Там пятеро были из стана врагов,
Без счету они посрезали голов.
Пальнув по врагам, на покой в небеса

Отправили души Али и Муса.
Но головы этих тотчас поволок
Безжалостный враг и воткнул их в песок.
Батыр Джабрахил не жалеет себя.
От ноющей раны зубами скрипя,
Он в сторону вынес убитых с трудом,
Бесстрашие, силу увидели в нем,
Страданья и муки судьба принесла...
А многих на гибель сюда привела.
Домой побрели, но без брата, отца,
И падали слезы на землю с лица.
Теперь бесполезно вину признавать:
Молитва Эли о себе дает знать. —
- Всевышний обоих унес сыновей, —
Отцу сообщили о смерти детей.
Юсуп побледнел, помрачнел его вид.
Он вспомнил, что им Ибрагим был убит,
- Но кто за один свой грех дважды платил?
Чем бога прогневал я, чем разозлил? —
Не в силах никто смертный час свой продлить,
И в том бесполезно пророка просить.
Юсуп перестал слезы лить, и, скорбя,
Познал: не воскреснут теперь сыновья,
Лишился Юсуп так двоих из шести.
Проклятья наступит, от них не уйти.
Однажды пошел, взяв ружье Джагифар,
Пошел на охоту, и с ним — брат Таяр.
Но снова беда: из-за гор к ним плывут
Свинцовые тучи, несчастье несут.
Предсмертные мольбы, старухи наказ
Юсуп на себе испытал уж раз.
Тяжелыми тучами взят небосвод.
Незримая сила ведет их в поход.
И, двигаясь, кажется, рушит Кавказ.
Небесная битва начнется сейчас.
Под грохот раскатистый ливень полил
И камни пудовые он покатыл,
В минуту десятков взвивается стрел.
Любой человек бы в тот миг оробел.

Не в духе Юсуп, не сидится ему.
Кто горе познал, горе мнится тому.
И вправду, ушедшие перед грозой
Охотники не возвращались домой.
«Где братья? Спросила отца Закира, -
Грозы я боюсь; им вернуться пора.
И сердце с тревогою бьется в груди:
- О, как бы в горах им не сбиться с пути! –
Юсуп отвечает ей: «Дождь переждут,
Домой невредимые оба придут.
И каждый дорогу к спасенью найдет».
Предчувствием тяжким тревожится сам.
Не верит, не верит своим же словам.
Сказав что-то дочери, вышел во двор
И смотрит с волнением в сторону гор.
Юсупу поверила дочь не совсем,
Глаза покраснели ее между тем.
К отцу подошла с побледневшим лицом,
Махнула рукой, что, мол, без толку ждем.
От мыслей мучительных стала слабеть.
За нежную руку Юсуп ее взяв.
Повел, уложил, состоянье поняв,
А где Джагифар и Таяр – его брат?
Никто не уйдет от судьбы, говорят...
Когда проходили они над рекой,
Их сбило обоих одною волной.
Смерть братьев в ловушку сою завела,
Истерла камнями утопших тела,
И волны, их выбросив дальше бегут.
Родные и трупов теперь не найдут.
Отправились утром искать земляки,
И кто-то с трудом их нашел у реки.
О, глупая смерть! Из всех худшая смерть.
Уж лучше в открытом бою умереть!
По саклям разнесся пугающий слух.
Сжал сердце Юсупа смертельный недуг.
Не в силах проклятий Эли избежать, -
Земля для Юсупа, как зеркала гладь.
...На кладбище братьев давно погребли.

С тех пор много дней, даже годы прошли
И как-то Юсупа единственный сын
Пошел на охоту, пошел он один.
Из жаркого боя вернувшись домой,
Лежал Джабрахил, не владея собой.
Лечился... и встал через дней пятьдесят,
И он в этот день шел зверей пострелять.
Они не встречались друг с другом давно:
Им встретиться было в горах суждено,
- Рахим, к тебе просьба одна у меня,
Сойдем же с коней, ее выскажу я. —
Слезает с коня кое-как себялюб
И горд, и заносчив он, как и Юсуп.
Считая неравным себе бедняка,
Он слушает, молча все и свысока.
- С тобою мы – сверстники, вместе росли,
Сердечные муки меня извели.
Другая родится ли, как Закира,
Она как родная мне, хоть не сестра, -
Сказал Джабрахил это не без труда.
Мгновенно вспотел он, горя от стыда
Не знал ни сомнений, ни робости он.
Но ныне робеет, любовью пленен.
Рахим – в возмущенье. Он гневно ведет:
«С такими, как ты, не роднился мой род.
И знаю красу Закиры без тебя.
Ты хочешь, чтоб в жены отдал ее я».
И вновь Джабрахил покраснел, быстро встал
И тихо, но твердо Рахиму сказал:
- Да, правда. Хочу ее руку просить.
Я тоже родился на свете, чтобы жить. —
- согласие свое я не дам ни за что.
Хоть сможешь отца совратить ты на то
Такие, как ты, живут в слугах у нас.
Но я застрелюсь. Если только отдаст. —
Горячие споры опасны при них,
Поэтому и сторонились все их.
- Я вынес из боя Али и Мусу,
Когда была смерть на виду, на носу. —

Рахим, как Юсуп, начал сердцем черстветь.
Литую свинцом в руках держит он плеть.
Наотмашь ударил, с насмешкой сказал:
- Услуга большая, не знал я, не знал. –
О, гордый глупец, пред тобой Джабрахил,
Средь горцев не трусом, батыром прослыл.
Губу прикусил он. Шумит в голове.
И алые капли текут по губе,
От боли ревет Джабрахил, как кабан.
Где сын твой, достойный его, Дагестан?
Взметнулась рука, и – кинжал на кинжал,
И чью-то судьбу этот день предрешал.
Рахим бьется в схватке, как будто шутя,
А силам противников смерть тут судья.
Бедняк – не богач, но искусный боец,
И правду докажет кинжал, наконец.
Ведь каждому жизнь тут своя дорога,
Но здесь нужны силы, и глаз, и рука.
Вонзил Джабрахил и распорот до ног
Упал сын Юсупа и вскрикнуть не смог.
Скажи, Джабрахил, что таил ты в груди.
И что пережито в нелегком пути?
Рахима нашли среди гор, принесли,
Четырежды губы раскрыться смогли:
- Отец...
Закира!
Джабрахил...отомстить -...
И больше не в силах был он говорить.
Дал клятву Юсуп пред Рахимом в слезах,
Чтоб мстить, пока жив и есть силы в руках.
- Проклятий боялся до боли в висках.
- За кровную месть! – повторял я в сердцах.
- И ты поклянись, - говорит Закире.
Она поклялась: брат на смертном одре.
Уходит, навек попрощавшись, Рахим,
Дороги Кавказа закрыты пред ним.
Бредет Закира. Оказалась среди гор,
Сплетениям судеб есть в жизни простор.
Прислушайтесь к слову и в слове моем

Найдете вы правду. Не выдумка в нем,
Несчастье застыло слезами в глазах,
(Следа не бывало горянок в горах).
Казалось, достигла орлиных вершин,
Бежит Закира от коварства долин.
Но что это с нею: ни явь и, ни сон?
Что сердце стучит: «это он», «это он?»
- Газель, - ей послышалось. – Можно присесть?
А голос, как песня, как добрая весть.
Взволнованный голос без слов ей сказал,
Что в сердце джигита огонь запылал.
Хотя поспешила скорее уйти,
Вопрос: «Кто же это?» твердила в пути.
Домой Закира прибежала. И что ж?
От страсти любви все равно не уйдешь.
Закроет глаза – он пред нею стоит.
«Кто это? Кто это?» - в ней сердце стучит.
Случайно любовь пробудилась и в ней.
И девчье сердце стучит все сильнее.
Стоит он пред нею всю ночь до утра,
В любовных мученьях теперь Закира.
Назавтра к горам поспешила опять,
И, к счастью, его удалось повстречать.
Расстались друзьями, чтоб встретиться вновь,
Любовь началась. Молодая любовь.
И цели заветной достигла любовь.
Лишь только расставшись, встречаются вновь.
- Родная, здесь жить невозможно теперь.
Уехать нам надо, уехать, поверь.
- Отец разрешит – и я стану твоей.
К нему обратись с этой просьбой скорей.
Но если тебе он согласья не даст,
Пойду я сама, - не разлучит он нас,
- В глаза попадись ему я, Джабрахил,
Ничуть не колеблясь, меня б он убил.
И ты поклялась, чтобы мне отомстить.
Я – здесь, пред тобой, если хочешь убить. –
От слов этих девушка в ужас пришла:
- Судьба, значит, с недругом нашим свела.

Забыла я брата Рахима, видать.
О, подлая я! – и хотела бежать.
- Исполни сейчас обещанье свое,
Возьми мой кинжал и бей сердце мое!
Уйдешь – я умру и убьешь – мне не жить.
Но я не виновен. Как в том убедить? –
Взяла Закира в руки острый кинжал:
- Ну, что ж, расскажи, как мой брат умирал? –
Любовь победила в ней злобу и гнев.
Кинжал уронила она, ослабев:
- О, бог, справедлив кто из нас, из двоих?
Мне душу не трогал никто из земных.
Иль в сердце мне правду вложил, чтоб прозреть?
Судьбой я опутана. Боже, ответь! –
Слова Джабрахила смогли ей внушить,
Что он не виновен, что вместе им жить!
И долго бродили беспечно они,
Познав всю безмерную радость любви.
Однажды Юсуп Закире говорит:
- ты знаешь, мой сын и твой брат кем убит?
Я слышал, что с кем-то он бродит среди гор.
Смотри, чтоб он нас не обрек на позор.
Сказал так Юсуп Закире. И она
Ответила, горькой тревоги полна:
- Кто видел? Не знаю, не видела я.
Отец, говорить понаслышке нельзя.
Мамыту Юсуп, пастуху он сказал:
- Чтоб ты, Джабрахила увидев, знать дал.
Я ввек не забуду меньшого наказ.
Увидишь – смотри, чтоб не скрылся он с глаз. –
Прошло много дней, и идет, как всегда,
На смену спокойствию снова беда.
Мамыт, чтоб ослеп он, к Юсупу спешит.
- Я видел врага твоего, - говорит,
- Своими глазами увидел, узнал.
Недавно ушел он за тот перевал.
Ты тверд в исполнении воли своей.
Бегу и бегу, вот и я у дверей. –
Окликнул Юсуп своих слуг в тот же миг.

- Кто хочет награду? – спросил он у них.
Захватим в кольцо Джабрахила втроем.
Не слушая слов оправданья, убьем. –
Касен с Кусаином с ним вместе пошли.
И эти – не люди: у них нет души.
- Кинжал как? – Юсуп у Касена спросил.
- Недавно провел по овце – разделил. –
- И мой не промажет, сказал Кусаин,
Могу я сразиться без вас с ним, один. –
Такой кровопивец что мог пожелать?
Кинжал лишь вонзить хочет рукоять.
Сверкают глаза, - Юсуп мстью горит.
Нахмурены брови и кровь в нем кипит.
Засунув за пояс кинжалы свои,
Схватить Джабрахила рванулись они.
На камне, собравшись идти, он сидел.
Пред ним – Закира, он в глаза ей глядел!
Обняв в поцелуе, расстался он с ней,
Чтоб встретиться завтра у тех же камней.
Но странные звуки до них донеслись,
Иль люди, иль звери, пойми, разберись.
- Пойду, до свиданья, идти мне пора, -
И с места метнулась домой Закира.
Вдруг скрежет какой-то раздался за ней.
То был наводящий страх скрежет ножей.
И шепчет она: «Без него мне не жить»,
И снова к заветному месту бежит.
Увидев вокруг Джабрахила троих,
Узнала отца своего среди них.
- Убьете, отец – я умру вместе с ним, -
Не голосом крикнула, сердцем своим.
И вот окружен Джабрахил с трех сторон,
Один от троих защищается он.
Искусно всех пальцев Касена лишил
И ранить себя не дает Джабрахил.
Теперь нападают вдвоем на него.
Но дни сочтены, - не спасет бог его.
Зачем ему мольбы любимой сейчас
И слезы, что льются из девичьих глаз?

- Зачем прибежала! – в душе он не рад.
Удар получил, чуть отвел от них взгляд.
Случайно отвлекся на плачущий крик,
От крови стал красным чапан его вмиг.
Лишаясь сознания, упал Джабрахил.
Когда Закира обняла, был без сил.
- Прощай, - он едва смог любимой сказать. –
Как горько в такие лета умирать...
- Отец, до могилы довел ты меня.
Без матери вырастил, думала я.
Теперь уничтожил со мною наш род:
Во мне, не родившись, ребенок умрет.
- Но этим злодеем твой брат был убит,
Чего ты не можешь забыть и простить
Давно за коварным врагом я следил.
Хватило едва на него у нас сил.
- Отец, не хочу больше видеть тебя.
Убил ты безжалостно внука, меня. –
Домой побрела кое-как, чуть дыша,
Узнав, что оставила друга душа.
И эта беда Закиру извела,
Несчастья любви пережить не смогла.
Вначале Юсуп перед саклей стоял.
Как видим, прощенья дочери ждал.

* * *

Под тяжестью горя Юсуп говорит:
- Уйдет Закира и меня не простит. –
Она все же простила пред смертью его, -
Сказала: «Прости Джабрахил мой того».
И жизни дороже большая любовь,
За что умереть мы готовы без слов.
Когда за тобой остается она,
То смерть молодому,⁹ и то не страшна.
Влюбленное сердце не знает преград.
Не честь ли, друзья, вместе встретить закат!
С отвагой безмерной не каждый бы смог
Решиться на шаг через препятствий, поток.

Душа Закиры, как и друга, чиста.
А кара Юсупу дана неспроста:
Убил человека злодей без причин,
Расплата пришла, и... остался один.

Каюм МУХАМЕДХАНОВ

* * *

Считая дни, сидели мы в темнице,
Там ночь без сна за целый год годится.
Там лишь в мечтах являлся сей напиток,
Теперь им можно благостно залиться.

Ударил час мой и пришло то время:
Взрастил с надеждой я свободы семя.
И солнце, прорываясь в облаках,
Свёркнуло, обогрев лучами темя.

Крылом коснулось отнятое счастье.
Судьбе не покроюсь, хоть впал в ненастье.
Все пытки мне ты можешь ниспослать!
Но сердце не дано, чтоб жить под властью.

Лишив свободы непомерной силой,
Морщин добавила, отняв от милой.
Загнав в себя живую справедливость,
Молчать поклялся до самой могилы.

В огне горел, перебивая пламя,
По духу оказался вровень с львами.
И все-таки я вышел закаленным —
В ладу с судьбой и радость между нами.

Карлаг, 1952 г.

ПЕРВОМУ УЧИТЕЛЮ

Когда открыл впервые двери школы
И в жизнь вошел, робея, в первый раз,
На небосводе знаний, как на поле
Луной взошел учитель в светлый час.

Метался я беспечным жеребенком
И непонятен был судьбы язык.
Но чист душой, совсем еще ребенком
Пришел к тебе, чтоб познавать азы.

Мои мечты сплелись в пределах детства
И нет известной цели впереди.
Раскрыв глаза мои, чтоб оглядеться,
Ты наставлял, чтоб не упасть в пути.

Так в восемь лет я грамоте обучен,
Добро от зла пытался различать.
Ты завлекал на скалы, что покруче,
И обучил птенца орлом летать.

Твоими буквами сложил я слово «мама», -
Ты Родину, как мать, учил беречь,
Абая имя написал, кто с нами,
Чтоб мысли гения из словес извлечь...

Несипбек АЙТОВ

Каюму (Габдулкаюму) Мухамедханову

В поисках встречи

С годами все больше
и зримее скука:
Теряешь то брата,
то лучшего друга.
Когда приезжаем мы

в Семипалатинск,
Встречаем Каюма,
отринув разлуку.
Не думать о нем,
не искать невозможно.
Не встретишь - уедешь
пустым и порожним.
«Весь Семипалатинск
вместился в него», -
Так молвят и степь,
и родник придорожный.
Не прост наш Каюм –
то улыбчив, то грозен.
А мысли его,
как созревшие гроздья.
Врубаясь в историю,
как рудокоп,
Находит и дарит
полезную россыпь.
Узнаешь о многом,
коль встретишься взглядом.
Невежду никак
не посадишь с ним рядом.
В Семипалатинске он –
академия.
Один он живет
своим личным подрядом.
Он – и музей, и архивы,
и школа.
Давно отдалился
от шумных застолий.
Один от столиц вдалеке,
как Абай,
Он в мыслях познал,
что такое раздолье.
О сложности жизни
я знаю отныне.
Подножке поддашься, -
исчезнешь в пучине.

Он был и в неволе
за крепкой решеткой,
В сибирских морозах
окреп, как мужчина.
Не дрогнул он там,
клеветою запружен.
Наукой силен,
бесконечно с ней дружен.
Ему эстафету
Мухтар передал.
Известно, как он
в том Семее всем нужен.
Мухтара он чтит,
как иные – пророка.
Вершит свои замыслы
к нужному сроку.
Каюм не сходил с самой
узкой тропы,
Хоть многих сбивали
с дороги и с толку.
С годами нажил
осторожность кулана.
И то, что упущено,
ноет, как рана.
В груди его, кажется,
есть еще слово,
Что в будущем
вырвется силой вулкана...

1988 г.

*Перевод с казахского
Мурата Султанбекова*

ПЕСНЬ ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Поэма

Письма Халиме

На весь Алаш восславлю
Твою любовь ко мне.
В пример потомкам имя
Оповещу стране.

Великий итальянский поэт Франческо Петрарка ,назвав свою книгу «О жизни и смерти мадонны Лауры », написал ее в виде отдельных сонетов. А мои «Письма Халиме» приближены к белым стихам. Оба сочинения посвящены любимым женщинам. Конечно , я не могу себя приравнять к таланту Петрарки. Возможно , во сто крат, даже в тысячу раз мое творение слабее. Но могу вступить в спор в одном , что Халима ни на гран не уступает Лауре.

1

Тоска

Если судьба предсказала
Душу отдать в должный срок,
Хоть великаном шагаешь,
Гробик окажется впрок!

В жизни добро собирая,
Время упустишь свое.
Все здесь осталось, супруга,
Вкупе и сердце мое.

Раньше готовился к смерти:
Звал тот неведомый свет.
Все же меня оттесняя,
Прежде ушла ты на нет.

Скорбно, что души раздельны.
Вслед не ушел я едва.
Слезы меня одолели:
Их не доводят слова.

Если бы знал, что увидимся,
Вмиг я готов умереть.
Под руку взял бы в томленьи,
Чтобы, как в жизни, запеть.

Нет, не вернется то время.
Быстро промчались те дни.
Тихо заляжем в могиле
Общее бремя нести.

Там не копать в архивах
В поисках по городам.
Будут покойники рядом,-
Зреть не дано это нам.

- Смерть не нагрянет с косою, -
Вслед за женой не стремись!-
Так завещала подруга,
Сетуя дальше на жизнь:

-Будь за двоих им опорой,
Детям, покуда слабы.
Сможешь догнать меня впору,
Не уходя от судьбы.

Только не сможешь отныне,
Встретившись, нежно обнять.
Благо, что дружно мы жили,
То, что дано, не отнять!..-

Голос любимой супруги
Прерван был властной судьбой.
Но сохранится навечно:
В жизни он будет со мной.

13.09.2001.

Вспоминая тебя, пребываю в тоске.
 Преклоняюсь пред духом твоим ежечасно.
 Заскучав, обнимаю тебя на холсте:
 Я целую твой лик, что молчит безучастно.

Расставания с Тобой мне никак не понять.
 Так и тянет к Тебе в эти снежные горы.
 Как примчусь, припадаю к надгробной плите,
 Обливаясь слезами великого горя.

Прихожу я к Тебе за неделю два раза:
 Возлагаю живые цветы, непременно.
 Отвернувшись, тайком от детей и внучат
 Избавлюсь от слез пред собой откровенно.

Ты была для меня как целебный напиток,
 Покрывая с умом все мои недостатки.
 Наступила зима, скрыв могилу под снегом.
 Замерзаешь, любовь моя, всуе, украдкой.

Сохраняла всегда благородную скромность:
 Не носила браслетов, колец и сережек.
 Обращаясь с детьми справедливо и нежно,
 Слово «Мать» для Тебя было жизни дороже!

Так меня берегла и в душе обожала,
 Чтоб ничуть не коснулось змеиное жало!
 При болезни всегда устремлялась в палату,
 Отгоняя свой сон, мое сердце спасала.

Взявшись за руку, всюду ходила со мною,
 С юмором в дружбе, склонялась и к шутке.
 Узнавали твой голос и по телефону,
 Потому что была Ты к друзьям всегда чуткой!

Словно двойня-ягнята, вели себя смиренно,
 Чтоб никто не знавал бы при встрече одышки.

Непреклонно отняв мою верную пару,
Так меня обуял горем горьким всевышний!

* * *

Была ты смышленной меня,
Скрывая свое превосходство.
Я рад, если рядом с тобой
Обрел хоть какое-то сходство.

Во Пскове, Москве, дальше в Бресте
Сидели подолгу в архивах.
Пятнадцать тетрадей заполнив,
Строчили пером мы на диво.

Когда же болезнь свалила,
Взялась за дежурство в палате.
В статьи превносила правки,
Сдавая все гранки в порядке.

Общительная с друзьями,
Родных моих Ты отыскала.
В душе было так спокойно,
Что млея от такого счастья.

В предчувствии смертного часа,
Обняв, не хотела расстаться.
Вселяла всю жизнь в меня радость,
Что с горем пришлось побрататься.

Никак не могу твоей смерти
Поверить, супруга, поныне.
Порою реву я тоскливо,
Как-будто в безводной пустыне.

Ушла потихоньку из жизни,
Чтоб не было долгой тревоги.
Но гнездышко свив в моем сердце,
Вселилась в меня, словно боги.

Ты в мыслях и в чувствах, во плоти
Осталась любимой навечно.
Повсюду со мной, как при жизни,
Хотя оказалась далече.

Была с добротой повсеместно:
Тянулись к тебе стар и млад.
Для блага родного народа
Вносила посильный свой вклад.

Бесшумно ведя себя в буднях,
Оставила Ты мне богатство:
Детей, даже внуков, правнучку,
Ценней того нет, коль признаться.

Лелея, взрастила Ты деток.
Теперь они – в жизни опора.
В груди у них милое сердце,
В тебе отстучавшее скоро.

Мы были с Тобой с уговором
Из жизни уйти в одночасье.
Тебя повстречать бы в том мире:
Не надо мне большего счастья.

Сама уговор тот отторгла.
-Живи, для детей будь подмогой,
В делах вдохновляя, - за двоих
Сказала с улыбкою строгой.

И вот я сижу среди потомков,
Совсем околдован заветом.
Живу без тебя, как наощупь,
Хоть зряч, ослепляем светом.

Всечасно томлюсь и скучаю,
Безвольно вздыхая, тоскую.
Судьбинушка так уж всеильна, -
Никак не приемлет другую.

Супруги уходят из мира,
Но раньше придется кому-то.
Удел по велению Бога
Туманом собою окутал.
23.12.2001.

3

При встрече даже на базаре,
Имея юмор через край,
- Здорово, Тетя Кыз Жибек¹, -
Взывал прилюдно Туманбай².

Как-будто злостный негодяй
Меня ножом полосовал,
На фотографии Тебя
Обняв, в слезах я тосковал

* * *

Как два ягненка-близнецы,
Как лебеди, мы были в паре.
Один остался вопреки,
Стеная в горестном ударе.

Как только вспомню, что скрывать,
Из глаз слезинки льются сами,
И прерывается дыхание,
Как-будто вновь прильнул устами.
29.12.2001.

4

**Сегодня двести двадцать второй день
проходит без Халимы.**

Ты телефонов номера
Друзей, родных, вплоть до вокзала,

¹ Кыз Жибек – (букв.) Шёлковая девушка (из народного эпоса).

² Известный казахский поэт Туманбай Молдагалиев.

Лекарствам цены всем на диво
Доподлинно на память знала.

Мы лишь к Тебе и обращались,
Когда такси нам вызвать надо.
Ты облегчала нашу участь,
Откликнувшись, моя отрада.

Поэтому между собою
Тебя «компьютером» прозвали.
Отсчет уму и трудолюбию
Всегда с тебя мы начинали.

Хожу один иной порою
По нашим улицам знакомым.
Блуждаю взглядом по асфальту,
Ища твои следы пред домом.

Скрывая слезы от прохожих,
Я отворачиваюсь сразу.
Порой тоскую неотступно,
Что от бессонницы нет спасу.

Ходили мы по жизни вместе,
Воркуя, шестьдесят три года.
Хоть нет тебя со мною рядом,
Отнюдь любовь не на исходе.

Как-будто Ты среди родимых,
Своей фигурой возвышаясь,
Я преклоняюсь пред Тобою,
Как пред Тенгри, моя святая!

Любовь неслыханна к умершей,
К живым всплывает это чувство.
Мне суждено прослыть в анналах
Таким вот рыцарем, хоть грустно!

05.03.2002.

Двести тридцать три дня

Известны впрок влюбленных пары:
Козы Корпеш с Баян прекрасной
И Толеген с Жибек премилой...
Их песни к нам не безучастны.

Запомнил мир Енлик-Кебека,
И Калкаман Мамыр достоин.
Но рано, не познав уюта,
Ушли из жизни с тяжким стоном.

Знать, нелегко таким быть вместе
И жить в любви под новой крышей.
Пришлось довольствоваться малым,
Таясь от тех, кто волком рыщет.

А мы с тобою тысячекратно
Счастливей их прожили вместе.
Теперь вполне осознаю я,
Что пронесли Любовь, как песню.

Найдется ли такой писатель,
Чтоб написать о нас с Тобой?
Я сам, как перекасти – поле,
Старик со светлой головой!

06.03.2002.

6

Двести сорок дней

Вот 240 дней отныне
Живу, Тебя лишь вспоминая.
Хоть бы раз увидеть облик
Желаю, участь проклиная.

О, Халима, предел мечтаний -
Руки твоей рукой коснуться.

За что мне в вечную разлуку,
Судьба дала так окунуться?

Скучаю по глазам лучистым,
Каких отнюдь не встречу больше.
Указ: «Живи, не умирая!»
Я сохраню как можно дольше.

А белозубая улыбка
Подолгу снится мне ночами.
Во сне лишь радуюсь порою,
Представь пред милыми очами.

С тобою, как малое дитя,
Я раззадоривался ловко.
Припомнив умный взгляд, тоскую
По рассудительным уловкам.

Добро Ты сеяла повсюду,
Что выворачивала душу.
Не забывая человечность,
Обет свой в жизни не нарушу.

Не раз от смерти избавляя,
Ты, как волшебница, спасала.
И, право, райскою усладой
Обитель нашу наполняла.

Твои советы и подсказки
Будили новые идеи.
Тогда казались ниже ростом
Меня подюже грамотеи.

Ах, айналайын, Халима-ай!
Тоскую по душе и телу.
Весь изводясь слезами глухо,
Взываю к духу в самом деле.

23.03.2002.

Прошло двести дней, где раз сорок
 На кладбище ездил с поклоном
 Пристанище нет будто в мире,
 Душа рвется к горному склону.

К тебе, как к живой, устремляюсь
 Чтоб встретиться снова, как прежде.
 Но только обнявши могилку,
 Опять усомнился в надежде.

Склонившись, не слышу ни звука,-
 Как-будто, заснув, приумолкла
 И вновь убеждаюсь в реальном,
 Прижавшись к земле втихомолку.

Но грунт - это не одеяло, -
 С глубин не исходит ни звука.
 Опять я в своем одиночестве
 Ожил от сердечного стука.

Придя с Алматы я с цветами,
 К тебе возложил с умилением.
 И как наяву милый голос:
 - Взбодрись! – поддержал в то мгновенье.

Тебя представляя живою,
 С приветствием впрямь обратился:
 - Все дети живы и здоровы, -
 Поведал, чего я добился.

Как глас Кереку и Семей¹,
 Хантай² двух принес я приветы.
 Саки, соболезнуя тоже,
 Прислала слова –амулеты.

¹ Палодар и Семипалатинск.

² Хантай Елубаева и Саки Бекбаева – подруги Халимы по детскому дому и интернату. Хантай Омарбаева – жена нашего друга.

От тех, кто нас чтит неизменно,
Которых мы впрочем не знали.
Принес от души пожелания.
Такую любовь мы снискали.

Сайын обратился по-братски,
Приехавший из Мангистау.
Обмерив твой вечный участок,
Задумал он купол поставить.

Надгробье строитель воздвигнуть
Решил из актауского камня,
Среди облаков на Алатау
Возвысить обитель на память.

Теперь собирает он камни,
Нисколько себя не жалея.
«Козы Корпеш и Баян» сродни
Предстанет, ничуть не робея.

Тебя вспоминая повсюду,
Придется уйти мне из жизни.
Тогда и наступит то время
Для встречи на памятной тризне.

«Живые желаем вам Счастья!»-
Мы благословляя оттуда,
Лежать будем далее рядом,
Охвачены миром покуда.

В безмолвии доносится голос
Прислушайтесь к нашим заветам:
«Коль вы заскучали по старцам,
На горы взгляните ответно.

Обвит Алатау облаками,
Которым могли б поклониться.
Мы будем довольны, предвидя
Живых благородные лица.

Мы будем довольны, коль сами
Находитесь в полном согласии,
И если, отвергнув неприязнь,
Живете, сдружившись со **Счастьем!**

Любовь-это смысл всей жизни,
Что вы осознаете впрочем.
Влюбленные, мило сживаясь,
Совместно грустят и хохочат.

Когда ветерок с гор подует,
До вас донесется как отзвук
Наш голос, его воспримите,
Хоть он и невидим, как воздух!»

Принав я к могиле от грусти,
Витаю в неведомой дали.
Уж 240 дней как прошло,
А я нахожусь все в печали.

Родная моя, Халима-ау,-
Ты в жизни поныне опора.
А сердце, что Ты залатала.
Покамест стучит без укора.

Прощай, айналайын, до встречи
Приеду сюда очень скоро,
Не раз и не два, а частенько
До смерти для переговоров.

А после кончины по - праву
Я рядом смогу примоститься
Тогда не придется подолгу,
В тоске изнывая, молиться.

Могилу твою обнимаю!-
В сердцах произнес напоследок.
Готов, дорогая, навечно
Пойти за любимую следом!

23.03.2002

8

Храню в своем сейфе из желчи
Изъятые камешки тоже.
Я глажу их в горьком раздумье,
Тоску разгоняя, что гложет.

9

Двести сорок восемь дней

Оставшись без милой супруги,
Вдовцом коротаю я дни.
Прожившие восемь десятков
Рабам пред судьбою сродни.
31.03.2002

10

Томление

Дней двести пятьдесят проходят
С тех пор, как рядом нет Тебя.
Слетело счастье с изголовья,
И днем, как ночью, ознобя.

Живу, как-будто нет мне солнца, -
Живой, но смертная тоска.
Желанной нет на этом свете:
Жалею сам в себе вдовца.

Когда совместно мы ходили,
Считал себя счастливей всех.
Совместный смех друзьям на диво
Дороже был других утех.

Когда была со мною рядом,
Я жил в довольстве и добре,
Как тот степняк, который вдоволь
Развел скота в своем дворе.

И посещало вдохновенье,
Пожалуй, каждый день и час.
Детьми такими одарила,
Что поражаюсь я сейчас.

И наши, дети, собираясь,
За мной ухаживать спешат.
От добрых чувств такая благодать,
Как-будто вводят в летний сад.

Познал, что жизнь все ж преходяща,
Вдовцом оставшись на земле.
Мазар¹ воздвигнуть я мечтаю,
Чтоб он виднелся и во мгле!

Обожествлен сегодня доллар,
Что принялся его искать.
Письмо послав и Президенту,
Я призываю помогать!

Тихонько и министру все же
Посмел я "покрутить ушко".
Давным-давно лежат два тома,
Что вывести б на солнышко.

Коль мне стипендию всецело
Отдать укажет Президент,
Вложу ее опять в копилку
На твой надгробный монумент.

Не зная устали, с бумаги
Не сходит каждый день перо.
С Тобою мысленно встречаюсь,
Волнуюсь от душевных строк.

С улыбкой смотришь в кабинете
Ты с фотографии своей.

¹ Мазар – надгробный памятник, гробница.

И милым взглядом озаренный,
Смотрю на снимок веселей!

На полках дороги мне книги,
Что Ты подписывала в дар.
Слежу за книжными шкафами,
Где рук твоих хранится жар.

А на обложке каждой папки
Знакомый почерк узнаю.
Так благосклонно и в в порядке
Оставила среду свою.

Приводят в трепет каталоги,
Что переписаны Тобой.
Автографов и фото сотни
Перебрала, о Боже мой!!!

Перебирать все те бумаги
Терпения хватило как?
Смогу ли выписать я толком
Заветный смысл из всех бумаг?!

Уж 250 дней проходят,
Как я остался без Тебя.
И каждый день от горькой думы
Все тяжелей уходит вспять.

Тобой взлелеянного сада
Плоды достались мне сполна.
Ты, одарив таким богатством,
Навечно милая одна!

Двести пятьдесят дней

Открыл твой гардероб сегодня,
Где есть души твоей следы.
Пересчитав в уме одежду,
Хотел порядок соблюсти.

Тебя представил в разной форме,
Когда ходили мы вдвоем.
Перебирая все наощупь,
Ушел в заботу целиком.

Из прошлого иные сцены
Пришли на память, ободрив.
Как наяву, у тех поездок
Мне вспоминался свой мотив.

Вот тот камзол, что дан в ауле,
В котором Ты росла с детьми.
Земля Абая провожала¹,
Безмерно радуя людьми.

В алтыбакан и с белой костью²
Играла ночью молодежь,
Вводя и нас, что беспрестанно
Вселяло радостную дрожь.

А утром в белокрылой юрте
Опять абайцы собрались, -
И продолжался той, ликуя,
Бурлил кумыс, что был искрист.

Здесь по обычаю пред всеми
Шакер³ с напутствием предстал.
Старик, раскрыв свои ладони,
Добра нам в жизни пожелал.

Когда из персональной юрты
Мы выходили с Халимой,
Растрогав, люди затянули
"Жар-жар", как паре молодой.

¹ В 1992 году, когда мне исполнилось 70 лет, мы ездили в родные места Халимы в Абайском районе бывшей Семипалатинской области.

² качели на шести шестах и белая кость – национальные игры.

³ Шакер Абеннов – Народный акын.

Вот так Абайского района
Ты ощутила ритуал.
Была прощальная поездка,
О чем тогда я и не знал.

Теперь мне трудно добираться
В твои родимые края,
Чтоб, вновь с хребта Журекадыра
Любуясь, вспомнить и Тебя.

Смогу ли снова я увидеть
Твоих тех аульчан глаза?
Мне посетить бы хоть однажды
Там Карахан-аты¹ мазар!

В поездке той в Семипалатинск
Заехать тоже довелось,
Где в интернате средь подружек
Росла, не зная жизни врозь.

Придя к одиннадцатой школе,
Зашли в знакомый с детства двор.
Мы здесь подростками делились
Мечтой судьбе наперекор.

Прожив шесть лет в том интернате.
Что стал родным, как отчий дом,
Она хотела то гнездовье
Увидеть, вспомнив о былом.

... Вот здесь я, встретившись впервые
И стал знакомым с Халимой.
Сперва кивала лишь головкой,
Потом коснулся чуть рукой.

Припоминаю нежный трепет
При каждом слове с губ твоих.

¹Карахан – прадед Халимы.

Глаза с улыбкою премилой
Меня пленили в тот же миг.

Оставив мне слова надежды,
Ушла тихонько в интернат.
Слова твои, задорный голос
Звучали в сердце, как набат.

В тот раз, придя в свободе полной,
Ушел, попав в негласный плен.
Вот так в груди затрепетала
ЛЮБОВЬ, как пламя, в этот день!

И девять лет с огнем желанным
Не расставался, а горел.
Четыре года был на фронте,
С врагом сражаясь, не робел.

С фашистами мы бились смело,
Где выжил с мыслью о Тебе.
Ты вдалеке, а я пред боем,
С надеждой вверившись судьбе.

Мне приходили постоянно
По почте письма из Москвы,
Откуда вести присылала,
Отгородив от злой молвы.

А фото, к сердцу прижимая,
Хранил в кармане нагрудном.
Войну закончив, стали вместе,
О чем мечтали мы вдвоем!

Вдали нередко вспоминали
Крутые волны Иртыша.
Хотели так смотреть с обрыва,
Что изнывала вся душа.

С благоговеньем поклонились,
Приветствуя Иртыш родной.
Смотрела Ты прощальным взглядом
На мост с поникшей головой.

Рассматривая Чингистау,
Причесывался как всегда.
А Ты с оглядкой от Семейя
Не отрывала глаз тогда.

Камзол, подаренный в ауле,
Сидел, как сшитый на заказ.
Когда в шкафу его увидел,
Все это вспомнилось про нас.

08.04.2002

13

В том декабре тридцать восьмого,
Как помню, третьего числа.
Впервые Ты на горизонте
Звездой пожизненной вошла.

В глаза попав, как по тоннели,
Проникла в сердца глубину.
С тех пор ношу в груди бессменно
Мою любимую одну.

В июле двадцать седьмого,
В две тысячи первом году
На Алатау с Тобой проститься
Пришлось, что было на роду.

Я девять лет ходил влюбленным,
Чтоб пятьдесят лет быть с тобой.
Была Ты ангелом семейным
И воплощенной мечтой.

Твои фото повсюду дома,
Но только нет самой Тебя.
Всевышний в сердце милый облик
Определил нести, любя!

Тебя я помню днем и ночью,
Что не отходишь ни на миг.
Точь-в-точь, как в жизни, пред глазами
Мелькает твой прекрасный лик.

Не слышен твой приятный голос,
Всегда звучавший по уму.
Я вспоминаю взгляд умильный, —
Лекарство сердцу моему.

Тоскую по твоим повадкам,
По жестам рук, что хороши.
Как без Тебя живу на свете,
Храня терпение души?!

10.04.2002.

14

ВЗАИМНОСТЬ

О тех влюбленных в трех дастанах¹
Мы с детства знали наизусть.
Чего они добились в жизни,
Даря в наследство свою грусть?

Предельно мучаясь любовью,
Они познали только яд.
Совсем уж юными из жизни
Ушли, пополнив скорбный ряд.

Пробыли мы в любовном море
С тобой пллсотни с лишним лет.

¹Народные поэмы о Толегене и Кыз Жибек. Козы Корпеше и Баян, Кебеке и Енлик.

Живя в согласии и благе,
Считали, что счастливей нет.

Порою думая об этом,
Слезу пускаю, Халима.
Мне успокоиться пристало,
Чтоб довести все до ума.

Живя со мною душа в душу,
Мне подарила пять детей.
Перенося все муки молча,
Звездой была судьбы моей.

В тот день, проснувшись ранним утром,
В блаженстве полном пребывал.
Больница не была и в мыслях,
Пока я в грезах возлежал.

Ты, ласково ко мне прижавшись,
Шептала: "Обними меня.
Коль есть в тебе остаток пыла,
Сегодня не жалея огня!".

Не приходилось видеть в жизни,
Чтоб нами властвовала плоть.
Во мне такое пробуждалось, -
Вдруг неуместное пороть.

Ты проявляла лишь взаимность,
Покорно следуя за мной.
Ты столько жертвовала снами,
Что с жалостью смотрел порой.

Ты признавала неужели,
Что радость жизни отреклась,
И пожелала напоследок,
Чтоб память я хранил о нас?

А я не думал даже вовсе,
Помимо благостных минут,
Что Ты хотела мне на память
Оставить их навечно тут.

Все ж я, бедняга, склонный к шуткам,
Не прочь был даже поострить.
Но через шесть часов всего лишь
Пришлось на скорой проводить.

Врачи ответственно, бесспорно
Тебя в больницу увезли.
И вот опять один, тоскуя,
Остался, будто был вдали.

Ты на ногах переносила
Болезнь стойко много лет.
И все же печень доканала,
Душа моя, спасенья нет.

В реанимации подспудно
Лежала Ты тринадцать дней.
Я, ежедневно посещая,
Кружил с надеждою своей.

Но смерть безжалостно следила,
Лишь дав проститься мне с Тобой.
Как тот солдат, кто в муках плена.
Ушел я в горе с головой.

Уж двести пятьдесят и девять
Раз одиноко были дни.
Влачусь один я горемыкой,
Хоть в окружении родни.

11.04. 2002

Двести шестьдесят дней

Дней двести шестьдесят сегодня,
Как овладело горе мной.
Привыкнуть, Халима, не смог я
К беде, свалившейся горой.

Ночами, просыпаясь как-то,
Впустую я искал не раз.
Бывает, что, обняв подушку,
- Душа моя, - шептал подчас.

Твой жест последний как подарок
Я не забуду никогда,
Но что поделать, не догонишь,
Когда взлетела ввысь звезда.

Одну любовь храню я в мыслях.
Осознаю, что нет Тебя.
Та медсестра к нам приходила
И с пальца кровь взяла опять.

Твое тепло ношу на теле:
Не трогала ничья ладонь.
А медсестра - иное дело,
Других пугаю, как огонь.

Я проживу остаток жизни,
С твоей беседуя душой.
И все заветное твое лишь.
Что не достанется другой.

12.04. 2002

Одна казахская девушка

О Беатриче и Лауре
Лишь Данте с Петраркой дано спеть.
Не зная внутреннего пыла,
Пришлось им внешне обзреть.

Обеих сладкого угара
Не суждено в любви познать.
Ни дня, ни часа даже вместе
В обнимку не пришлось витать.

Им не дано взлететь к зениту
Обеспокоенной любви.
Поэты пели, внешне только
Их красотой себя обвив.

Какая польза от красавиц
Без ощущений близких тел?
Не приложив к груди ладони,
Вздыхать я вовсе не хотел.

Теряя самообладание,
Любимую как не обнять?
От перепада чувств привольных
Мог необъятное объять.

Душа пронизываясь в душу,
Преображались в цельный сплав.
Мы столько лет прожили вместе,
Единым духом свет познав!

О боже, истинно с любовью,
Облагородившею нас!
Пусть с красотой будет вместе
Любовь, встречаясь в добрый час!

Досталась мне любовь, какую
Не ведал Данте, изведясь.
Все шестьдесят три года, Бог мой,
Не порывал со счастьем связь.

От Беатричи и Лауры
Все лучшее нашел в Тебе:
Характер, ум и даже внешность
Даны на счастье по судьбе.

С Тобой я, Халима, с Тобою,
А Ты — души моей звезда!
Не итальянка, а казашка
Поработила навсегда!

12.04. 2002

Расставшись с Халимою,
В восемьдесят я стал вдовцом.
Все снохи сильно уважают,
А сыновья здесь молодцом.

От дочерей хватает ласки
Подстать им также каждый зять.
Подробности их обихода
Нельзя словами передать.

Ата¹, ата, - зовут и внуки.
Не отступая ни на шаг.
Несут написанное мною
И на компьютер, и на факс.

Добром по-праву обсыпая,
Ко мне идут со всех сторон.
И поцелуями правнучки
С восторгом детским наделен.

Твое достоинство — все это,
Твои уроки, Халима.
Когда плоды я пожинаю,
От умиленья без ума.

Коль в жизни Ты бы не любила
Меня от всей своей души,
Познал бы чувства так обильно
Детей, хоть вправду хороши?

Твоими и трудом, и лаской
Я стал внимателен ко всем.

¹Ата – дедушка.

Когда-то Ты не повстречалась,³
Остался бы совсем ни с чем. ⁴

Как поздно понял я, подруга,
Что вовсе нет Тебе цены!
Молюсь пред духом, дорогая,
Хоть тем не искуплю вины.

12.04. 2002

18

Снова вспоминаю

Теперь я снова вспоминаю,
Как приезжали мы в Москву
И под опекой Казпостпредства¹
Восторг познали наяву.

Бывали мы на Главпочтамте,
Где Ты работала в войну.
И все места мы осмотрели
Блаженной памяти в плену.

С Тобой в Москве на главной почте
Встречались в юности своей.
Нашли, приветствуя, тот столик,
Где мы сидели среди друзей.

Отправив в дальнюю дорогу,
Не удержалась Ты от слез.
Как стол поглаживала с грустью,
Потом услышать привелось.

В Москве дела свои закончив,
В Подольск², отправились с Тобой,
Где, находясь примерно месяц,
В бумагах рылись день-деньской.

¹ Постоянное представительство Казахстана.

² Подольск – город под Москвой, где хранились архивы Министерства обороны СССР.

Там было много документов
О злоключениях войны.
И строки о бригаде сотой¹
В тетради перенесены.

Ох, апырай², в военном пекле
Как только выжить удалось? —
И после этих слов, прижавшись.
Не удержалась вновь от слез.

Я все рассказывал украдкой
О жутких рейдах на войне.
А Ты записывала факты,
Предавшись склонности вдвойне.

Твои слова: "Давай запишем
Бойцов погибших имена.
Пусть о подвигах безвестных
Узнают люди, вся страна!".

И целый месяц переписку
Вела твоя рука с пером.
Там был Маншук листок наградный,
И Сулейменова³ притом.

В Великих Луках и во Пскове,
В Новосокольниках еще
Сражались истинно герои,
И Невель входит в этот счет.

Там воевали и Бимурзин,
И Ерназаров посреди,
Где и Баймолдин, и Баишев⁴
Как командиры впереди.

¹ Сотая бригада, сформированная в 1941 году в Алматы из 18-19 летних юношей и девушек.

² апырай – возглас удивления.

³ Ибрагим Сулейменов – прославленный стрелок сотой бригады.

⁴ Абдрахман Бимурзин и Мырзаби Ерназаров – герои бригады. Абилхаир Баймолдин – командир бригады, Сактаган Баишев – заместитель командира.

Их заносила по порядку
В свои тетрадки, не спеша.
На пять романов ценных фактов
Ты набрала, моя душа.

Вот так мы, радуясь находкам,
Назад в Москву вернулись вновь.
Метро оставив, к Грибоедову¹
Пошли, к кому была любовь.

Твою ту помощь как могу я
На этом свете позабыть,
Ты в мыслях с крыльями как пери
Всегда, избранница судьбы.

Звала домой надежным тылом,
А рядом - крепость для ума.
Повсюду Ты была опорой,
О чем не ведала сама!

С Тобой пылал я, словно пламя,
Беря из жизни много благ.
Теперь, лишившись того жара,
Сгораю медленно, как шлак.

19

С кем могу сравнить?

Среди поэтов, чью супругу
С Тобою, милая, сравнить,
Красавицам, не раз воспетым,
Твою красу все ж не затмить.

Христину Гете можно разве?
Нет знаний, узок кругозор.

¹ Памятник А.С.Грибоедову перед метро на Чистотрудном бульваре. Помнится, в одном из писем на фронт Халима прямо писала: «Азиль, ты – мой Грибоедов!»

Не потому ли та бедняжка
Скончалась пьяницей в укор?

Тебя с дипломом института
Тянуло к знаниям всегда.
Отринув крепкие напитки,
Была веселой без труда.

Матильда Гейне между прочим?
Коль по начитанности брать,
Ничто из сочинений мужа
Не удосужилась читать.

А ты читала залпом книги,
Что были выпущены мной.
В процессе тонко обсуждая,
За них болела всей душой.

Редактор и корректор дома,
Бывала критиком подчас
И не вступая в спор излишне,
Поправки я вносил не раз.

Зачем Вольтер Эмилию
«Подобна божеству» назвал?
«Любя» его, с пятью мужьями
Устраивала карнавал.

Пятнадцать лет совместной жизни
Не удержали от измен.
В конце концов ушла из жизни,
Преобразившись в падший тлен.

В такую женщину влюбившись,
По сути не было жены.
Судьбой бездетного Вольтера
Мужчины все поражены.

А мы прожили сверх полсотни:
Лет вместе дружною семьей.
Никто из тех творцов великих
При этом не чета со мной.

Да многим по перу собратьям,
Могу здесь смело заявить,
Не повезло, помимо быта,
Душою душу вдохновить.

Лишь только Ты в моих твореньях
Умело помогала мне.
Когда делилась своим взглядом,
Горел я в творческом огне.

Один, как-будто в полуслове
Прервали доброго певца.
К несчастью, нет твоей подмоги:
Обобран путник до конца

Кто, Халима, с тобой сравнится?
На целом свете нет такой.
Могу сравнить Тебя лишь только
На небе с солнцем и луной.

Могу сравнить еще с вершиной
Манящей ввысь земной горы.
В мое сознание приходишь
В таком кругу до сей поры.

Без всяких умыслов, догадок
Понятен был твой каждый жест.
Оставшись без такой супруги,
В печали жить придется здесь.

13.04. 2002.

Со слезами уйду

Избегала разных сплетен,
Находясь сама собой.
Все премудрости уловок
Обходила стороной.

На того, кто стал ловчее,
Закрывала Ты глаза.
- Да ну вас! - махнув рукою,
От болтуний шла назад.

Хоть имела как-то зависть,
Сохраняла при себе.
Если были свои тайны,
Нет и речи о мольбе.

К детям относилась ровно,
Не кричала никогда.
Видя, что такая мама,
Обходила их беда.

Никого из них и в детстве
Не отшлепала ладонь.
Обходилась лишь словами,
Не пугая, как огонь.

Содержала все прилично:
И одежду, и еду.
За уроками следила,
Чтоб готовили в ладу.

Физику и алгебру
Просто знала назубок.
Повторяя даже химию,
Ты использовала впрок.

Опыт в прошлом педагога
Кстати пригодился тут.
Четверо детей в порядке
Поступили в институт.

Ты к зятьям, как и к невесткам.
Относилась от души.
Заразившись твоим чувством,
Все отменно хороши.

Оделив их нужной долей,
Помогла им и с жильем.
Подсчитать твою заботу
Невозможно ни на чем.

Обихаживая внуков,
В них вносила знаний клад.
Знают так язык казахский.
Что ораторам подстать.

Поражаюсь я заслугам,
Что ума не приложу.
Поразмыслив на Кенсае,
Со слезами ухожу.

21

Двести шестьдесят пять дней

Скоро дней уж будет триста,
Как живу я без Тебя.
Снова нет во мне покоя,
Грустью сердце огрубя.

То я голову склоняю,
Чтобы выразить печаль.
То, как памятник, с любовью
Застываю, глядя вдаль.

Так и есть, на Алатау,
Словно памятник, стою.
"Вечная любовь!" — зываю
Про избранницу свою.

17.04.2002

22

Такою прелестью была?!

Не смог я вовремя вернуть
Перед Тобой долги сполна.
Ты даже памятью своей
Преображаешь, как весна.

Как только вспомню каждый шаг,
Тоскую, сидя сам с собой.
И только лишь склонюсь к листу,
Стихи польются чередой.

Такою прелестью была,
Что помогала всюду мне?!
И после смерти духом здесь,
Не оставляешь в стороне.

Воспевать свою жену
Незасорно, только честь?!
Одолеет ли хандра,
Если рядом дух твой есть?

18.04.2002

23

Двести семьдесят дней

Двести семьдесят уж дней
Я тоскую по Тебе.
Привыкая, Халима,
Покориться бы судьбе.

В сердце я ношу твой лик, -
Вот такая колыбель.
Не разбудит чувств никто,
Хоть в душе стоит метель.

Дважды мне Дихан сказал:
"Пожениться бы пора".
Прежде звал Дихан-баба¹,
Но как речь его остра?

Сердце-люлька мне дана
Поместить Тебя одну.
Пока зряч, смотрю фото.
Тронув тонкую струну.

Имя буду повторять,
Ощущая в жилах кровь.
Только Ты, узнав меня,
Подарила мне любовь.

Озабочен только тем,
Чтоб восславить всю Тебя:
Как супругу и как мать,
На вселенную трубя.

Постараюсь жить и жить,
С одиночеством борясь.
Пред кончиной обращусь:
"Халима!" в последний раз.

22.04.2002

24

Отчаяние

Ты была на белом свете
Лучшей среди матерей.

¹ Дихан-баба – (букв.) предок Дихан.. 95-летний Народный писатель Казахстана.

Ты несла, волнуя души,
Луч надежды для людей.

И умом, и шуткой в меру
В жизни светочем была.
И примером в каждом деле
Жилку доблести несла.

Я б сказал, что среди сверстниц
Только Ты была подстать.
О достоинствах заметных
Хорошо могла сказать.

Ты всегда моей болезни
Находила саму суть.
Оставляя одного
Без согласия моего,
Ранила сердечно в грудь.

От инфаркта шестикратно
Избавляла Ты меня.
Но сама ушла навечно,
Неожиданно раня.

При Тебе я веселился
И смеялся от души.
А сейчас никак не в силах
Боли в сердце заглушить!

Если Ты предстала рядом,
Излечила бы тотчас.
А я вот в густом тумане
Нахожусь в недобрый час!

25

Давали детям имена

Я вспоминаю, как с Тобою
Давали детям имена.

Чужих имен, как Жанна, Артур
Мы избегали, как огня

Жанар назвали первенца,
Что означает свет очей.
Вторую дочь Жаннат назвали,
Чтоб мы душой воспряли с ней.

А сына нарекли Арнуром,
Как совесть общая он рос.
Само собой Жаннур - наш младший,
Как песня, ввысь наш дух вознес.

Восприняты с лихвой друзьями
Все эти наши имена.
"Вполне достойно!" — восклицали,
Что нам находчивость дана.

Придя домой, коль мы согласны,
С женой Шапау Музафар¹
Своих детей назвали также
Арнур, Жаннур, приняв как дар.

Жена и Галимжана² тоже
Произвела двух сыновей.
Поскольку были близнецами,
Арнур, Жаннур всех ближе ей.

Найти так имена удачно
Нам свыше, Халима, дано.
Имен Жанар, Жаннат отныне
У девушек полным-полно!

В двухтысячном году однажды,
Когда и Ты была жива,

¹ Супруги Алимбаевы. Музафар Алимбаев – Народный писатель Казахстана.

² Галимжан Макашев – журналист Павлодарской областной газеты «Кызыл ту» - «Красное знамя» (ныне «Сарыарка самалы» - «Ветер Сары-Арки»).

Жанар подруженька Людмила¹
Не знала внука как назвать.

Остановилась на Арнуре,
Согласия испросив у нас.
Такая радость охватила:
Какой здесь может быть отказ!

На свет явился так Арнурчик,
Приняв подарочный пакет.
Ткала из пуха тюбетейку
Отраде пухленькой в ответ.

Ночами, сплошь недосыпая,
Взрастила четверых детей.
С таким добром их воспитала,
Что честно служат для людей.

Все четверо, представ по кругу.
Благочестиво дарят свет.
Окрепли крылья, что мне с ними
Недосягаемого нет.

Я вижу в них твои повадки,
Твои любимые черты.
За мной такой уход устроив,
Волнует сердце, как мечты.

В глазах у каждого, вглядевшись,
Вновь нахожу знакомый взгляд.
Мне нравятся их шутки, юмор,
Поскольку схоже говорят.

Ах, Халима, моя супруга,
Уму несметному поклон:
Ты четверых дала в наследство,
Чтоб был покой со всех сторон!
24.04.2002.

¹ Людмила Алексеевна Катаева – преподаватель КазНУ им.Аль-Фараби.

Твой заветный гребешок,
Не девая никуда,
Сохраняю навсегда.
Все поступки налицо,
Не забуду никогда.
Справедливость берегла,
Что и я уберегу.
Все надежды на меня
Оправдаю на веку.
Да и верность лишь к Тебе,
Как святыню, берегу.
Развлечения презрев,
Как бывало, не бегу.
Все плохое я топчу,
Раздражаясь, как врагу.
Подлость наотрез отбив,
Не бываю с ней в долгу.
К чести с блеском серебра
Праведен, ничуть не лгу.
Дело мерзких ловкачей
Осуждаю, как могу.
"Будь наставником детей!" -
Завещала, уходя.
Помню это я всегда,
Как девиз, слова храню,
Повторяя иногда.
Ты мне снишься каждый день:
Вижу явственно во сне.
Просыпаясь от тоски,
Трепыхаясь, как в огне.
Возвышается кумбез,
Где есть место посреди.
Как наступит смертный час,
Встречусь с верностью в груди.
Попрощаюсь с Алматы,-
И в обители вдвоем

На предгорье Алатау
В бесконечность мы уйдем!

4.08.2002

27

Всему казахскому народу
Супруги имя возвестил.
Тебя прославлю я по свету
Во мне насколько хватит сил.

30.09. 2002

28

Шестьсот пять дней прошло с тех пор,
Как я остался без Тебя.
И все ж безжалостна судьба,
Что гложет душу, теребя.

Опять вот наступила ночь,
К постели подошел прилечь.
Печаль обуревала вновь,
Что сердца здесь не уберечь.

Все думы только о Тебе, -
И сон мой как рукой сняло.
Как- будто на морское дно,
За шестьдесят лет унесло.

В Москве в то время Ты жила,
А я на фронте был тогда.
При получении письма
Летал от счастья в никуда.

Однажды, получив фото,
Достиг макушкой до небес.
Смотрели милые глаза,
Проняв, как чудо из чудес.

Тебя хвалили все бойцы,
Джигиты грозной полосы.
Я представлял твой нежный,
Преградой став от пуль красы.
Я перед тем, как грянет бой
На фотографию смотрел.
И там, за огненной чертой,
Борясь за жизнь, с Тобой был смел.

С мечтой в груди я воевал,
Достиг победного конца.
На пятьдесят четыре зим
Теплом овеяла бойца.

Поныне сохранил фото,
Но все ж Тебя не уберег.
Как- будто с фронта я пишу,
Держа окрепшее перо.

Ах, не дойдут мои слова,
О чем жалею, осознав.
За полночь время, пред зарей
Глаза прикрою, задремав.

24.03. 2003.

29

С Тобою был я в райских кущах,
А без Тебя мне, как в аду, Халима!
Как Данте, Мильтон описали,
В "Потерянном раю" бреду, Халима!
Мы жили вместе душа в душу,
Познал я радостный уют, Халима!
Теперь так горесть обуяла,
Что птиц не слышу, хоть поют, Халима!

* * *

Ты мне оставила богатство:
Детей четыре, внуков пять.

Бывая врозь, а чаще - рядом,
Заботу сыпят, не объять.

Но по сравненью с их заботой
Дороже мимолетный взгляд,
Которым Ты с улыбкой кроткой
Умела мило одарять.

Твои манеры и твой голос
Храня, сгораю от тоски.
Но возвратить все то обратно
Совсем не в силах, не с руки.

"Моя бесценная!" - порою
Со вздохом я произношу.
Писать, читать и эти дети –
Три ценности в себе ношу.

Перо в руке держу я днями,
Тома листаю ввечеру.
На полки с книгами твоими,
Как на сокровище, смотрю.

Как в назидание молодежи,
На телевидение хожу.
И по радио выступаю,
На что я силы нахожу.

На вечерах бываю тоже, -
Маршрут мой: школа, институт.
И вспоминаю добрым словом
Тебя и наш совместный путь.

В пример я ставлю женский разум,
Как Ты находчивой была.
Потом иду домой довольный,
Вновь ощущая два крыла.

Но вознамерились иные
Меня за это осуждать.
Все ж не забуду я до смерти
Тебя как женщину и мать.
В работе нахожусь, как прежде,
Ни часа не найду порой.
Воздвигнув купол белый-белый,
Доволен я самим собой.

Узнали люди о кумбезе
В статьях с рисунком из газет.
Пусть тот, кто недоволен мною,
Жену так славит на весь свет!

24.03. 2003.

30

Здоровы, Халима, все дети наши,
Сияет солнце мирно над страной.
И Алматы, и Астана все краше,
А я о мире в думах день-деньской.

Заветный мир - народное богатство.
К нему стремятся люди на земле.
Опять нарушены и мир, и братство,
Когда Ирак растерзан в жуткой мгле.

Америка, где Буш сегодня правит,
Берет чужие страны на прицел.
Прикрывшись словом мести, не по-праву
Он для овец предстать серке¹ посмел.

И тот "серке", рога нацелив, страшен,
Что под бомбежкой рушит города.
Немало самолетов, с силой вражьей
Посеяв смерть, мобильны, без стыда.

¹серке – вожак отары.

Насторожились в мире мусульмане.
Как в море, взбудоражил их прибой.
Чудовищу подобно, как ни странно.
Всецело Буш погряз в крови людской.

Да в чем вина Ирака в этом мире.
Чтоб Буш его кошмаром обволок?
Крылов не показал в своей сатире.
Как обвинял ягненка сильный волк?

Та басня стала образцом в народе, -
Ссылались почитатели не раз.
Матерый волк, оправдываясь вроде,
Ответил злом не в бровь, а прямо в глаз:

"Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите.
И, если можете, то мне всегда вредите.
Но я с тобой за их разведуюсь грехи».

"Ах, я чем виноват?" - "Молчи! Устал я слушать
Досуг мне разбирать вины твоей, щенок !
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать,
- Сказал и в темный лес Ягненка поволок».

Ирак сегодня стал таким ягненком.
Свирепый Буш, все правила презрев,
Прекинулся безвинным вороненком.
Чтоб высосать, как кровь, чужую нефть.

Не по себе мне стало от захвата,
Не только я, а содрогнулся мир.
И о таком разбое супостата
Заполнены газеты и эфир.

И я в газету написал об этом,
Ссылаясь на мыслителя слова.
Но не поспоришь с вышедшей газетой,
Где сократили, ущемив права.

Как фронтовик, я не склонюсь пред силой,
Разгрому не намерен потакать.
Но понимаю кротких журналистов
Что надо и себя оберегать.

Поэтому я не виню их вовсе,
Хоть ненавистью и они полны.
Желают, чтобы в диком парадоксе
Осколки не были и к нам занесены.

Союзники – мои американцы,
Мы к смерти Гитлера все ж привели.
Боюсь, что молодые новобранцы.
О том не зная, глубоко зашли.

Отечество от гнета избавляя,
Мы, Халима, войну прошли с Тобой.
Младенец даже вторит, умоляя:
«Спаси, господь, от третьей мировой!»

24.03.2003

31

Я с тобой веду беседу,
Довожу свою печаль.
Может, кто-то посмеется,
Не поняв меня, а жаль.

Халима, Ты мне дороже
Тех друзей, в ком нет души.
Развелось их несусветно,
Кто в измене за гроши!

25.03.2003

32

Тебе приписывают счастье,
Завидуя твоей судьбе.
И млад, и стар, но нет им дела,
Что снова грежу я в мольбе, Халима!

Я сокрушаюсь часто все же,
Что счастье не принес вполне,
Что благ земных не дал, как надо,
Поскольку не был на коне, Халима!

Насколько мне хватало силы.
Я обихаживал Тебя.
Но вот курортом ежегодно
Не обеспечил, так любя, Халима!

На это благо, как ни печально,
Не позволял мой низкий чин.
Да по инстанциям мотаться
Не мог свободно сам один, Халима!

Обком¹ не жаловал в ту пору
Корреспондентов всех мастей.
Мы не могли достать путевки,
Хоть были чтимы среди людей, Халима!

Но если б мне досталось кресло,
Была бы няня при Тебе.
Моих сотрудников, коль надо,
Сзывала б, словно по трубе, Халима!

К Тебе такое не пристало, -
Кого-то где-то унижать.
Хоть кто-то золото протянет,
Не стала бы Ты в руки брать, Халима!

Тебе завидовать не впору
Роскошным шубам знатных жен.
Удел своим трудом добиться, -
Знать, на роду определен, Халима!

¹Областной комитет Компартии Казахстана, в чьем ведении как собственный корреспондент газеты «Социалистик Казахстан» по Павлодарской области я находился.

Пришлось мне разъезжать в машине,
Когда начальником ¹ я стал.
Но ничего себе не сделал,
А лишь работой загружал, Халима!

Я предлагал Тебе однажды
В машине съездить на базар.
Но Ты пошла, качнув головкой,
Пешком на ближний тротуар, Халима!

Стремилась вместе со всем людом
Попасть в автобус городской. –
Удобно это мне, - шутила.
Ты мне запомнилась такой.

Всегда лишь обо мне заботясь,
И днем, и ночью берегла.
- Не надо мне твоей машины,
Не раз обмолвилась без зла, Халима!

- Не будет повода для сплетен!
Предупреждала Ты меня.
Могла заранее предвидеть
Очаг нелепого вранья, Халима!

Так много без меня трудилась,
Как-будто Ты - моя раба.
А я ходил, ступая гордо,
Что нынче каюсь про себя, Халима!

Ты для меня была светилом,
Что ободряет дух с небес.
Награды все прошли бы мимо,
Не будь Тебя, скажу как есть, Халима!

Достойная научных званий,
Была бы доктором наук.

¹ Упоминаю некоторое время, когда я был заместителем редактора газеты «Социалистик Казахстан» и главным редактором газеты «Казак адебиети». В ту пору женам руководящих лиц не разрешалось ездить в их машинах.

Я просто долго размышляю,
Чтоб скрасить горесть тяжких мук, Халима!

Иные говорят, что счастье
Принес Тебе желанный брак.
А я вот мучаюсь порою,
Что проявлялось все не так, Халима!

Переживаю от укора,
Что счастье не принес вполне.
Ушло упущенное время,
Лишь вижу облик твой в окне, Халима!

30.03. 2003.

33

Вспоминаю, что было,
В те последние дни.
Догорающей лампой
Впились в память они.

Часто-часто ложилась
Даже днем, утомясь.
Чай сама подавала,
Лишних сплетен боясь.

Иногда уставала,
Что не в силах привстать.
Приходили иные,
Чтоб автографы брать.

Подошел как-то ближе
И увидел в глазах
Серебристые капли,
Что и вызвало страх

- Почему прослезилась?
Я спросил между тем.
И, целуя по щекам,
Удручился совсем.

Ты тихонько сказала,
Глажа руку рукой:
-Так судьба благосклонна,
Встретив в жизни с тобой.

Мне до самой кончины
Надо бы помогать.
О тебе днем и ночью
Я могла хлопотать.

А теперь бесполезно
Вот лежу пред тобой.
Переписку оставив,
Корректуру - пустой.

У тебя бумаг много, -
Обойтись нелегко.
Будто снова в разлуке,
Нахожусь далеко. -

Поделившись печалью,
Дала волю слезам.
Я шептал: "Успокойся,
Айналайын, справлюсь сам!".

Своей легкой рукою
Ты любила писать.
От любой перебранки
Успевала спасать.

Дастархан расстилала,
Встретив уйму гостей.
Старики удивлялись,
Оглядев круг друзей.

Я с такою супругой
Овладел сонмом благ.
Жизнь продолжила снова,
Отогнав мой инфаркт.

Без Тебя не достиг бы
Этих званий, наград.
Нипочем мне с Тобою
Никакой супостат
Больше, душенька, в жизни
Что я мог пожелать?!
Умоляю, отныне
Перестань изнывать.

После слов откровенных
Обнимал, целовал.
От твоей той улыбки,
Ах, как счастье познал!

- Отчего эти слезы,
Я скажу, не тая.
Так обидно, что гости
Сожалеют, придя.

Если мне бы чуть силы,
То поставила чай.
Как хочу, чтобы с ними
Смех твой вместе звучал! —

Голос твой так печально
Произнес между тем:
- Мои мольбы до Бога
Не доходят совсем!

Занимайся ты делом,
На меня не смотри. —
Снова руку погладив,
Задыхалась внутри.

Даже гладила спину,
Указав кабинет.
Я запомнил тот облик,
Излучающий свет.

Твой указ не забуду,
Халима , люблю.
Я сажусь за работу,
Помня только Тебя
Ты была со мной рядом,
Дух вселяя перу.
Без Тебя даже утром
Дремлет, как ввечеру.

У забытой машинки
Рукописи лежат.
В нераскрытых конвертах
Письма глухо молчат.

Хоть иные открою,
Не могу дать ответ.
Без Тебя так страдаю,
Что и книг новых нет.

Я Тебе подражая,
Утром рано встаю.
Если кто и заглянет,
Лишь конфеты даю.

Чай поставить не в силах,
Нету хватки на газ.
О крючке забываю,
Дверь оставив подчас.

Халима дорогая,
Не приемлю беду, -
И в преддверии мая
Вновь на встречу приду.

В мае месяце дважды
Я Тебя посету.
Девять, десять¹ - те числа,
Коих не пропущу.

¹День Победы и день рождения Халимы.

Помнят их наши дети,
Свято чтут эти дни.
Молодыми когда-то
Были мы, как они!

В женский праздник, что в марте,
Я в мазаре сидел.
Как коран, из Абая
Твои строки отпел.

А потом только память
Будоражила вспять.
Ты приносишь нам радость,
Как начнем вспоминать!

02.04. 2003.

34

Ты в последние те годы
Стала больше все болеть.
- Полежала бы в больнице, -
Молвил я, чтоб усмотреть.

Говорить об этом трудно
Было каждый раз с Тобой.
Нет! - качала головою,
Отходя сама собой.

- Полечиться бы немного, -
Обратился как-то вновь.
-Кто ухаживать? - и слезы
Пролила, волнуя кровь.-

Кто тебя кормить три раза
Будет каждый день подряд?
За тобой, как я, присмотрит,
Уловив твой каждый взгляд? —

Не хотела лечь в больницу
По причине той простой.
И тогда вдруг мысль однажды
Овладела головой.

Я сказал: "Давай-ка вместе
Ляжем на стационар.
Там уход и пища будут,
И поправка нам, как дар.

Там отринут все пробежки
На базар и в магазин:
Повседневные заботы
Тяжелей из всех причин.

Полечившись в двух палатах,
Станет вместе хорошо.
Ежечасно будут встречи.
Что здесь надобно еще?

Прежде из своей больницы
Ты звонила трижды в день.
Беспокоилась все время,
Что другой подумать лень.

И всегда с одним вопросом:
- Голодал ли без меня? –
А о детях постоянно:
- Как они и как семья? –

Если будем вместе, рядом,
Обретешь в душе покой.
И с лекарствами на пользу
Полегчает нам с Тобой.

В этом Ты со мной согласна?
Дай мне руку, - я сказал. –
Айналайын, будь солидарна,
Чтоб в восторге запылал! –

На мольбу мою такую
Улыбнулась Ты в ответ:
- Что ж, вопрос не в пище даже:
Я согласна, спору нет. -

Вот таким своим манером
Мы лечились и не раз.
Почему судьба лихая
Отвернулась в этот час?

В год последний почему-то
Ты в больницу ни ногой.
- Надоели процедуры:
Нет подвижки никакой! -

С этой тихой отговоркой
Залегла совсем пластом.
Приготовив пищу трижды,
Призадумалась притом.

Оказать хотел я помощь,
Что отвергла Ты совсем.
Не присев ни на минуту,
Ты смотрела, как я ем.

А потом, чтоб пустошь скрасить,
Рядом села за столом.
Вместе встала и взглянула
На постель, что под окном.

Придержав Тебя подмышкой,
Я до места проводил
И подал учтиво книгу,
Что читала, хоть нет сил.

С подозреньем превеликим
Я смотрел, как Ты легла.
Про себя твердил: "Что станет?"
Словно знал, что тянет мгла.

Так, душа моя, негласно
Ты ушла в безвестный край.
А меня объяло горе,
Хоть прибудешь в самый рай.

В одиночестве чурбаном
Я остался в тупике.
Без Тебя мне нет довольства
В этом мире вдалеке.

Предоставили все дети:
Их заботой окружен.
Но Тебя ищу повсюду,
Видя дух со всех сторон!

03.04.2003

35

Ты помнишь, как в Семипалатинск
Поехал в далеком году?
На тое акына Кобдикова¹
И я был в почетном ряду.

В Аягозе, остановившись,
Рассказывал и о Тебе.
Охотно прислушались люди,
Сочувствуя трудной судьбе.

Потом одна женщина вскоре
К нам в дом прямиком прибыла.
Средь тех дорогих провожатых,
Как поняли, вместе была.

В голодных тридцатых постарше
Сестра так попала в детдом.
Сама, находясь где придется.
Едва распростилась со злом.

¹Толеу Кобдиков (1874-1954) – Народный акын Казахстана, столетний юбилей которого проводился в Шубартауском районе бывшей Семипалатинской области.

Спросила с умильной надеждой:
- Не Вы ли родная сестра? -
Узнала, что Ты ей чужая
И в горе была до утра.

А Ты снарядила ей платье,
Набросив на плечи камзол.
Снабдила билетом на поезд,
Чтоб чуть отвратить произвол.

Два дня пребывая как гостья,
Уехала с грустью домой.
С Тобой не могло быть иначе,
Поскольку Ты стала родной.

Тот давний волнующий случай
Откуда в сознании всплыл?
Здесь чудо от телеэкрана,
Когда как на крыльях я взмыл.

В пылу своих воспоминаний
Пришел тогда на "Акжунис"¹
Родных находя по "Хабару",
Смогли люди снова сойтись.

Звонил незнакомый мне зритель
И голосом с дрожью спросил:
Мне про Халиму уточните,
Не там родилась, где я жил?

Попала в детдом алматинский
Когда-то родная сестра.
Из виду упущена вскоре,
Как съехала та детвора.

Здесь отчество сходится прямо
Да имя такое у ней.

¹Программа агентства «Хабар» казахского телевидения.

Всю ночь мне сестра представлялась,
Которой нет в мире родней.

Окажется если сестрою,
Тотчас поклониться приду.
Кумбез дорогой обнимая,
Хотя б поцелую плиту! –

Такими словами мужчина
Дрожащий свой голос прервал
И горестный вздох незнакомца
Печалью меня обуял.

Простите, ага¹, - и он бросил
Безвинную трубку свою.
Невольно припомнив бывшее,
О мире и благе молю.

В мгновенье нежданно при этом
Та женщина вспомнилась мне.
В сердцах вызывая свой отклик,
Судьба так объемна извне.

Потом позвонил домой также
Со студии брат Кусанбек² :
- О вас кто-то осведомился,
Настойчивым был человек.

Он тоже сестру ищет впрочем.
Потерянную в жуткий год.
Услышал рассказ по "Хабару"
Про голод, что брал в оборот.

И если сестра все ж найдется,
Которую зритель искал.
Мы снова хотели б с экрана
Поведать о том в свой канал.-

¹ага – старший брат.

²Бейбит Кусанбек – заведующий отделом Казахского телевидения.

Я, все объяснив досконально,
Бейбита' поблагодарил.
Так снова пришло мне на память
Все то, что не раз пережил.

Готовлю я книгу к печати,
Название есть "ХАЛИМА".
Тебе посвящу все, покуда
Возможность ношу для письма!
03.04. 2003.

36

Когда сегодня шкаф открыл
Увидел книгу "Консуэло"¹
Я этой книгой дорожу,
Поскольку Ты иметь хотела.

Два тома я к груди прижал
И долго простоял в раздумье.
Не заметил я и сам,
Как простоял в слезах угрюмо.

Как- будто в поисках листал
Страницы книги сам собою.
И не найдя там ничего,
Поник уныло головою.

А дело здесь лишь только в том,
Что эту книгу Ты держала.
И потому, волнуясь так,
Я гладил, что душа дрожала.

...Припомнил, как в сорок седьмом
Году с Тобою поженились.
Чтоб обстановку создавать,
Мы вещи собирать стремились.

¹ «Консуэло» - известный роман французской писательницы Жорж Санд (Авроры Дюпен) (1804-1876). Главная героиня романа – Консуэло – испанка по национальности, получила итальянское воспитание и вела цыганский образ жизни. Этот роман про удивительную певицу Халима читала с большим интересом. Позже, разыскивая специально, нашла продолжение романа «Графиня Рудольштад и тоже прочитала.

Тогда там главной из вещей
Считались книги в этажерке.
Мы книгу с радостью несли,
Коль редкой стала на поверке.

Мы собирали, в основном,
Всех классиков тома.
Могли гордиться пред гостями,
Что есть и пища для ума.

Стояли в ряд на наших полках
Бальзак и Гете, и Шекспир.
Мы книгу Пушкина любили,
Хоть был для нас Абай - кумир.

Мы их читали по порядку,
Что называется, в запой.
Любое слово из Абая
Впиталось в нас само собой

Когда бывал в командировке,
Бралась за книги Ты одна.
По окончании поездки
Я слушал пересказ до сна.

Вот так тихонько покупая,
Собрали мы до сотни книг.
Тогда уже мы твердо знали,
Что будет книжный сбор велик.

Мы, не найдя шкафов хороших,
Грустили иногда о том, -
Поскольку десять тысяч близко,
Чтоб провести семейный той.

Но вот Судьбу не смог осилить:
Тебя внезапно унесла.
Так за собой меня оставив,
Ты в мир иной совсем ушла.

Твои труды невмочь измерить.
Дано наследие твое:
Стоят здесь тысячами книги,
Как четверых детей полет.

Нет ничего Тебя дороже,
Никем Тебя не заменить, -
И обуяло меня горе,
Что невозможно стало жить.

Я вспоминаю при подходе
К рядам, составленным из книг,
Как мы с Тобою собирали,
Увидев каждую из них.

Мне трудно стало жить на свете,
Поскольку нет Тебя со мной.
На место ставлю "Консуэло",
Что вызывает мыслей рой.

05.04.2003

37

Те чудодейственные книги
Меня приблизили к перу.
В году прошедшем уже стало
Мне восемьдесят поутру.

На этом юбилейном тое
Сидела "рядом" Ты со мной.
В просторном зале ресторана
Пошел с друзьями пир горой.

Мы за столом на видном месте
Сидели вместе как всегда:
Ты - на портрете, я - персоной.
Мынбай¹ как главный тамада.

¹ Мынбай Рашев – известный казахский поэт, современный сказитель народных дастанов.

Стояла пред портретом рюмка, -
Плескалось в ней твое вино.
Тебя назвав, благие гости
Нас поздравляли заодно.

Волнение было беспредельно,
Что обращался как к живой,
И наши гости, расставаясь,
Вино делили рюмки той.

Портрет поглаживали жены
Со словом нежным "апатай!"
То было лучшее лекарство,
Когда есть радость через край!

06.04.2003

38

Не скинуть восемьдесят лет.
Волос на темени просвет.
Тебя припомнив плачу вновь:
Слезам в глазах преграды нет.

Я в шестьдесят и пятьдесят
Ходил как- будто налегке.
И эти взрослые года
Остались впрочем вдалеке.

"Крепись, мужайся!" - говорю
И все ж не верю сам себе.
Лишь дети - мне источник сил, -
Живу за здоровье их в мольбе.

Я их, как ценность, берегу,
Считая счастьем на земле.
Они, как золото, Тобой
Накоплены за много лет.

Они мне скопом помогли
Поднять, возвысив, твой кумбез.
Тот белый храм, что на горе,
Увидят тысячи окрест.

Все те писали много раз.
Кому известно про любовь.
Козы Корпешем и Баян
Прозвали нас с Тобою вновь.

- Похож на памятник любви
На всем Кенсае ваш кумбез, -
Так отозвался и министр,
Кому чужда иная лесть!

10.04.2003

39

Как счастлив тот, кто ходит рядом
С навечно суженой своей.
Скажу Тебе такую новость,
С которой поделюсь скорей.

И Президент читал ту книгу,
Что смог назвать я "Халима".
В твоём характере при этом
Познал черты, как вся сама.

Не знал, что сможет величаво
И Президента взволновать!
Иначе он, отмерив время,
Письмо не смог бы написать.

Он написал своей рукою:
- Уверен, станет образцом
Такая дивная легенда
Для тех, кто вышел в нас лицом! -

В такой восторг письмо то ввергло,
Что молодец я на глазах!
С Тобою встретился со взглядом,
Как в жизни, с песней на устах.

Ходил часами, словно пьяный,
Как- будто вдоволь пил вино.
Сомнений груз сменил на радость:
Не знал такую честь давно.

Как здесь не радоваться вместе,
Коль Президент подал урок.
Я представлял, как на бумаге
Слагал слова своим пером.

Я рад за то, что взволновали
Твои гуманные дела.
Они внимания достойны,
Поскольку праведно жила.

Доволен тем, что свято имя.
Как возвестил на всю страну.
А благодарность Президенту
Остатком жизни возверну.

Всецело по Тебе тоскую,
Вот так и радость познаю.
Бываю в школах, где на встречах
Всю нашу жизнь передаю.

По радио интервью бывает,
И на экране речь держу.
Все это долгом пред народом
И молодежью нахожу.

Пишу в газеты по заказу
Воспоминания свои.
Друзей погибших было много:
Прошли жестокие бои.

Тебе все это излагаю.
Никак иначе не могу.
Наступит и мое то время,
Когда совсем придти смогу.

Но до того, пока есть силы.
Стране своей я потружусь.
Потом, взлетев душою в небо,
С Тобой опять, любя, сойдуся.

11-12.04. 2003.

40

В юности далекой
Расцвела цветком.
В старости такую
Ты была притом, Халима!

Встретишь негодяя, -
Холодна, как лед.
И скалой бывала,
Если льстец придет, Халима!

Благость принимала
От иных людей.
Сразу различала
Недругов, друзей, Халима!

Отвергая сплетни,
Берегла себя.
Золотое благо
Не влекло Тебя, Халима!

Добрая к сиротам,
Долг смогла отдать,
Распознав, что будет, -
Дело предсказать, Халима!

Разум отличался
Тонкостью чутья.
Сроду не пугала
Трудность бытия, Халима!

Избегала ссоры,
В дружбе — благодать.
Не могла не к месту
Просто хохотать, Халима!

Иногда Ты в шутку
Поострить могла, -
И меня по жизни
Мудростью вела, Халима!

Не приемля лести,
Отгоняла прочь.
И Тебя богатство
Хмурило, как ночь, Халима!

Не в твоей манере
Время отнимать.
Научилась дельно
Мысли отвлекать, Халима!

Вырвав драгоценность,
Дальше жизнь течет.
Скорбь в немилость ввергла,
Без Тебя проймет, Халима!

12.04. 2003.

41

Все забудется вскоре:
Пыл восторга и мук.
Но услада любимой
Есть в объятиях рук.

За тебя всей душою
Встать могла, как броня.
Прилагая все силы,
Берегла от огня.

Если ты заболеешь,
То лечилась с тобой.
Пред наплывом злословий
Представала горой.

Озабочена мужем,
Как любимым дитя.
Согревала сердечком,
Когда надо, шутя.

Халима дорогая,
Ты была мне женой.
С кем легко было в небо
Взмыть под верной рукой.

При Тебе, золотая,
Был ли хуже кого?
Но зачем отрядила
Жить меня одного?

Принимаю невольно
Участь эту Судьбы,
Хоть ничуть я не лучше
Отгудевшей трубы.

Выполняя заветы,
Понемногу хожу.
Утихая вне дома,
Здесь я часто жужжу.

Иногда, как ни странно,
Отругаю детей.
Как, себя пересилив,
Стать для них подобрей?!

Дочки все ж безупречены,
Парни водочку пьют.
Алкашей как увижу,
Так нервишки сдают.

Чтоб такими не стали,
Бога ради молю.
В день, когда выпивают,
Сам собою скорблю.

Коль обходят спиртное,
Нет вины никакой.
Их успехи мне в радость:
Каждый – сам деловой.

Если пьянство начнется,
Выхожу из себя.
Коль бывает раз в месяц,
Соглашаюсь, любя.

- Будь при чести, - сказала, -
Воротник в чистоте.
Повода не давая
Никому срамоте!

Приведешь молодую, -
Сам сгоришь в том огне.
Целоваться лишь с тенью
Будешь, словно во сне.

Ни один среди старших
Блага в том не познал.
Подражая подобным,
Как бы в срам не попал.

Оставайся примером,
Сохрани чистоту.
Увидав мое фото,
Вспомни любо чету.

Но не плачь, вспоминая,
Чтоб не вызвать тем смех.
Сохраняй свое горе
При себе и при всех. -

Таковы те заветы,
Что храню как могу.
Пред любовью извечной
Новой песней в долгу!

Женщину заприметить
Может много мучжин.
Но в заветное царство
Унесен лишь один.

Полюбили друг друга,
Вместе гласно прожив.
Закатилась, как Солнце,
Чувств потоком пролив!

У любви нет предела:
Прибавляет мне сил.
Твое имя при сердце,
Сколько б я не прожил.

Жизнь полна интереса, -
Мнится в ней огонек.
Без любимой супруги
Счастья нет сноготовок!

Радость, клад и богатство –
Вся их сущность в жене!
Отмотав восемьдесят,
Убедился вполне.

Воротник мой отменный,
Не сгибаясь, хожу.
Рапортую по-воински,
В чем покой нахожу.

Вдаль такую сержанта
Прозвучит голос мой?
Хоть по званию старше,
Честь отдал ей рукой!

16.04. 2003.

42

Пробирает нелегко
Обожание человека.
Труд не виден, хоть весом,
Повелось уж так из века.

Как открыл я гардероб,
Мысль такая обуяла.
И воспрянул духом вдруг
Словно рядом Ты стояла.

Начал гладить джемпер свой,
Что для мужа Ты соткала.
И бывшее представлял,
Как с газетой дед, вникая.

Ты связала эту вещь
В том Подольске, где в архиве
Перепиской занялись
И упорно, и учтиво.

Луцев¹ - лучший генерал
Тайники открыл пред нами,
Словно мы в осенний сад
С фруктами попали сами.

Дня сражений на войне
Пред глазами замелькали.
Цифры в горестном ряду
Овцами гуртом предстали.

¹Н.И.Луцев – генерал-майор, начальник военного архива.

О бригаде сотой много
И дивизиях других
Мы собрали материалов,
Как основу новых книг.

Каирбаев и Баукен¹,
Алия, Маншук и Малик,
Наградные их листы
Записав, мы все узнали.

В тех бумагах я искал
Маршалов и генералов.
Как Панфилов, Чистяков
Тех героев воспитали.

Повстречался и комфронта –
Рокоссовский удалой.
Даже Жукова приказы
Появились предо мной.

Днем, усаживаясь рядом,
Мы писали без конца.
Вечером, уйдя с архива,
Отметали пот с лица.

Я в гостинице, разлегшись,
Книги разные читал.
Ты, присев на том диване,
Джемпер ткала, что искал.

Вот и время пролетело:
Целый месяц, рад весьма.
Я Тобою был доволен, -
Ты, как ангел, Халима.

Обнимая и целуя,
Я сказал Тебе: «Рахмет!

¹Бауыржан Момышулы, Махмет Каирбаев, Алия Молдагулова, Маншук Маметова и Малик Габдуллин – Герои Советского Союза

Джемпера сего дороже
Ничего на свете нет».

У Тебя была идея,
Зародилась эта мысль:
- Мы собирали здесь богатство,
Где отсутствует корысть.

Сохраняя наш обычай,
Надо отблагодарить.
Есть чапан для генерала
И камзол, чтоб подарить.

В люкс жилой в Постпредстве нашем
В гости следует позвать.
Надо нам закончить дело
Благородно, так сказать.

Пусть достойные супруги
Обретут добро в ответ:
Одеянием казахским
В них сердцах оставим след.

Мы так правильно поступим? –
Улыбающийся взгляд.
Как додумалась, родная,
Не прибавить, не отнять!

Мы, придя в московский люкс,
Наши блюда сотворили,
Что казахский бесбармак
«Чудо-блюдом» окрестили.

Гость желанный Николай
Луцев с милой генеральшей
Наши почестям тогда
Бесконечно были рады.

Песни пели от души:
Удалось блеснуть талантом.
Удивился генерал,
Что была в войну сержантом.

Вмиг вскочив из-за стола,
За руку схватил, целуя.
И его жена, обняв,
Восхищалась, нас волнуя.

Только той поре своей
Не могла придать значения,
О Маншук и Алие
Говорила с восхищением.

- А я просто здесь, в Москве,
С письмами была, как цензор.
И гордиться мне ничем,
Хоть на то и нет претензий.-

Говоря о службе так,
Ты всегда бывала скромной.
Но на самом деле кто
В жизни знает, что весомо?!

Привязавшись, износил
Облюбованный твой джемпер.
Не хотел я дольше жить
Без Тебя в унылом темпе.

Может быть, еще живу,
Чтоб предать дела огласке.
Скромным людям суждено
Уносить с собой, как в сказке.

16.04. 2003.

Освободили город Брест
Мы от фашистов наглых
И вышел прямо к реке Буг, -
Граница перед нами.

«Мы» - это наша Первая
Стрелковая дивизия.
Отбили Крепость мы едва, -
Возложенная миссия.

Там не на жизнь, а насмерть все
Сражались, что почетно.
Но потеряли все ж троих
Из моего расчета.

Четыре дня крушить пришлось,
Использував все силы.
Измотанные, наконец,
Мы Крепость захватили.

В дивизионе из бойцов
До сорока в наградах, -
И орден «Слава» наш комдив
Мне прикрепил, как надо.

С тех пор прошло уж сорок лет,
И снова в Брест попали.
Вдвоем, немало дней пробыв,
Мы сведений собрали.

В той Крепости большой музей
Аулом нам казался.
Среди защитников нашли
Мы множество казахов.

Там перед самою войной
Три тысячи их было.

И командиры с Алатау
Героями прослыли.

Известны стали имена:
Поступками гордишься.
При обороне Крепости
Здесь не было затишья.

Актангалиев Зейнолла!
Шакерт наш Омирханов!
В меня вселился и восторг,
Признав в них аульчанов.

Пред нами были списки тех,
Кто пал тогда при Бресте.
Узная об их такой судьбе,
Переживали вместе.

Спросила: «Этот вот боец
Калидоллы ли папа?!»
Не удержав себя, твердил:
- Да, да, не надо плакать. -

Смахнула капли Ты с лица
Рукою незаметно.
Слезинки эти и меня
Расстроили конкретно.

Мне Зейнолла близок был
По нашей родословной.
Водил комбайн он порой,
Но тракторист в основе.

Его призвали пред войной
На службу по повестке.
Парней за запад увезли,
Что оказался в Бресте.

Когда уехал Зейнолла,
Ребенку было годик.
Ревела тетя Токтасын¹
Судьбу предвидя вроде.

Грозою пронеслась война,
Выходят замуж вдовы.
Растила бабка сироту,
Хлебнувши горя вдоволь.

Калидоллы ребенок рос
И был он семилетним,
Когда Ты, прибыв из Москвы,
Осталась неприметно.

Мы в Акбузау пришли пешком:
Жилось тогда всем трудно.
Обычай сохраняя, Ты
Всем кланялась прилюдно.

Невестку встретив, женщины
Бросали в нас шашу.
«А твой шутливый голосок
Их поразил чуть-чуть. —

- Ты значит помнишь те слова,
Что я сказал так крепко?
Ей расшибете голову?! -
Вскричал, махая кепкой.

Те женщины, оторопев,
Взглянули удивленно.
Но вскоре, снова зашумев,
Ввели в избу влюбленных.

Вошли мы в дом, где нет давно
Родителей в помине.

¹Это была мать Зейноллы Актангалиева, героически пошибшего при защите Бреста.

Веселье было аульчан
При лампе с керосином.

Мы пили чай без молока,
Талкан¹ - дедам, пшеница
Трещала в молодых зубах.
- Очаг отца дымится, —

Промолвил только лишь старик,
Как козочка вскричала.
Ее втащила за рога
Старуха для начала.

Сказала тетя Токтасын:
- Родные аульчане,
Шесть лет пустует этот дом,
Невестка светом станет!

Коль был бы жив брат Нуршаих,
Устроил той с размахом.
Наевшись мяса, старики
Вздыхали бы со вкусом.

Коню откуда жировать,
Не отойдя от джута?
Кому скотину содержать,
Коль без мужчин от смуты?

Я привела на той козу,
Чтоб состоялся праздник.
Не буду с вами голодать,
Когда вселилась радость!

Джигиты, взявшись за ножи,
Не соизвольте спорить.
Мою козулю заколов,
Должны казан наполнить!

¹ Талкан – толокно.

Уважив свадьбу для невестки,
Не обходите дастархан.
Пусть той послевоенный,
Наш первый, сокровенный
Запомнят все, как Азильхан.

Едва пришедшую с войны
Невестку все встречайте.
Не в благость ли душе даны
Улыбки изначально?! -

Наверно, в памяти твоей
Хранятся эпизоды.
- Не забываю никогда:
То время сказки вроде!.. -

Еще Ты после этих слов
Отозвалась слезами.
Воспоминание вот так
Овладевало нами.

- Тот Зейнолла – твоя родня,
Который в горьком списке.
Он – сын, погибший на войне,
Старухи нашей близкой.

Калидолла – героя сын
Стал азаматом ныне.
Живет сейчас он в «Акбузау»,
Лихой, что кровь не стынет. -

«Нашли» немало мы родни
Вдвоем при разговоре.
Пятнадцать дней определив,
Мы снова были в сборе.

В обкоме транспорт брать пришлось,
Осведомив о цели.

По Белоруссии найти
Места боев сумели.

- Освободители пришли! –
Вскричали белорусы.
На школьных встречах дети нас
Приветствовали дружно.

Конфеты раздавала им
Степенным жестом щедро.
И сувениры Алматы
Как-будто сдуло ветром.

Давались диву, увидав
Алатау силуэты:
Апорты будто навесу
В саду в разгаре лета.

Значки Маншук и Алии
Ты раздала в придачу.
Узрел, как после слов твоих
Иные люди плачут.

Там Старовыжевск, Ковель есть,
Известные лесами.
Мы партизанских троп узлы
Увидели глазами.

Припомнили в какой-то миг
Токтагали с Адием¹
Владимир Фурсов и Габбас²
Бои здесь проводили.

Как гид у нас Ласкович³ стал,
Определен обкомом.

¹Токтагали Жангельдин. Ади Шарипов – партизаны Белоруссии, писатели.

²Владимир Фурсов и Габбас Жуматов – тоже партизаны.

³В.В.Ласкович – научный сотрудник музея «Брестская крепость», кандидат филологических наук.

И он, как бывший партизан,
С лесами был знакомым.

Оставив чащу, бурелом,
Мы добрались до Бреста.
Благодарили от души
За помощь, что уместна.

Ни разу Ты не подала
Усталости примету.
Что придавало больше сил,
Подобно в сердце свету.

От благ твоих я отлучен, -
Уходит вдохновение.
Отметив восемьдесят лет,
Познал любви значение.

Без женщин в жизни света нет:
Для всех людей – опора!
Любви знамена в их руках,
Поднявших на просторе!

Я на вопрос: «А где любовь?»
Отвечу: «В сердце женском!»
Коль о блаженстве есть вопрос,
Отвечу: «В слове веском!».

- Всего на свете что сильнее?
- От женских слов отвага. -
Всевышним женщины любви
Порождены для блага!

17.04. 2003.

44

Лишь Ты одна – моя Джаконда,
И всю Тебя мне не объять.
Хоть сколько б лет не проходило,
Не мог к «умершим» причислять.

...В годах еще восьмидесятых
Мы в Невель прибыли с Тобой.
А там Маншук с Абилхаиром¹
Лежали под одной плитой.

Мы взяли землю с той могилы,
В которой рядом брат с сестрой
Потом нашли тут Ибраима²
Кто нам известен как герой.

В честь Дня победы майским утром
Организован митинг здесь.
Так дружно вышли горожане,
Что мемориал заполнен весь.

Вначале слово генералу, -
Припомнил павших Карпелюк³ .
Поникли люди головою
От холода военных выюг.

Затем и мне досталось слово.
Я вспоминал своих друзей.
Сражалась сотоя бригада,
Прославив мужество парней.

В Москву приехали мы снова,
Чтоб посетить твои места:
Лубянку, Яузу и главпочту
Ты называла неспроста.

Три года здесь была как цензор,
Любила по Москве ходить.
Была ефрейтором по службе,
Смогла сержанта получить.

¹ Абилхаир Баймолдин (1909-1944) - полковник, командир сотой стрелковой бригады, потом командовал первой Невельской стрелковой дивизией.

² Ибраим Сулейменов (1911-1943) – знаменитый снайпер сотой казахской стрелковой бригады, уничтоживший около 300 фашистов.

³ Карпелюк Андрей Иосифович – генерал-майор, командир первой стрелковой (впоследствии Брестской) дивизии, сформированной на основе прежних 31-ой, 100-ой стрелковых бригад.

В одном киоске, что на почте,
Купили мы цветной альбом.
Об этих днях себе на память,
Чтоб помнить в возрасте любом.

Придя в гостиницу, дивились
На репродукции картин.
Владелец кисти гениальной
Творил шедевры сам один.

Я на «Джаконду» Леонардо
С восторгом явным посмотрел.
От удовольствия такого
Тебя с ней приравнять посмел:

Улыбка, как Твоя, уж точно,
Похожа даже на лицо. -
- Да ну тебя! – рукой махнула,
Хотя почудилось родство.

Вчера меня тоска объяла,
Не знал куда себя девать, Халима!
Увидев на фото улыбку
Нашел джаконодической подстать, Халима!

В моей судьбе другой Джаконды
Вовек и не было, и нет, Халима!
Звездой сияющей на небе
Ты излучаешь яркий свет, Халима!

Лишь Ты одна – моя Джаконда,
И всю Тебя мне не объять, Халима!
Хоть сколько б лет не проходило,
Не мог к «умершим» причислять, Халима!

С другими книгами на полках
Альбомов десять берегу, Халима!
Осталась вечно сохраненной
И Ты в груди, пока смогу, Халима!

Собрал все лучшие портреты,
Копировал, чтоб уберечь, Халима!
Хотел бы памятную книгу
Издать, чтоб радостью облечь, Халима!

Иные снимки из тех фото
На камне высечены впрок, Халима!
Чтоб каждый, будучи в кумбезе,
Увидев, вспомнить Тебя смог, Халима!

Скучаю по Тебе изрядно,
Джаконда и душа моя, Халима!
Чтоб долго так не огорчаться,
Добравшись, лягу рядом я, Халима!

Но до того роман, коль в силах,
Хотел бы посвятить Тебе, Халима!
Пусть будет пред любовью нашей
Угодно время дать Судьбе, Халима!

26.07.2003.

45

Сегодня уж два года
Живу я без Тебя.
Мы вместе не шагаем,
Прогулки полюбя.

Сегодня уж два года,
Как погружен в тоску.
И каждый день мне больно,
Никак не отвлекусь.

Известны дни по счету¹,
Но не проходит боль.
Тоска снедает душу
Невидимо, как моль.

¹ В оригинале точно указаны семьсот тридцать дней.

Не скрою, даже плачу:
Вокруг ни звуков нет.
Хотя Ты однажды
Откликнулась в ответ.

Хотелось бы в объятия,
Как прежде, заключить.
Но не было и в мыслях
Тебя в том заменить.

Ни на кого так нежно
Не довелось глядеть.
Представив милый образ,
Желаю лишь воспеть.

Сегодня отчитаться
Надумал пред Тобой.
Хоть от меня далека,
Величествен покой.

Когда с Тобой прощались,
Едва закончил речь.
Такое было горе,
Что мог я рядом лечь.

- Душа ушла, - промолвил, -
Наполовину с ней!
Оставшись сиротою,
Говорю средь людей! —

Еще сказал: «Тоскливо
Стою в прощальный час.
Возьми с собою сердце:
Оно с Тобой как раз! —

Прислушались мне люди
И не скрывали слез.

Сана¹ пустился в голос,
Трясаясь, к Тебе прирос.

...Потом в кафе поминки
Благословлял имам
Я восемьдесят книжек
Раздал в подсчет годам.

...Была сороковина,
Где слово произнес.
Оно во всем народе,
Как притча, разнеслось.

Журнал «Жулдыз» представил
Поэму «Халима»,
И в четырех газетах²
Прочтет народу тьма.

Звездой телеэкрана
Хочу назвать Тебя,
О жизни, что совместна,
По радио трубя.

Писал еще стихами,
Поэму сотворил.
Строк около двух тысяч
Любимой посвятил.

Назвав стихи отдельно,
Как «Письма Халиме»,
Я выпускаю книгу:
Нуртай с подмогой мне.

Закончив здесь с отчетом,
Прощаюсь, Халима.

¹ Габдулсана Садыков - инженер, кандидат технических наук, двоюродный брат Халимы.

² «Халиму» из журнала «Жулдыз» перепечатали газеты: республиканская «Касс-кагым сат», Павлодарская областная «Сарыарка самалы», городская «Семей таны», и международная «Турик алеми» - «Тюркский мир».

Коль жив-здоров я буду,
Создам еще роман.

Мы все, вчера собравшись,
В былое унеслись.
За камень в изголовье
Так рады, как ни в жизнь.

Не все еще с кумбезом
Нам удалось в чести.
Здесь памятник навечно
Хотим мы возвести.

27.07.2003.

* * *

Вот сегодня под утро
Я увидел во сне:
«Азильхан!» - как живая,
Обратилась ко мне.

С телефона как-будто
Мне звонила домой.
- Ты откуда? – невольно
Повторял сам не свой.

Телефон тот несчастный
Несусветно хрипел.
И, мгновенно проснувшись,
Я печально смотрел.

Отыскав свою ручку,
Начал тут же строчить.
Так стихи создавались,
Что спешу подарить.

Находила разгадку
Только Ты моим снам:
- Никому не поведай,
Понимая лишь сам! –

Так и сны опекала,
Чтоб окреп на коне.
Мы с Джамбулом скакали.
Соревнуясь, во сне.

- Умолчи, - подсказала, -
Удивительный сон!
Коль Джамбул посещает,
То поддержит и он. -

Говорил ей однажды:
- Снился сам Президент.-
И шутил, и смеялся,
Произнес комплимент.

- Не воспримут иные
Твои сны и твой труд:
Там, где властвует зависть,
Честь превратно поймут.

Есть враги поневоле,
Что известно давно.
Даже сны вот такие
Народят их полно.

Никому не вскрывая,
При себе сохрани.
Без того из-за правды
Удручают враги. -

Беспокоясь душевно,
Так давала совет.
Кто осмыслит отныне
Мои сны или нет?

27.07. 2003.

46

Прости на милость, Халима,
Не завершил я это дело.

Все силы прилагал, как мог,
К постройке приступая смело.

К поминкам годовым как раз
Кумбез возвысился отменно.
Все дети наши сообща
Копили деньги неизменно.

Вполне закончить в этот срок
Не удалось, хотя и больно.
Но доведем мы до ума,
Что будешь, милая, довольна.

Одна волнует сторона,
Где есть проектные доделки.
Из-за нехватки нужных средств
Сбегают временные стрелки.

Поставлен памятник Тебе
Из прикаспийского гранита.
Тому безмерно был я рад,
Хоть торопил порой сердито.

Покрыть гранитом мы должны
Всю придорожную сторонку.
До лета оградим кругом,
Чтоб расцвели цветы вдогонку.

И все-таки на третий год
В готовность приведем обитель.
Когда закончится проект,
Достигну цели как хранитель.

Известно, «нет суда на нет»,
Ты знаешь это досконально.
Еще лишь годик потерпи:
В Тебе с терпением нормально.

Иные воздвигают «Кремль»
За месяцы, что не угнаться.
Нам лучше быть самим собой,
Мне надо быть, а не казаться.

Прости меня, душа моя,
Что не изжил нерасторопность.
Между Тобой и хвастовством
При жизни находилась пропасть.

И поэтому, согласовав,
Мы занялись кумбезом малым.
Как юрта белая, стоит, -
В степи пристанище усталым.

Коль превосходство среди других
Мне захотелось бы отметить,
То твой кумбез, как у Баян,
Как парус в море, бел и светит.

Прости меня, моя Баян,
За откровение такое!
Признаюсь снова, что в долгу
За наше чувство неземное.

27.07. 2003.

47

Тебя увидев, Халима,
Увидев в мыслях, восторгался!
И у колен твоих присев,
Обнять невольно порывался.

Вчера все дети собрались,
Когда прошли уже два года.
Мы вспоминали лишь Тебя,
Что прояснилась непогода.

Пришли к нам Турсынбек с Куляш¹
В кругу с которыми отрада.
Сердца настолько бились в лад,
Что горе в нас сменила радость.

Мы к телевизору потом
Подсели, чтобы вновь увидеть,
Как мы гуляли от души
В былые годы не в обиде.

“Видеокассета” дала
Возможность вспомнить время точно,
Когда родные и друзья
Сидели рядом праздной ночью.

...Вот семьдесят моих годков¹
Мы в “Акбузау” отмечали.
На трех машинах легковых
В родной аул мой приезжали.

Девчата вышли нас встречать
В нарядных, в вышивках, костюмах.
С домброй веселья через край:
Кругом звучали песни, юмор.

Мы помним игры аульчан:
Борьбу, кокпар, лихие скачки.
Родная степь как колыбель,
Где есть зародыши удачи.

Одна невестка в этот день
Вдруг разрешилась первой дочкой.
И Халимой назвав ее,
От радости попала в точку.

¹ Турсынбек Какишев считал Халиму родной старшей сестрой. Куляш Садыккызы Ахметова – вторая супруга Турсынбека, на который женился после кончины Кубиры Аубакировой.

¹ Подобно другим писателям, не приходилось мне праздновать 50-60-летние юбилеи. На 70-летие¹ друг Турсынбек, несмотря на мои возражения, повёз в родной аул «Акбузау», где земляки устроили той.

Восторженно смеясь, вдвоем
Пришли домой к новорожденной.
Отвесив землякам поклон,
Рекла коленопреклоненно:

- Ты – МАТЬ моя, отныне – МАТЬ!
Ты осветила мое имя.
Потом , причмокнув малыша,
Сказала слово побратима:

- Покуда тезка подрастет,
Следить я буду верным оком. -
И к этой дате каждый год
Подарки слала по тем срокам.

...Из Акбузау прибыв в Абай¹ ,
Где проводила свое детство,
Мы получили в Кундызды²
Живых обычаев в наследство.

...В тот девяносто седьмой год
Была и золотая свадьба.
Нас восхваляли, например,
Умильно все, как сестры, братья.

Когда-то фильм Халил³ снимал
О нас с Тобой на память детям.
И вот тогда повсюду вместе
Какишевых чета уместно
Попала в кадры ленты этой.

...Вот так пробыв здесь два часа,
Сидел с поникшей головою.
“Куда, куда..., златые дни”⁴ , -
Лишь повторял я сам собою.

¹ Абайский район бывшей Семипалатинской (ныне Восточно-Казахстанской) области.

² Кундызды. Журекадыр - родные места Халимы в том районе.

³ Халил Омаров - кинорежиссёр. В 1994 году он снял о нас с Халимой двадцатиминутный документальный фильм «Годы радости и любви».

⁴ Слова монолога Ленского из поэмы Пушкина «Евгений Онегин».

Среди надежных стен один
Был погружен во тьму печали.
Но это детям⁵ за “видео”
Сказать спасибо не мешало.
28.07. 2003.

Стельки для моей обуви

Встал я рано поутру,
Чтоб к фотографу пойти,
Кто с фото твой облик мог
До портрета возвести.

Второпях одев костюм,
Ноги быстренько обул.
Но почувствовал внутри,
Что ступню стручок кольнул.

...Ты однажды принесла
Стельки в шишках для меня.
Пояснила: “Здоровей
Будут ноги с того дня”.

Трудно стала мне ходить:
Стручки давят на ступни.
- Что купила, - пробубнил. -
Если можно, замени. —

Между тем я про себя
Недовольство затаил.
Улыбнувшись, Ты в ответ
Разъяснила в меру сил.

Понимаю, осознав,
Что болела за меня:
Под ступнями шишаки
Были нервам, как броня.

⁵ Имею ввиду сыновей Арнура. Жаннура и племянника Сакена, которые на 70-летию были с нами и снимали на кассету всю поездку.

Говорила Ты тогда:
- Нервы будут ощущать,
Что несут какой-то вес,
Икрам пухлости не знать.

Как подспорье долгих лет,
Исключительная вещь!
Потому и стельки те
Боли ног должны отвлечь.

О здоровье есть журнал,
Где написано вот так.
Значит, он и виноват,
Коль не нравится никак.

Но, по-моему, стерпеть
Надо, чтоб покой привить.
Девяносто лет тогда
Сможешь доблестно прожить! –

Я запомнил те слова,
Как бальзам на душу мне.
Стельки так нужны ногам,
Будто шторы на окне.

Их ношу лет тридцать три,
Не теряя милый дар.
Летом в тапки подкладу,
В сапоги – зимой, хоть стар.

Стельки эти волшебством
Подают в меня тепло,
Что и в этот самый раз
В мир стихов и занесло.

Возвышают даже рост,
Добавляя сантиметр.
Говорю иным друзьям,
Что забот подобных нет.

Рядом слышал Туманбай¹ ,
Как расхвастался при нем.
- Моей тети каждый шаг, -
Заявил, - мы воспоем! –

Нашу сагу твой браток
Пуще прежнего познал.
Одеваясь, ныне вот,
Вспомнив, вновь я простонал.

Стельки эти, признаюсь,
Так привычны стали мне.
Изнываю всей душой,
Что навек Ты в стороне.

Пальцы искусать готов,
Сожалея вплоть до слез,
Почему, любя Тебя,
Стельки в дар не преподнес!..

28.07. 2003.

49

Твой платок

Непомерно длинный стол
Разместился поперек.
Яства полон он всегда,
Что не есть никто не мог.

Мебель ту облюбовав,
Ты в квартиру занесла.
Сам Ауэзов гостем был,
Угощала, как могла.

Здесь Габит и Абдильда
Отдыхали средь гостей.
Музафар и Турсынбек
Да Ади¹ живых живеи.

¹Туманбай Молдагалиев – поэт, Народный писатель Казахстана. Он обычно к Халиме обращался «моя тётя – менің апам».

Чтобы видеть их в лицо,
Мы сядились здесь рядком.
Рюмки и фужеры враз
Проносились с ветерком...

Стол заветный сохранен,
Не бывает без гостей.
Только нет Тебя вблизи:
Дома в памяти моей.

Вновь оглядываю стул,
Где расправлен твой платок¹, -
В пестрых крыльях предо мной
На подушках голубок.

Не садится там никто:
Назван тулом² конь такой.
Коль привычка неспроста,
Не проходит сам собой.

Спинка стула мне – спина.
Глажу тихо, как во сне.
Зацеплю платок рукой, -
Вздрагивает все во мне.

Наступает тот момент,
Будто рядом Ты со мной.
И в невольном забытьи
Я тянусь к Тебе рукой.

Проговаривая тост,
Уловить могу твой тон:
Стул с платком и твой портрет
Помогают с двух сторон.

¹ Габит Мусрепов (1902-1985), Абдильда Тажибаев (1909-1998), Ади Шарипов (1912-1993) – видные деятели казахской литературы XX века.

¹ Летний шёлковый платок Халимы и маленькие подушки, сшитые ею самой.

² Тул – одинокий, бесплодный.

Происходит так порой,
Что поглаживаю грудь.
Потому что твой платок
Может на сердце прильнуть.

В сердце и на стуле враз
Умиляют два платка.
Точно рядом Ты со мной,
Хоть на время, хоть пока.

Если сердце ноет сверх,
Уезжаю на Кенсай.
Там, могилку преобняв,
Раскрываюсь через край.

Помогает, как бальзам,
Белокаменный кумбез
А в квартире твой платок
Заглушает прямо стресс!

28.07. 2003.

50

Помнишь, Жалима, тот день,
Как пришел домой в расстройстве?
Вмиг взглянула на меня,
Обратившись в беспокойстве.

- Что случилось, расскажи? –
Ты твердила неотступно.
Я признался: “С Алией¹
Разминулись мы подспудно.

Ей отвесил я поклон:
Отошла, не тут-то было.
Хоть сказала б: “Кайнага² ,
Мой привет”, коль не забыла.

¹ Алия Бейсенова – одна из моих уважаемых снох, супруга нашего давнего друга Серика Кирабаева. Впоследствии Алия стала членом – корреспондентом, а Серик – действительным членом Академии наук Казахстана.

²Кайнага – старший брат мужа.

Мы звались: “Невестка!” “Брат!”
Где и юмор был уместен.
Как родные и друзья,
Думал, вечно будем вместе.-

Ты на время замолчав,
Призадумалась немного.
Я иное ожидал,
Что осудишь ее строго.

В жизни впрочем жены все
Не трепещут за супругов?
Их противников подряд
Не винят твои подруги?

Хоть твоей подмоги ждал,
Ты ответила иначе:
- Алию не обвиняй,
В нас самих вся неудача!

Сам подумай хорошо,
Как дружили в одно время?!
Столько было в нас забот,
Что довольны были всеми! —

...Замолчал и я тогда
После горького упрека.
Вспоминаются те дни
Независимо от срока.

Мы росли среди друзей
Вместе под крылом устаза¹
Уважения полны,
Что не ссорились ни разу.

Подружил Мукан² юнцов,
Кто писать имел склонность.

¹ Устаз – учитель, наставник.

² Мукан Иманжанов (1916-1958) – известный казахский писатель.

Набралось нас полный дом,
Что порой теряли скромность.

Зейнолла, Серик, Хамит
Собирались в том жилище.
Кайнекей, Музафар, Токен¹
Также были под той крышей.

Проживая в Кереку² ,
Брать пример у них старался.
Духом сильным, как магнит,
У Мукана набирался.

Приезжая, каждый раз
Мчался, словно ветром сдуло,
Торопился рассказать
О житье-бытье аула.

Запозднившись находил
И у Серика стоянку
Не забыть, как Алии
Стол ломился спозаранку...

Но безжалостно судьба
Увела от нас устаза.
Разлетелись из гнезда,
Что расколото, как ваза...

Помолчала Ты чуть-чуть
И сказала между прочим,
Обеляя Алию,
Не расстраиваясь очень:

- Алматы услышав зов,
Попрощались с Павлодаром.

¹Зейнолла Кабдолов, Серик Кирабаев, Музафар Алимбаев, Хамит Ергалиев (1916-1997), Кайнекей Жармагамбетов (1918-1974), Токен Абдрахманов (1917-1990) – писатели, сгруппировавшиеся вокруг Мукана Иманжанова.

²Кереку – Павлодар. Тогда я был корреспондентом газеты в Павлодарской области.

По прибытии к друзьям
Заходили с пылом, с жаром.

Серика же с Алией
Пригласить мы не сумели.
Не дождавшись доброты,
Отвернуться и посмели.

В гости нам бы их позвать,
Позабывшись вначале.
Как-то сразу не смогли,
Там с работой подкачало.

По природе человек
К чувствам трепетным навязчив.
“От щепотки табаку,
Говорят, до ссоры вящей”.

- В гости надо бы позвать.
Здесь не надобно и медлить. -
Ты сказала: “Позовем,
То обдумала намедни!”.

- Коль уж треснет вдруг стекло,
Можно ли представить целым?
Сил не хватит никаких,
В чем уверился на деле.

Истинны твои слова, -
Убедился в этом вскоре.
Неприметный треск “стекла”
Обернулся мне укором.

Написав большой обзор
Об успехах каламгеров¹,
Друг Серик мой упустил,
Позабыв меня, наверно.

¹Каламгер – служитель пера,

И в энциклопедии¹
Помещен солидный очерк,
Где назвал моих коллег,
Не упомнив друга впрочем.

Это он вступить в Союз²
Мне давал рекомендацию.
Расхвалив по-праву, вдруг
Как бы выгнал в эмиграцию.

Неужели он успел
Позабыть мои романы?
Если братья неверны,
Как поверить в талисманы?

Да еще и Бекежан³
Обойден в его обзоре.
Вот лишь только нас двоих
“Вознамерился позорить”.

В чем виновен Бекежан
Мне доподлинно известно.
Не сулил ничем вреда,
Чтоб наказывать совместно.

Как увидел я вчера,
Серика, про это вспомнил.
Только я с Тобой делюсь,
Как когда-то прежде дома.

Находились мы вдвоем
По соседству в двух палатах.
За одним столом присев,
Мы питались, словно братья.

¹ Казахская литература. Энциклопедия. Печатный дом «Билим», А., 1999, с.368.

² Рекомендации дали Серик Кирабаев и Мукан Иманжанов.

³ Бекежан Тлегенов (1934-1998) – известный писатель, автор нескольких романов.

Про обиду, умолчав,
Не сказал ему ни слова.
Преобняв, поцеловал,
Не держа зла никакого.

“Ссор излишних избегай”,
Говорила, завещая.
Наставления твои
Исполняю, дорогая.

Халима, теперь позволь
Причитание закончить.
Умница моя, с Тобой
В жизни не бывал уклончив!

29.07.2003.

51

Сегодня ночью я опять
Тебя во сне увидел.
Крутила Ты веретено.
- Зачем? - спросил при виде.

- Из пуха козьего тебе
Носки связать хотела.
Зимою будешь при тепле
Здоров на самом деле! -

Вот так ответила Ты мне,
Премило улыбаясь.
Какой-то звук из-за окна
Прервал мой сон, врываясь.

Проснувшись, гладил от тоски
Твою подушку рядом.
И про себя я пожалел:
- Тот сон продлить бы надо! -

О, ненаглядная моя,
Заботы столько было,
Что мне казалось иногда,
Предугадав, творила.

Вязала, шила для меня,
Испытывая радость.
“Своею фабрикой!” назвать
Надумал шутки ради.

Моим богатством Ты была,
Которого лишился.
Обобранный безжалостно,
Я в бедность облачился.

Твоей подушки нежный пух
Я только ощущаю.
Подушка рядом, Тебя нет, -
Как горе снять, не знаю.

Потерянно лежу без сна
С раскрытыми глазами.
С Тобой я был как хан, султан!
Теперь объят слезами.

52

Недавно был я на Кенсае,
Чтоб вечный камень примостить.
По сторонам там оглянулся
И смог Кумбез твой оценить.

Когда Тебя похоронили,
Остался только бугорок.
Печально думал, что поставить
Высокий памятник не смог.

Теперь я вижу минареты
Кругом, подобные лесам.

И тут невольно заключаю,
Что это нам не по зубам.

Здесь при одной из тех могилок
Построен целый городок.
Он обнесен сплошной стеною:
Кремлю сподобить кто-то смог.

Там Нуркадилов по соседству¹
И Сапарбаев в том ряду² .
Я не богат, но что поделать, -
И за Турысовым³ бреду.

Им не завидую нисколько,
Лишь излагаю все, как есть.
Зачем мне дело до ретивых,
Когда ответственен за честь.

Притом министры, бизнесмены,
Устроив гонку, ввысь глядят.
Швыряя деньги безоглядно,
Друг друга ослепить хотят.

Но все скупые по натуре,
Что нищим не дадут копыя.
А в устремлении ко славе
Из них любой, как в скачках, рьян.

Старо, как прежде, в этом мире
Тебе знакомое житье.
Есть баи, бедняков хватает,
Одетых в жалкое тряпье.

Мы, хоть соседи с Заманбеком,
С ним не общались никогда.

¹ Нуркадилов Заманбек – бывший Аким Алматы и Алматинской области.

² Сапарбаев Бердибек – бывший Аким Кзыл-Ординской и Южно-Казахстанской областей, затем был председателем республиканского таможенного комитета. Его сын, погибший от автомобильной аварии, похоронен на пригорке неподалёку от кумбеза Халимы, возле мазара Нуркадиловых.

³ Турысов Каратай – дважды депутат Маслихата РК.

Он окружен таким почетом,
Что свысока смотрел всегда.

Опять соседями мы стали.
Но здесь одни права у всех.
Потом хотя бы пообщались,
Раскрыв секреты для утех.

Однако прежнее начальство
Себя возвысить мог и там.
Нас много и не лыком шиты,
И незачем проситься нам.

С Тобою рядом мое место.
Нам суждено здесь вместе быть.
Мы с песней о любви навечно
Повенчаны, что не забыть.

Общаться будем мы с Жунисом¹
Сосед отменный, давний друг.
Мы будем вспоминать о детях,
Беседы расширяя круг.

Не знаю, кто пойдет курганы
Чинов высоких обозреть.
Но молодежь, Кумбез увидев,
Свернет, волнуясь, осмотреть.

На камне надписи читая,
Дойдет до высеченных книг.
Страницы их потом листая,
И нас представит хоть на миг.

КУМБЕЗ ЛЮБВИ, вполне возможно,
Сердца влюбленных назовут.
Как о Козы с Баян прекрасной,
Легенду нашу понесут.

¹ Жунис Ибраев (1928-2002) – писатель, журналист, наш старый друг.

Ты избегала слов красивых.
Что ныне мне пришли на ум.
Во мне фантазия такая.
Что все ж сказал не наобум.

Насколько нам с детьми известно.
Распространился добрый слух.
Мариям-апай¹ твоя сказала
При людях так, возвысив дух:

- Мне по душе, что ты в наследство
Построил памятник любви, -
Добавив: "Предков это чувство
Несешь, наверно, ты в крови!".

Изрек еще один писатель² :
- Придут паломники сюда! -
И гости³ были из Тараза,
Придя, чтоб почести воздать.

Молитву прочитав пресвято
Бывал и братец Отеген⁴ .
Не перечислить поименно
Поклонников у белых стен!

05.08. 2003.

53

Еще скачу, себя стегая:
Проносится за годом год.
Тебя никак не забывая,
С бессонницей заря встает.

¹ Мариям Кожахметкызы - жена классика казахской литературы Сабита Муканова, прозванная по-праву «Матерью казахских писателей»

² Капан Камбаров (1921) - автор романов «Любовь двух сердец», «Пристанище любви», который о кумбезе Халимы мне писал: «Рано или поздно этот кумбез станет постоянным местом посещения молодёжи после регистрации во дворце бракосочетания».

³ На похороны трагически погибших детей Каратая Турысова из Тараза в Алматы прибыло множество людей. Одна группа из около двадцати людей, возглавляемая аксакалом Утаем Алимкожаевым, мужем покойной Майры Ибраевой (прототип Майры Абаевой из моего романа «Годы радости и любви») посетила кумбез Халимы.

⁴ Отеген Кумисбаев - поэт, профессор Казахского Национального университета имени Аль-Фараби.

За восемьдесят лет с уклоном
Мне удалось перевалить.
В меня привносят дети радость.
Что успевай благодарить.

Я пред Тобой в долгу поныне
За то, что в здравии живу!
Ты пятьдесят четыре года
Улыбкой грела наяву!

В долгу за то, что на распутье
Давала вовремя совет,
Мои все трудности делила.
Упорно двигаясь вослед!

За то, что вместе и в больнице
Превозмогала недуг свой!
И днем, и ночью Ты в палате.
Отринув сон, была со мной!

За то, что прилагала силы,
Чтоб мне здоровье возвернуть!
За то, что, отлучив от смерти,
Мне помогла продолжить путь.

За то, что, вытащив с инфарктов,
По жизни снова повела!
За то, что о сиротской доле
Напомнив, отвлекать могла!

За то, что гордость подарила,
Овеяв славой в полный рост.
Держала счастье на ладонях,
Чтоб я, приняв, его понес!

В долгу за то, что шла по жизни,
Трудясь лишь только для меня!
Тебя воспеть я обещаю,
Насколько хватит мне огня!

08.08. 2003.

Сегодня прибыв из Ташкента,
 Зашли Жанар и Алия¹
 По возвращении помчались
 В Кенсай приветствовать Тебя.

Увидев там Твое надгробье,
 Они пришли в большой восторг,
 Что ликование такое
 Душой воспринял я, как мог.

С цветами приходили дети,
 Что им сопутствует всегда.
 Снимает горе с меня на день
 Приход без всякого труда.

Мы здесь к Аскарону свернули,
 Кого могила по пути.
 Герой Труда, отец подруги:
 Его нельзя нам обойти².

Увидели министра дворик,
 Что по соседству был к нему.
 Склонивши голову, супруге³
 Салем отдали посему.

Мы любовались красотой
 И блеском дорогих камней.
 За Сулейменовых довольны,
 Что почестъ сделали по ней.

Поблизости там Нуркадилов,
 Аскарон был недалеко.

¹ Жанар – наша старшая дочь. Алия – младшая внучка, которые ездили погостить в Ташкент к моей внучатой племяннице Сабине.

² Аскарон Асанбай (1922-2002) – известный государственный деятель. Герой Соц.труда. Наши первенцы Жанна и Жанар росли подругами.

³ Надгробье жены бывшего министра Иностраннных дел Т.Сулейменова покойной Светланы Сулейменовой.

Блестящим куполом кумбеза
И Ты вспорхнула высоко.

- Как оказались среди элиты,
На погребении чинов?
Как мы попали на пространство,
Что перекрыто на засов?! -

Жанар, душа моя, дивилась,
Что свыше определено.
- Апа достойно заслужила! -
Решила Алиа давно.

“Да будет так!” - негласно вторил.
Тут. безусловно. Твой успех!
Как-будто братья и родные,
По-доброму встречала всех.

Твой благодетельный характер
Судьба отметила вполне.
“Благому Бог помог!” - нередко
Напоминала Ты и мне.

Ах, чудо, золотце, родная,
Чиста была Ты. как хрусталь!
“Примеру жить!” - я повторяю,
Как заповедь, что так проста.

С Тобою молча попрощавшись,
Вернулись в дом свой городской.
С усопшими нас по дороге
К общению влекло порой.

Работы за столом премного:
Статьи, ответы, интервью.
Чтоб все исполнить в свое время,
Поможет дух Твой, как в бою!

09.08. 2003.

Ты, как Тенгри, повсюду рядом!
 В Тебя я верю и молюсь.
 Когда же снова вспоминаю,
 Твоим всецело становлюсь.

Недавно, раскрывая книгу,
 Увидел: смотрит сам Сырбай¹.
 А рядом - Кульжамал, супруга.
 Вздыхнул с приветом невзначай.

Сырбая подвело сердчишко.
 Куда деваться, знать, судьба.
 Я вспомнил как-то на досуге
 Твои приметные слова.

Разлегшись навзничь, я в постели
 Болезнь свою одолевал.
 И вдруг, звеня на всю квартиру,
 Наш телефон к себе позвал.

Едва достав его рукою,
 Я трубку к уху приложил.
 Ты находилась в кабинете,
 Где телефон и мой звонил.

- Кто это? - голос раздраженный
 Неукоснительно спросил.
 Какой-то женщины обиду
 По тону сразу уяснил.

- Я - Азильхан, - ответил просто.
 Здесь голос с визгом поносил:
 - Коль Азильхан, чтоб к чорту сгинул,
 Чтоб пулей Бог тебя сразил.

¹ Сырбай Мауленов (1922-1993) - народный писатель Казахстана, крупнейший поэт.

Чтоб окошел! Пускай засыпает
Глаза твои сухим песком!
Пусть рай и близко не подпустит,
Чтоб в ад попал ты прямиком!

- Кто это так меня поносит?
И чем я кару заслужил?
Уж для таких-сяких проклятий
Вины зловещей не нажил. -

- Кто я? Я - Кульжамал, отрава,
Ты проявил собачью прыть.
По слухам, очернил Сырбая,
Чтоб благороднее прослыть.

- Нет. Кульжамал, ты успокойся.
Совсем написано не так.
Ты прочитай сама нарочно,
А слухам верит лишь простак.

- Читать не буду твои бредни,
Больные домыслы твои.
Он в жизни молока белее
Держался честно за троих! -

- Ты, Кулеке, отринь от гнева,
Не расходись, вся трепещи.
Упомянул о том попутно,
Когда не вынесла душа... -

- Чтоб ты теперь на этом свете
Навечно потерял покой!
Я за любимого Сырбая
Предстану каменной стеной! -

Не знал тогда куда деваться
От оголтелых горьких слов.
И вдруг нежданно, выручая,
Ты защитила мирный кров:

- Ах, Кулеке, спервоначалу
Скажи, как дети, как семья?
Ты в этой трудной перестройке,
Наверно, крутишься, как я?

Сперва ты выслушай спокойно,
Подруга милая, остынь.
Обиды от тебя, родная,
Принять готова и простить.

Меня ругай за Азильхана.
Причем готова умереть.
Твои проклятия на деле
Приму, хотя не одолеть.

Я на своей машинке в целом
Все ж отпечатала роман.
Знакомы мне слова Сырбая,
Что внес ЦеКа в свой темный план.

Всю горесть той молвы Сырбая
Всецело я перенесла.
Поверишь, дети голодали,
В глазах рябило, так жила.

В такую горестную пору
Тебя бы стала проклинать?
Мы молча все переносили,
Не замышляя обвинять.

Хоть Сыр-ага ступал излишне,
Не обделен был и умом.
Потом он сам пред Азильханом,
Прося прощения, бил челом!

Нельзя больного человека
Своим укором добивать.
Ты, Кулеке, не будь такая,
Зловредной склочнице подстать.

Ты, золотко, отменной крови,
Так оставайся золотой.
Не поддавайся злобе,
(Ахмет-ате¹ подобно).
Подумай умной головой... -

С такими вящими словами
Ты рассудительна была.
Остерегался вашей ссоры,
Хоть обходительной слыла.

А слово “золотко” уместно
Настолько вырвалось тогда.
Что рад был я, как от салюта,
От телефонного гудка.

Потом, приблизившись тихонько,
Проговорила между тем:
- Мой дорогой, не огорчайся,
Забудь ее слова совсем!

Она, бедняжка, зла от горя:
У ней вся горесть не прошла.
Чтоб как-то выплеснуть печали,
На нас и сердце сорвала.

Здесь одолели ее сплетни,
Которых вечно пруд пруди.
Не унывай, поверь с надеждой,
Что будет ясность впереди. -

Поскольку твердо настояла,
Чтоб я забыл тот разговор,
В “Казах адебиети”² вчерашней
Упомянул их на подбор.

¹ Ахмет Байтурсинов (1873-1938) – государственный деятель, поэт и ученый, основоположник казахского языкознания и литературоведения, родной старший брат отца Кульжамал, поэту Халима обратилась: «Ты, золотко, отменной крови».

² Республиканская газета «Казахская литература».

Про Кульжамал сказал хвалебно:
“Поэта чудная жена”.
Сырбаю даже дал оценку:
“Среди поэтов нар¹ сполна”.

“Супругой быть поэту трудно,
Зато дарует и почет”, -
Так написал и я уверен,
Что поддержала б мой учет.

Я слышу возглас твой: “Разумно!”
И “Гениально!” иногда.
Так преклоняюсь пред Тобою,
Как пред Тенгри, сполна всегда!
11.08.2003.

56

Ты, собирая мысли вкупе,
Не торопилась раскрывать.
Старалась, прежде все обдумав,
Вполне уверенно ступать.

Ты для любимого супруга,
Своих детей и всех друзей
Все трудности одолевала
Сама, без стука у дверей.

Имея под завязку знаний,
Не выставляла напоказ.
При неожиданной невзгоде
Хранила сдержанность подчас.

Поджав прелестно свои губы,
Не выражала лишних слов.
Однажды выбрав путь правдивый,
Обескуражила лгунов.

¹ нар – одногорбый верблюд, символ мощи.

Метлой поганой выметала
Из дома сплетен черный хлам.
И каждый день мои печали
Душой делила пополам.

Ты, Халима, была супругой,
Какую в мире не сыскать.
Одна любовь дана навечно,
Что помогла мне осознать.

Такую женщину святую
Любить мне было суждено.
Превыше даже новой книги
Тебе лишь радовать дано!

Судьбу в одном лишь осуждаю,
Что разлучила навсегда.
Любовь, когда была в зените,
Слетела тихо, как звезда.

11.08. 2003.

57

Сегодня младшей внучке
Уже шестнадцать лет.
Все дети были в сборе:
Веселью края нет.

Несли свои подарки
Из близких стар и млад:
Глаза у ней от счастья,
Как яхонты, горят.

Как лучшее богатство,
Ты накопила книг.
Шестнадцать, подбирая,
Я выбрал среди них.

Сказал Алие¹ : “Бабка”
Купила для тебя!
“Абай ели”² там было,
Где родина твоя.

И пояснил подробно:
-Там вырос и Абай!
Там Халима-бабуля
Оставила свой край.

Там Кундызды речонка
Взрастила под луной
Великого Абая
С любимой³ заодно.

Когда альбом откроешь,
Бабулю вспоминай.
Приятное с полезным
Умело сочетай.

Акын Шакер считался
Для бабушки отцом.
Стихов, поэм немало
Он написал притом.

Известна его слава,
Могила на холме.
Коль побывать придется,
Почтить его сумей. –

Вот так сказав сегодня,
Исполнил дед свой долг.
Твое родство припомнив,
Испытывал восторг.

¹ Алия Арнуровна Нуршаихова – наша с Халимой младшая анучка.

² К 150-летию поэта-мыслителя Абая Кунанбаева в 1994 году издательство «Өнер» выпустило альбом-летопись «Абай ели» - «Земля Абая».

³ На местности между Кундызды – Журекадыром и Аягозам находился род Сыбан из племени Найман. Когда Абай побывал там, полюбил девушку Куандык, дочь известного акына Сабырбая. Это событие изображено в эпосе М. Ауэзова «Путь Абая». Халима была из этого рода Сыбан.

Альбом Алие вручая,
Подумал о Тебе:
“От гения Абая
Все лучшее в судьбе!”.

Куда там до Абая,
Но гений мой, как приз.
Хоть среднего Ты роста,
Была мне, как Чингис¹.

11.08.2003.

58

Ты помнишь, как от парня
Из недалеких мест
Пришло письмо такое,
Что смог безвинно сесть.

- Кто это, япырау? –
Дивились без конца.
Меня, чтоб заступился,
Просил он как отца.

Шофер тот провинился
Не так, чтоб срок давать.
Послав корреспондента,
Помог я оправдать.

Когда лежал в больнице,
Пришел он к нам домой.
Обросший и в лохмотьях,
Здоровался с Тобой.

- Я с помощью газеты
Тюрьмой освобожден.
“Помог мой Бог”, как видно,
Коль дядей возвращен.

¹ Чингис – Чингистауские горы, протянувшиеся между Абайским и Шубартауским районами, высотой 1000-1100 метров.

А звать меня Кенесом,
Спешу к себе домой.
Сперва вам поклониться
Решил я сам собой! —

Промолвил тот бедняга,
Едва произнося.
Ты встретила как брата,
Обрадовавшись вся.

Сварила даже мясо,
Коньяк был на столе.
Приняв в кульке конфеты,
Ушел навеселе.

Сказала: “Дядя болен,
Поклон твой доведу”.
Вот так Ты отводила
Тюремную беду.

Вновь зажил он в “Ожете”¹,
Наш Байтереков сам.
Узнав Твою кончину,
Здесь волю дал слезам.

Звонит по телефону
И держит с нами связь.
Прослыл он и поэтом:
Печатался не раз.

Тебе же посвящая,
Стихи он написал.
Еще в году прошедшем
В газете² прочитал.

¹ «Ожет» - аул неподалеку от Алматы.

² В газете «Казах адебиети» за 26 апреля 2002 года опубликовано стихотворение Кенеса Байтерекова, посвященное нам с Халимой.

Кенес – наш братец славный
Сегодня заходил.
С молитвой на Кенсае
Кумбез твой посетил.

Охватывает радость,
Услышав о Тебе:
“Бесценная, родная!”
Преграды нет молве.

Хорошее, что слышу
Так греет душу мне...
Твои автопортреты¹,
Как четверо планет.

У четырех портретов
Есть копии² еще,
Присутствие которых
Волнует горячо.

12.08. 2003.

59

Семьсот пятьдесят дней сегодня,
Как нет Тебя, о, Халима.
Никак не выпущу при жизни
Тебя из сердца и ума.

Семьсот пятьдесят дней сегодня
Тоскую только по Тебе.
Живу вдовцом закоренелым,
Предавшись полностью судьбе.

Семьсот пятьдесят дней сегодня,
Как сердце в ноющей тоске.
Ищу твои следы по свету,
Плывя тихонько, как в реке.

¹Под автопортретами имею ввиду наших с Халимой детей Жанар, Жаннат, Арнура и Жаннура.

²Это наши внуки и правнуки Сабина, Сакен, Дина, Алма, Алия, Халима и Ясмينا.

Семьсот пятьдесят дней сегодня
Слагаю о Тебе стихи.
Река надежды иссыхает
От каждой чувственной строки.

Семьсот пятьдесят дней сегодня
Не вижу милый облик Твой.
Себя не чувствуя порою.
Иду потерянно домой.

Семьсот пятьдесят дней сегодня
Как голос Твой совсем умолк.
С тех пор безжалостным кинжалом
Мне полосует сердце долг.

Семьсот пятьдесят дней уж точно
С Тобою рядом не прилег.
Любви большой и вековечной
Последней капли не извлек.

Хотя бы кончиками пальцев
Слегка коснулась Ты меня.
Твоей души и сердца пламя
Ушло, лишив меня огня.

Обширный мир на белом свете
Мне без Тебя настолько мал,
Что я за прядь и ноготочек
Его бы смело променял.

Чтоб лишь прославить твое имя,
Я приложу остаток сил.
Теперь мне надо жить по мере,
Пока твой образ не ожил.

Поскольку я живу на свете,
И Ты, душа моя, жива.
Уверен в том, что в материнстве
Примером стать есть все права!

Когда и я уйду из жизни.
Тебя немудрено забыть.
Забвение наступит следом,
Прощаясь с тем, чему не быть.

Хоть будут вспоминать и дети.
Совсем не так, как помнит муж.
А для Тебя на белом свете,
Как твой супруг, не будет душ.

Я говорю им многократно:
- Не забывайте Мать свою!
День ангела и день кончины
В уме держите, как в раю!

Пока они все вспоминают
Твои поступки и дела.
Но постепенно, как бывает,
За светом вновь наступит мгла.

Супруг надежный не забудет,
Лелея в сердце каждый день.
В его лишь памяти совместно
Жива, склонившись на плетенья

О, мир изменчивый, покуда
Живешь, довлеет теснота!
На свете лучше всех супруга,
С которой Жизнь – сама мечта!

16.08. 2003.

60

Любовь – единственное диво,
Как жизни символ золотой.
Любимые по всем законам
Идут дорогой столбовой.

В любви прожившие прекрасно
Уходят скоро в забытье.
Бывает здесь своя причина:
Абсурдны жизнь, само бытие.

А я по-прежнему питаю
Одну любовь к своей жене,
И всю оставшуюся жизнь
Причастен буду к ней вдвойне.

Пред ней даю святую клятву!
Меня послушай, Халима,
Воздам Тебе такую славу,
Что и за мной не скроет тьма.

61

Когда тоскую, сдвинув брови,
Печаль рассеить не могу.
Я, по Тебе всегда скучая,
Ума вполне не сберегу.

18.08. 2003

62

Ты золотых часов не стала
Носить, как водится, при всех.
Не переполнена шкатулка
Изделий ценных для утех.

Ты не смеялась неуместно.
Прелестна сдержанность твоя.
Делилась всем, что накопила,
С чужими тоже, как родня.

Колечко с драгоценным камнем
На палец не могла одеть.
Не принимала вещь благую,
Чтоб самоцелью не задеть.

Была подальше от завидок,
От сплетен сильно береглась.
Умом Ты просто различала
Добро и худо всякий раз.

Тобой довольны были дети,
Гостям отзывчиво всегда.
Жила с друзьями душа в душу,
Найдя подходы без труда.

Стремилась делать людям благо,
Как птица тянется в полет.
А то, что ссоры избегала,
Не каждый правильно поймет.

За пятьдесят четыре года
Мне душу ранить не смогла.
Земного ангела живого
Тупая смерть как унесла?!

Теперь тоскую днем и ночью,
Такое чудо потеряв.
Ищу места, где Ты бывала,
Но успокоюсь ли навряд.

Передо мною твои фото,
На них без усталости смотрю.
Твоя прекрасная улыбка,
Как в жизни, будит поутру.

Тебя целую на портрете,
Моя любимая жена!
Но что поделать мне, бедняге,
Когда нужна лишь Ты одна.

19.08. 2003.

В самолете

Лечу в Семипалатинск,
А в мыслях только Ты.
Сижу один, как лебедь
Без пары и мечты.

Всегда бывали вместе
На зависть чужакам.
И самолет, и поезд
Несли на радость нам.

Тоскую я невольно
По дням, что не вернуть.
Умчалось то пространство,
Куда заказан путь.

Семей¹ был колыбелью,
Куда стремился враз.
Из бедствий и сиротства
Вытаскивал он нас.

Как мать, Иртыш нас грудью
Поил, отняв наш страх.
Как дома, в интернате
Росла Ты на глазах.

По улице Советской²
Носились просто так.
Мы в Гоголевке³ нашей
Встречались, - добрый знак.

¹ Семей – казахское название Семипалатинска.

² Бывшая улица Советская – ныне проспект Абая.

³ Семипалатинская библиотека имени Н.В.Гоголя, открытая в 1883 году, где читателем в свое время был Абай (Ибрагим) Кунанбаев.

Нередко посещали
“Пролеткино”, “Восток”⁴
Мы разузнали остров,
Войдя в людской поток.

С той улицы Советской
Вдвоем ушли на фронт.
В войне четыре года
Отбыли, словно сон.

Теперь ищу местечки,
Где есть твои следы.
Надежды не теряю,
Что встречу вновь черты.

Дойду до интерната,
Чтоб поклониться сам.
За то, что здесь я встретил,
Привет и небесам.

Ты выростала розой
В пришкольном том саду.
Детей спасал в невзгодах
Твой интернат в роду.

Признательно, с душою
Открыть бы двери те.
Хочу держать перила:
Касалась в суете.

Вернувшись снова юность,
Смягчит мою печаль.
Как-будто Ты, встречая,
С улыбкой смотришь вдаль.

Паря по небу птицей,
В Семей наш я лечу
Ту юность дорогую
Приветствовать хочу!

10.09. 2003.

⁴Кинотеатры Семипалатинска той поры.

Ты и пальцы, как и уши
Не хотела украшать:
Привлекала в самом деле
Естественной природа – мать.

Возомнив “аристократкой”,
Ты гордыней не слыла.
Помню, как на кухне с книгой
По возможности была.

Не носила в сумке краски
Для лица и нежных губ.
Чтоб сурьмой сводила брови,
Я припомнить не могу.

Не отращивала ногти,
Чтобы пальцы удлинить.
И шампанское со мною
Не желала все же пить.

Как иные, взяв за моду,
Не срезала свой подол.
Расширяя платья вырез,
Не стремилась в светский холл.

Ты взяла себе в привычку
Не размахивать рукой.
Сохранять везде обычай
Все старалась день-деньской.

Сверстниц многих почитая,
Выделялась среди них.
Хоть Тебя и нету в жизни,
Преклоняюсь каждый миг!

11.09. 2003

Столетний юбилей справлял
 Мой колледж¹, где учился.
 К вершинам знаний в стенах тех
 Когда-то устремился.

Мухтар, Каныш, Алькей-ага
 Там тоже обучались.
 И Жусипбек, и друг Шакен²
 С искусством здесь общались.

Тут Шыракбек, Абдухамит³
 Среди шакирдов тоже.
 Узнав Героями иных,
 Стремишься стать похоже.

В том колледже по всей стене
 Открыли наши доски.
 Увидев самого себя,
 Услышал отголоски.

Среди больших выпускников
 Я небольшого роста.
 Смотрю, в себя не приходя,
 Остолбенело просто.

Мухан⁴ мне бросился в глаза:
 Величие знакомо.
 И промелькали снова дни,
 Минувшее припомнив.

...Баянаул и Кереку,
 Приехали мы ночью.
 В гостиницу, где был Мухтар,
 Заходим утром впрочем:

¹ Семипалатинский педколледж имени М.О.Ауэзова. Там вначале была учительская семинария, потом – педтехникум. В 1940 году, когда автор учился, называлось педучилище имени Абая.

² Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев, Алькей Маргулан, Жусипбек Аймаутов, Шакен Айманов.

³ Генерал Шыракбек Кабылбаев и бывший министр просвещения Абдулхамит Сенбаев.

⁴ Это белый бюст Мухтара Ауэзова во дворе колледжа.

-Мой сын, Арнуром¹ его звать,
Пришел как раз за вами.
Приветствие само собой,
Идемте в гости с нами. -

С Муханом были мы пять дней:
Совместная дорога.
Поэтому я, осмелев,
Позвал домой с порога.

- Пали², как мне не пойти, -
Ответ был у Мухтара. -
Арнур – свет чести, так сказать.
Не откажусь от дара!

Вот так наш дорогой Мухтар
Был гостем в доме нашем.
С ним вместе были сын Ернар
Со спутником Абдрашем³ . .

Не зная шляпу куда деть,
Я в спешке закрутился.
Учтиво встретив Ты гостей,
На тор⁴ всех пригласила.

Мухтар Ауэзов, наш Мухан,
Воспел судьбу народа.
Какое счастье, что сидит,
Как солнце на восходе!

Спросил немного погодя:
- Ты дочь какого края, -
Добавил дальше поясней:
- Училась где, родная,

¹Тогда Арнуру было 6 лет.

²Пали – возглас удивления.

³Абдрашит Ахметов – ответственный секретарь газеты «Казах адебиети», писатель-переводчик, сопровождавший М.О. Ауэзова.

⁴Тор – почётное место.

- В краю Абая родилась,
В Семее я училась. -
Ответила и кротко взгляд
Ты на меня скосила.

Воспринял сразу твой намек,
Чтоб отвечал я дальше.
Про Детский дом и Интернат
До рассказал без фальши:

- Живой вернувшись и с войны,
ЖенПи пройти успела. -
Проговорив, увидел вдруг,
Что смотрит обомлело.

Мухан, вздохнув, расправил грудь
И молвил величаво:

- Хлебнула горюшка сполна,
Чтоб взять на счастье право! -

Дала гостинца для женге¹,
Костюм Ернару строго.
- Кумыс в пути необходим, -
Сказала у порога.

Вложила в сетку и бидон,
И три стакана вместе.
Признав находчивость твою,
Я обомлел на месте.

Как видно, тронут был Мухан:
Простился веселее.
Такой чудесный эпизод
Всплывает все живее...

Припомнил те благие дни,
Ты тоже словно рядом.

¹женге – жена старшего брата.

С Тобою только до сих пор
Проймет меня отрада.

В одном из классов Канекен¹
Предстал, как-будто в яви.
Невольно отдал я салем
Портрету против правил.

Лучами светятся глаза
В улыбке Алекена² .
Какая смерть их унесла
Великих неизменно,

Здоровались мы по рукам
С Алькеем многократно.
Я вспомнил то почтенье,
Свершенное украдкой.

...В Сарыагаше³ мы с Тобой
Остановились в люксе.
Здесь Алекена повстречал
Внизу в проходе узком.

Повыше не осталось мест:
Устроился на первом.
А номер сумрачный такой,
Что стало как-то скверно.

Позвали в комнату свою
И угостили чаем.
- Какой прекрасный номер ваш! –
Проговорил случайно.

Прогулки были там у нас
Да с Алекеном вместе.

¹Каныш Сатпаев – первый президент Академии наук Казахстана.

² Алькей Маргулан – академик.

³Сарыагаш – курорт в Южно-Казахстанской области.

Ходили около трех дней,
Гуляя повсеместно.

Не смог дожидаться Алекен,
Чтоб поменять свой номер.
Тогда, жалея мудреца,
Сказала Ты весомо:

- Осталось нам всего шесть дней
Для отдыха по сроку.
Пусть мое место он займет, -
Ты будешь как с пророком.

Поеду я одна в Ташкент,
Куда отсюда близко.
С друзьями как Хантай, Мукан¹
Давно лишь переписка.

Уехала тогда легко,
Чтоб встретиться в Ташкенте.
Я Алекена поселил
В своем апартамента.

Родная, вспомню ли я все,
Что делала как лучше.
В Семипалатинске один
Я вспомнил только случай.

12.09. 2003.

66

Твоя улыбка, как подарок,
Была отрадой для меня, Халима!
Я от кокетливого взгляда
Горел внутри, как от огня, Халима!

¹ Омарбаев Мукан – мой фронтовой друг, с которым 4 года был вместе в период В.О.войны, Хантай – его супруга. Они по военной службе в ту пору жили в Ташкенте.

Могла Ты теплыми словами
Обвить, как дух Сары-Арки, Халима!
Коль уговор, стеной Китайской
Была нападкам вопреки, Халима!

Когда Ты начинала дело,
Впрямь доводила до конца, Халима!
Одно движение на пальцах
Подстать рисунку у творца, Халима!

Коль в руки Ты брала иголку,
То мастерски умела шить, Халима!
На даче всюду, где ступала,
Могла цветами восхитить, Халима!

Коль проходила среди деревьев,
То обрастали все листвой, Халима!
Их, протянув повсюду шланги,
Питала чистою водой, Халима!

Не раз, задумавшись минутку,
В семью вносила благодать, Халима!
Ты все, что мне необходимо,
Умела вовремя достать, Халима!

Ты заменяла руки, ноги
И даже сердце, что в груди, Халима!
В моем движении по жизни
Звездой светила впереди, Халима!

При каждой осложненной теме
Энциклопедией была, Халима!
- Сейчас подумаю, отвечу, -
Так помогала, как могла, Халима!

Определяя корень слова,
Была готовым словарем, Халима!
Твоим подсказкам удивляясь,
Легко работалось вдвоем, Халима!

- Да ладно, - отвечала кротко,
Махнув на похвалу рукой, **Халима!**
Когда болел, уж тут и ночью
Без сна кружила надо мной, **Халима!**

В глаза бросаться не стремилась:
По скромному себя вела, **Халима!**
Когда иные хохотали,
Ты лишь улыбкою цвела, **Халима!**

Сумела сохранить всемерно
Обычай, что нам сродни, **Халима!**
Ты их примерно исполняла,
Что благоволили они, **Халима!**

Что в жизни хорошо иль плохо,
Определяла без труда, **Халима!**
И примечательные фразы
Не забывала никогда, **Халима!**

Все лучшее не перечислить:
Достоинств уйму знаю я, **Халима!**
Добро даря окрестным людям,
Угасла, милая моя, **Халима!**

Но ничего мне не поделать,
Во мне, бедняге, свой напев:
Как Халима, пусть у казахов
Побольше будет светлых дев!

15.09. 2003.

67

Я в гардеробе поместил
Одну твою одежду, **Халима!**
Коровой нюхая тулуп¹,
Привержен к ласке прежней, **Халима!**

¹ Тулуп – шуба, чучело, которое становится перед дойной коровой, потерявшей телёнка.

Слегка поправив воротник,
Принюхиваюсь даже, **Халима!**
Подол не трогаю совсем,
Стесняясь, будто вмажет, **Халима!**

- Есть "От Кореи руки прочь!"¹
Всему нужна раскрутка, -
Так говорила, отогнав...
С тоскою вспомнил шутку, **Халима!**

Считая днем то за позор,
Могла не целоваться, **Халима!**
Чтоб не расстроить, в светлый час
Не стал Тебя касаться, **Халима!**

Нас приближала только ночь,
Когда мы обнимались, **Халима!**
И я, припав к твоей груди,
Орлом кружился в вальсе, **Халима!**

Я окрылялся каждый день,
Ко звездам улетаю, **Халима!**
Роман, рассказы и статьи
Писал, не уставая, **Халима!**

Произведений всех моих.
Считаю, Ты – соавтор, **Халима!**
От замечаний по уму
Взмывал я космонавтом, **Халима!**

Была Ты осведомлена
Во всей литературе, **Халима!**
Начав со школы верный путь,
Приобщена к культуре, **Халима!**

Оказывая помощь мне,
Ты одарила счастьем, **Халима!**

¹ Лозунг середины XX века, когда США напали на Корею.

Благодаря Тебе, достиг
Высоких званий власти, **Халима!**

Осознавая добрый труд,
Я вечно не забуду, **Халима!**
На имени твоём пятна
Малейшего не будет, **Халима!**

16.09. 2003.

68

Богатством Ты моим была, -
Лишился в одночасье, **Халима!**
Моими крыльями была, -
Сломались в день несчастный, **Халима!**

Была Ты счастьем для меня,
Что в небо улетело, **Халима!**
Дарила радость каждый день, -
Тоскую оробело, **Халима!**

Ты – вдохновение мое,
Чего имел в избытке, **Халима!**
Уходит море, где и волн
Становится в убытке, **Халима!**

Вносила мысли без конца:
Теперь их не хватает, **Халима!**
Скрывать не стану, что сейчас -
И вес мой убывает, **Халима!**

Родня толпилась при Тебе, -
Заметно поредела, **Халима!**
Открытый прежде мне простор
Доступен лишь в пределах, **Халима!**

Развилась в жизни, как тулпар,
Которого не стало, **Халима!**
Лишь только думать о Тебе
Несчастному пристало, **Халима!**

Когда потрогал платье вновь.
Не удержал я слезы, Халима!
Одна лишь Женщина несет
Все счастье, а не грезы, Халима!
21.09. 2003.

69

Стихи о халате

Твой воротник пальто целуя,
Увидел рядом свой халат.
Сегодня то происходило,
Что вспомнил я Тебя опять.

Объяло вмиг тепло халата,
Введя меня в немой восторг.
Припомнился известный случай,
Который дорог мне с тех пор.

...Тогда лежала Ты в больнице,
К чему привыкнуть я не мог.
Оповещал о неприятном
По телефону голосок:

- Ай, Азильхан, меня послушай,
Прошу Тебя, не поругай. –

- Душа моя, за что, как можно,
Враз успокойся, излагай. –

- Я утром встала спозаранку,
Пошла в халате на УЗИ.
И там его в одно мгновение
Унес какой-то паразит.

Оставила халат на месте,
Не приложу никак ума.
Возможно, кто-то по ошибке
Одел нечаянно впотьмах.

От старшей медсестры я скрыла,
В отчаянии сама горю.
Все избегаю ее взгляда,
Как-будто выстрел усмотрю.

Мне очень совестно пред нею
Вдруг скажет: "Спрятала сама".
Хоть и готова на оплату,
Заволокла печали тьма.

Чтоб возместить мою потерю,
Не принесешь ли свой халат?
Тихонько я бы заменила,
Не ведая в душе утрат.

- Не беспокойся, дорогая,
Халат я принесу с собой, -
Сказал и, быстренько собравшись,
Помчался пущенной стрелой.

Принес халат в желанном свертке:
Я млею от радости твоей.
Избавив милую от боли,
Как-будто стал и сам милей.

- Куплю обновку, - повторила, -
Когда с лечения вернусь. -
Ты, айналайын, так старалась
Честнее быть, отвергнув грусть.

Потом, как впрочем обещала,
Купила новенький халат.
Я берегу твою обновку,
Хоть было много лет назад!

От каждой нитки этой вещи
Я ощущаю ток тепла.
В одежде, что сама держала,
Есть сила взлета для орла!

Хочу ее порою гладить,
Чтоб рядом ощутить Тебя.
Уйду из жизни, обнимая,
Поскольку сохранил, любя!

24.09. 2003.

70

В последний день Ты полчаса,
Обняв меня, со мной прощалась.
Язык отнялся, сердце мне
Любовь тихонько отстучало.

Прижавшись горестно к груди,
Сердца прощались в то же время.
Стонала так, что никогда
Мне не забыть такое бремя.

Ты вздрогнула, чтоб как-то встать,
Но покидали Тебя силы.
И после этого совсем
Земного бытия лишилась.

И все же почему тогда
Не приподнял Тебя, жалею.
Возможно, Ты б осталась жить,
Приняв от мужа панацею?

Пришлось увидеть, чтоб ослеп,
Твою последнюю минуту.
Уж лучше бы душа моя
С твоей взлетела в небо круто?!

Так почему я за Тобой
Остался с неземной тоскою?
Уж почему, Судьба моя,
Живу я с долею такою?

- Родиться можно в один раз,
Но смерть приходит все же порознь! –
Так предки молвили давно,
Что, видно, справедливо впору!

24.09. 2003.

Стихи о тое

Вечером на той большой
Люди в театр собрались.
Семипалатинский народ
Зал заполнил с криком “бис”.

Знаешь Ты театр тот,
Назван именем Абай.
Он дарил искусство всем,
Прибывавшим в этот край.

Превосходно здание то:
В новом стиле целиком.
И внутри – одна краса,
Благородная притом.

Ты с подругами была,
Видела “Енлик-Кебек”¹
Из-за гибели любви
Слезы капали из век.

Выступал на сцене той,
Аплодировали все.
Волновался сильно сам:
Так стоял во всей красе!

Речь о колледже родном
Произнес здесь на виду.
От семнадцати девчат
Нес подарки, как в бреду.

¹ Спектакль по пьесе М. Ауэзова «Енлик и Кебек». Его Халима смотрела вместе с подругами из интерната, после чего всю дорогу плакала.

Для меня был главный приз, -
С ханского плеча чапан.
От себя принес им в дар
“УНИС”¹, выглядев, как пан.

Как-то были мы в Москве, -
Ты сама купила мне
Та машинка до сих пор
Проработала вполне.

Твоего аула дочь,
“Журекадыра”, звать Шаган².
Подарив сестре часы,
Был восторгом обуян.

Прицепляя ей часы,
Прикоснулся я к руке.
Не сестренку, а Тебя
Ощутил, хоть вдалеке.

Поцелуй твоей сестры
О Тебе напомнил мне.
- Ах, была бы Ты сама?! –
Бормотал, горя в огне.

Находясь на сцене, в зал
Разбросал визиток³ сто.
По обычаю шашу
Пусть летят в людской простор!

В земляках – переполох,
Быстро начали читать:

¹ Пишущая машинка «УНИС», которой пользовался в последние 20 лет. Её в одной из поездок в Москву купила Халима. В Семипалатинском педучилище (ныне педколледж имени М.О.Ауэзова), где я учился, один класс назван моим именем. Когда приехал на 100-летний юбилей колледжа, с собой привёз 13 вещей, одной из которых была моя пишущая машинка.

² Шаган Жанаева – педагог-указ колледжа.

³ В виде гостинца на 100-летие колледжа заказал 100 визиток со своим портретом и привёз с собой в Семипалатинск.

Там Ауэзов, Назарбаев
И Олжас молве подстать.

Два портрета и твоих
В книжном виде преподнес.
Пояснил: “Мою любовь
С педучилища унес”.

Стоя, зал рукоплескал,
Восхищение вселив.
Головой кивал, пока
Не утих такой прилив!

Не подумай, что хвалюсь:
Лишь Тебе раскрыл секрет, -
Поделиться захотел
Радостью иных побед.

Алматы, Чимкент, Тараз
Мне оказывали честь.
Славой я не обделен!
Говорю все так, как есть.

Колледжа столетний той
Так примерно проходил.
Как покинули театр,
Белый дождичек полил.

Это – мой Тебе отчет
О поездке в отчий край.
От Семеня, Халима,
Шлю приветы, принимай!

12.09. 2003.

г. Семипалатинск,
гостиница “Семей”, люкс N 318.

Стихи о табарике¹ .
Сегодня из Семипалатинска
Поехал я на Чингистау.
Не обозреть единым взглядом:
Кругом такая красота.

Ты не могла не прослезиться
Пред стелой “Енлик и Кебек”² .
Не можешь ей не поклониться.
Коль ты – влюбленный человек.

Предстали две Орды³ пред нами.
Промчался вскоре промеж них. -
И оказался в Жидебае,
Где царствовал Абая стих.

Вошел я в дом-музей Абая.
Где сохранился вечный дух.
Невольно сердце волновалось,
Впитав поэзию вокруг.

Нас Гульсара⁴ отменно встретив,
Сама экскурсию вела.
Усталость от дорожной встряски
Так постепенно отошла.

- Седлом сим Айгерим⁵ владела,
Отделанное серебром.
Ружье вот это тем бесценно.
Что отдал Таубе⁶ , сам барон.

А это – кабинет Абая,
Где он читал, писал, творил.
Здесь за столом пером гусиным
Немало строк на свет родил.

¹ табарик – ценный подарок или гостинец.

² Памятник Енлик и Кебеку, установленный в долине Ералы в Абайском районе.

³ две горы в цепи Чингистау на семейской стороне, которые называются Большая Орда и Малая Орда.

⁴ Гульсара Кусаинова – экскурсовод Дома-музея Абая в Жидебае.

⁵ Вторая жена Абая.

⁶ Барон Таубе Максим Антонович – генерал-губернатор Западной Сибири в конце XIX века.

На этом стародавнем кресле
Сидел не раз Абай-ата.
Свои бессмертные творенья
Он создавал тут неспроста.

В шкафу классические книги –
Тома всех гениев земли.
Их по заказу для Абая
Из Семипалатинска везли! –

- А можно краешек погладить,
Поскольку кресло, словно трон? –
Спросил я безо всякой мысли,
Хотя заботой окружен.

Она, спокойно улыгнувшись,
Вмиг покачала головой.
Я здесь немного растерялся,
Засуетившись сам собой.

- Не позволяем прикасаться
Здесь драгоценным тем вещам.
Присесть вам даже разрешаем,
Чтоб память сохранилась нам. –

Не зная, верить иль не верить,
Я посмотрел в ее лицо:

- Так почему другим запретно,
Что выгляжу я молодцом? –

- Вы сохранили том “Абая”
В огне войны, неся домой,
Одной строкой стихов Абая
Назвав роман, в любви большой!..

А “Годы радости”... поныне –
Роман святой, как “Иманшарт”¹⁰¹.

¹⁰¹ «Иманшарт» -свод правил пророка Мухаммеда.

Герои как Ментай с Ерболом¹
Для молодежи – верный старт.

Для нас всегда священной Меккой
Была зимовка Жидебай.
Потрогать вам мы разрешаем
Все вещи, что держал Абай. –

Я в этом заповедном кресле
Запечатлелся на фото.
Настолько было благородно.
Что воспарил душой притом!

Кровать особая из кости,
Украшенная серебром...
На ней всего лишь две подушки,
Что были Айгерим добром.

На торе, возле той кровати,
Была трехструнная домбра.
- Ата на этом инструменте
Все песни создавал с утра! –

Сказала Гульсара с восторгом,
Домбру мне в руки положив.
И снова аппарата вспышкой
Засняли, время уловив.

С таким волнующим почетом
К мемориалу повели.
Я вспомнил, что кумбез преславный
Саина руки возвели.

И твой кумбез – его творенье,
Прекрасный мастер из Актау.
Он прибыл на Кенсай воздвигнуть
Наш купол для Тебя подстать.

¹ Ментай и Ербол - главные персонажи романа «Годы радости и любви».

Сперва вошел я внутрь кумбеза,
Чтоб поприветствовать ату.
Обняв при всех надгробный камень,
Исполнил давнюю мечту.

Обмотан камень белой тканью,
Ее я гладил заодно.
Такую встречу с корифеем
Я запланировал давно.

Когда прощались, вдруг хранитель¹
Сложил в пакет тот материал.
Вручая мне, он восхищенно
Всю ткань заветную подал.

- Что это? – молвил удивленно,
На что хранитель заявил:

- Вам табарик аты святого,
Чтоб талисманом вас хранил! –

Кто из писателей такого
Почтенья видел испокон, **Халима?!**
Сегодня в лоне Жидебая
Объяла радость, будто сон. **Халима!**

Потом, отбыв из Караула²
В Журекадыр приехал я, **Халима!**
Считала Ты отцом Шакера:
Сходил на кладбище, молясь. **Халима!**

Мазаром Саина дивился,
Что для него поставил он, **Халима!**
Светился белою красою
В родной степи со всех сторон, **Халима!**

Пренебрегая сильный ветер,
Валивший тут с усталых ног, **Халима!**

¹ Турдыгали Мукашев – хранитель меморального комплекса Абая и Шакарима в Жидебае.

² Караул – центр Абайского района Восточно-Казахстанской области.

Бродил по улицам аула,
Где начинался твой исток, **Халима!**

Готов был увезти в машине
Аул твой весь, как сердолик, **Халима!**
Страдал я то осознавая,
Что нет здесь родичей твоих, **Халима!**

Так близких братьев и балдызов
Хотелось мне расцеловать, **Халима!**
Но не осталось их и все же
Мне трудно было уезжать, **Халима!**

Какой-то камушек нарочно
Поднял с земли своей рукой, **Халима!**
И положил в карман, чтоб тоже
На память увезти с собой, **Халима!**

“Возможно, ножки твои в детстве
Его задела, хоть слегка”, ... **Халима!**
Такая мысль во мне возникала,
Что одолеть не мог никак, **Халима!**

Былые годы представляли
Твоей девической поры, **Халима!**
Потрогать камушек в кармане
Сам по себе возник порыв, **Халима!**

Подолгу находясь в дороге,
Под вечер прибыл в Караул, **Халима!**
Там к дяде твоему Камену¹
С большим салемом заглянул, **Халима!**

Мне соболезнуя, расстроен
Он был до трогательных слез, **Халима!**
Барана прямо закололи,
Хоть от меня и не был спрос, **Халима!**

¹ Камен Оразалин (1920-2008) - писатель, автор четырёхтомного романа «После Абая», земляк Халимы по аулу Журекадыр Абайского района.

Порою "зятём" называя,
Он оказал почет вполне. **Халима!**
Но то, что старость одолела,
Засело горестью во мне, **Халима!**

Помчались мы в Семипалатинск:
Опять дорога вдаль звала. **Халима!**
Адай, Айбек¹ - твои братишки
В поездке были два крыла. **Халима!**

13.09. 2003.

Семей.

73

Приехав снова в славный город,
Опять в двух встречах побывал:
В "Семей таны" среди журналистов,
Финколледж в тот же день позвал.

За конференцией на завтра
Устроен был солидный той.
Собрался весь Семипалатинск,
Заполнив ресторан с лихвой.

Затем был день опять в поездке:
Пришлось мне съездить вновь в Абай.
И только вот сумел сегодня
Прийти во двор, где птичий грай.

Здесь интерната нет в помине
И школы нет давным-давно.
Все здание приходит в ветхость:
В нем запустение одно.

Когда-то было общим домом
Оно для страждущих детей.

¹Адай Азаматов – тогда начальник Семипалатинского городского управления культуры. Айбек Сапышев – поэт. Они вдвоём сопровождали меня в поездке по Абайскому району.

Попав в безжалостные руки,
Стоит, как после грабежей.

Узнал, что кто-то вознамерен
Сломать его на кирпичи.
Чтоб где-то в пригороде близком
Свой скотный двор заполучить.

Когда-то в школе двухэтажной.
Длиною в квартал, я робел.
Как-будто в Мекку попадаешь,
Где каждый должное имел!

Своим обжитым интернатом
Она была другим в пример.
На всевозможных олимпиадах
Могла добиться первых мест.

Я во дворе вот этом самом
От чувств впадал в душевный страх.
Впервой охваченный любовью
Блаженством таял на глазах.

Внимание всецело было
Обращено лишь на Тебя.
Увидев ясную улыбку,
Я млею, не чувствуя себя.

Не раз до двери интерната
Под стук сердечный провожал.
Погладив ветхие ступени,
Печаль немного отогнал.

Считая, что рукой касалась,
Приник губами к косяку.
Порой казалось, что выходишь
Навстречу юной к старику.

И я, как здание, довольно
За эти годы одряхлел.
Себя вполне осознавая,
Вздыхнув, признал, что постарел.

Но сердце снова встрепенулось,
Когда ступил на тротуар, **Халима!**
На этой улице остались
Следы той школьницы как дар, **Халима!**

Я завтра утром улетаю
И вскоре буду в Алматы, **Халима!**
Приду и рапорт свой представлю,
Чтоб успокоилась и Ты, **Халима!**

Семипалатинск,
гостиница "Семей".
14.09. 2003.

74

Сегодня дней уж восемьсот
Томлюсь козленком-сиротой, **Халима!**
Как-будто в доме нежилом
Обескуражен пустотой, **Халима!**

Тебе я письма все пишу,
Обеспокоенный, как мать, **Халима!**
Угломниться не могу:
Еще найдется что сказать, **Халима!**

Ты чистоплотною была,
Не запятнав себя ничуть, **Халима!**
Меня с иголочки одев,
Желала только добрый путь, **Халима!**

И у детей был внешний вид
С младенчества отменно чист, **Халима!**
- Примерная Жена и Мать! –
Так славил тот, кто был речист, **Халима!**

Соседи все, и стар, и млад,
В Тебе не чаяли души, Халима!
Всегда готова одолжить,
Не трепетала за гроши, Халима!

Коль кто-то забывал про долг,
О нем могла не толковать, Халима!
Помимо пищи, тканей, книг,
Излишне не стремилась брать, Халима!

Без исключения для всех
Ты не жалела свой поклон, Халима!
И даже к нищим по пути
Грустинкой взгляд был наделен, Халима!

Привычки милые твои,
Тоскуя, в памяти храню, Халима!
Не перестану вспоминать,
Неся по жизни, как броню, Халима!

5.10. 2003.

75

Сопереживание

Послушаешь ли, Халима,
Печальные песни мои?
С Тобою я лишь поделюсь,
Раскрыв втуне мысли свои.

Сегодня по парку ходил,
Где разные думы познал.
Одну из которых Тебе
Решил изложить допоздна.

Мы, будто бессмертны, порой
Готовы и смерть осуждать.
То ходим, что грудь колесом,
То лаем, как пес, так сказать.

Мы сами, интригу создав,
Сплетаем корыстную сеть.
На зависть вещей понабрав,
Не можем предела узреть.

Садимся, гордясь, в “Мерседес”,
Чтоб где-то промчаться с лихвой
И коршуном ринуться вниз
На утку красы неземной.

Расстроившись впрямь иногда,
Зальемся вином через край.
Схватив все ж болезнь, наконец,
Страдаем, хоть тут пропадай.

Совсем обалдели в деньгах:
Пред ними готовы трястись.
О выручках только в мечтах
Проходит бессмысленно жизнь.

Бежим без оглядки на той:
Особый к нему интерес.
Не зная, что будет потом,
Транжируем карманы, как бес.

Заботы о будущем нет.
Куда это время идет?
Подумаешь о бедняках, -
От жалости вправду трясет.

Но как мы добудем расцвет,
Культурой своей дорожа?
Никто не стремится о том
Заботиться, сердцем дрожа.

Ведя себя долго впотьмах,
К разору мы явно придем.
Как лес, преумноженный люд
Мы к счастью когда приведем?

Умеем хвалиться сполна,
Хороших людей очернить.
Когда никого не клюем,
Нам трудно становится жить.

Мы, будто бессмертны, порой
Готовы и смерть осуждать.
Казахам, что жизнь коротка,
Когда же придется познать?!

С ленцой не слоняйся, казах,
О нации думай сперва.
Забудь те привычки в укор,
Чтоб светлой была голова.

Земля благодатна, вода!
Чего больше надо еще?
От зависти Степь береги,
Будь зорек, любя горячо!
9.10.2003.

76

Всю ночь с твоей подушкой
В обнимку провожу, **Халима!**
С бессонницей залетной
Опять в тоске лежу, **Халима!**
14.11. 2003.

77

Девятьсот дней

Девятьсот дней сегодня,
Как обуян тоской.
Как от меня, супруга,
Укрылась Ты землей.

Девятьсот дней сегодня,
Как сердце гложет грусть.

Как я, обняв одежду,
Не слышу слов из уст.

Девятьсот дней сегодня
Печалюсь без конца.
Вздыхаю ежедневно
По милости творца!

Девятьсот дней сегодня
Тоскую по Тебе.
Душа моя трепещет,
Подвластная судьбе...

13.01. 2004.

78

**Отдельные строфы, написанные
в разные дни на разных листках**

Была любимой женой,
Исполнив нашу клятву!
Себя сполна мне посвятив,
Ушла, призвав к порядку!

27.03. 2002.

Пятьдесят четыре года
Руку гладил я рукой.
Не истратил свое чувство,
Находясь в любви такой!

Девять лет я ждал ответа,
Что измучился, страдал.
И поэтому, наверно,
Каждый день Тобой дышал.

30.04. 2002.

Девять лет ходил с любовью,
Чтоб просить твоей руки.
Свет очей, добившись цели,
Я вознесся по-людски.

Камни тонны шестьдесят
Из Актау завезены.
Как Корпеша и Баян,
Твой Кумбез – краса весны.

16.06. 2002.

Я вспомнил поездку:
Хотели вдвоем
Прибыть в твой Аягуз,
Хоть близких найдем.

Райком дал машину
В Тансыкской тиши
К Баян и Корпешу
Пришли от души.

22.06. 2002.

79

Тысяча дней

Сегодня ровно тысяча дней,
Как я Тебя лишился, **Халима!**
Как лебедь, раненый в крыло,
Во вдовый стан прибился, **Халима!**

Позволь и плакать, и стенать,
Выплескивая песни, **Халима!**
Печали столько набралось, -
В груди ей стало тесно, **Халима!**

Вдыхая тяжело, каждый день
Подробно вспоминаю.
Хоть знаю, что возврата нет,
Все ж с грустью пребываю.

Порою я на стук в двери
Бегу, как ошалелый.

Увидев, что совсем не Ты,
Хорьком ползу несмело.

Дверь иногда сама собой
Отстукивает звуки!
Бегу туда – нет никого,
Что опускались руки.

Хоть этой вздорной беготне
Мне пред собою стыдно,
Тут успокаивает мысль:
“Витает дух твой скрытно”.

* * *

Ушел бы вместе с ним в закат,
Коль солнцем в небо станешь.
Смотрел бы на восход всю ночь,
Взывая беспрестанно!

* * *

Твою подушку иногда,
Что с наволочкой красной,
Ночами обнимаю так,
Что ободрюсь, как лаской!

* * *

Из жизни лебедь отойти
Торопится за парой.
Не лучше ли мне умереть,
Чем жить с обидной карой?

* * *

Увидев женщин целый рой,
На улицу как выйду,
Я думаю: “Она среди них
Идет отвлечь обиду?!”.

* * *

Я помню то, моя душа,
Как мило улыбалась.
И поражаюсь сам собой:
“А мало ли досталось?”.

* * *

Но отлучившись от Тебя,
Судьбою недоволен.
Прожив с Тобой полсотни лет,
Как миг, считаю с болью!

* * *

На слово Счастье есть ответ:
Всех слов любимой слиток.
При ней доступен в жизни трон
С ее премилой свитой!

* * *

Когда супруга погладит,
Познаешь рахат и лаззат¹.
Уйдут и чины, и богатство,
Когда перестанет ласкать!

* * *

О, смерть, последняя злодейка,
Мою супругу унесла!
Чем видеть тело бездыханным,
Зачем глаза не скрыла мгла?!

* * *

О, мир изменчивый, суетно
Меня от милой отвлекал.

¹ Рахат и лаззат – удовольствие и наслаждение.

Как это я и не заметил,
Что вдруг вдовцом невольно стал!

* * *

Ты унеслась в такую бездну,
Что не дотянется рука, Халима!
Отныне это твое место
Уж не займет никто никак, Халима!

* * *

Лицо, что гладила порою,
Истосковалось по губам, Халима!
Останусь лишь твоим Азилом,
Об этом зная только сам, Халима!

* * *

Познал я свежий ветерок, -
Твой голос спозаранку!
А без него весь светлый мир,
Как ночь, где стал подранком.

* * *

Я у Кумбеза посадил
Две сосенки на память, Халима!
Здесь, как прикаянный, кружусь:
Пусть будут вечно с нами, Халима!

* * *

Смотрю приковано на них
И представляю просто,
Как мы, зеленые в любви,
Так ожидали роста!

* * *

Любовь – это бурное море:
Всецело уносит стремглав.
Беснуются волны накатом,
Пока доберешься к ней вплавь!

Немало пришлось мне проплавать,
Чтоб встретить Тебя, Халима.
Десятки лет были мы вместе:
От счастья я был без ума.

Теперь это море иссохло,
Пустыней предстало оно.
Охвачен я волнами горя,
Что слез удержать не дано.

* * *

Ты была мне Солнцем днем,
Объяв лучами с головой.
Чтоб ночью душу осветить,
Вставала вечером Луной.

Теперь во мраке нахожусь:
Не стало Солнца и Луны.
Хоть пользы нет, но дни мои
Одними вздохами полны.

* * *

Когда из дома выхожу
Я вижу много женщин.
Хотелось встретить среди них
Тебя, ничуть не меньше.
Но это - лишь одни мечты
Им никогда не сбыться.
На тоях просто так смеюсь,
Чтоб изредка забыться.

* * *

Всю ночь готов был обнимать:
Ушли те праведные ночи.
Твой тихий отклик: "Милый мой!"
Любил я слышать между прочим!

Мне даже воздуха в обрез:
Теперь совсем иное время.
Взвалили думы о Тебе
Сполна бессонницу, как бремя.

* * *

Когда иссохнет весь Иртыш
И потеряет свое русло,
Когда исчезнут горы все
И на природе станет пусто,

Тогда лишь вечная любовь
В груди со мной погаснет вместе.
Вослед потомки запоют
О нас с Тобой душевно песни.

* * *

Я часто-часто все пишу,
На пальцах даже есть мозоли.
Но коль погладить бы смогла,
То ничего не надо больше.

* * *

Нынче ездил в санаторий,
Побывал я в "Алматы".
Вспомнил, как с Тобой вздыхали
От природной красоты.

Мы ходили всюду вместе:
Все завидовали нам.
Обходил былые точки
По низинам и горам!

Мне хотелось поклониться
Той березке, что жива.
На асфальте, где ходила,
Закружилась голова.

Белый беркут¹ смотрит также,
Крылья в небе распластав.
“Их погладим”, - губы шепчут,
Попусту Тебе позвав.

* * *

При Тебе казались краше
Улицы все Алматы,
Люди были веселее
И духовно не пусты.

Улицы, хотя и те же,
Уже стали для меня.
Люди выглядят мрачнее
Сторонясь, как от огня.

Нет! Не сузились проспекты,
Люди ходят как всегда.
Без Тебя смотрю угрюмо,
Словно властвует беда.

* * *

Не забуду никогда,
Ты вся в памяти моей:
В жилах, в клетках и в крови,
Во плоти души моей!..

¹Белокаменное изваяние беркута у санатория «Алматы».

* * *

Годы мчатся неуклонно:
Ты все дальше от меня.
А я мучаюсь привычно,
Близость духа сохраняя.

* * *

Белый твой Кумбез сияет
На зеленом склоне гор.
Каждый раз при виде млею,
Будто там лежу с тех пор.

* * *

Знаю, камни Алатау
Как подушки станут мне.
Я найду приют однажды
Рядом в этой стороне.

* * *

Не скрывайте склоны, тучи,
Забираясь до вершин!
Заволакивая купол,
В сердце вбили острый клин!

* * *

Не скрывай от глаз Кумбеза,
Новоявленный туман!
Поклонюсь с отрадой в пояс,
Коль уйдешь на задний план!

* * *

В том Кумбез белоснежном
Обрела жена приют!
И моя душа за нею
Прилетит, ища уют.

* * *

Взявшись за руки, ходили,
Восторгаясь без конца.
Сотню лет хотели вместе
Жить с отвагою борца!

О согласии и дружбе
Мысли были в нас с утра.
“Делать благо разным людям!” -
Мы твердили от добра!

Сном единым пролетели
Эти благодные дни.
На “Кенсае” Ты, я дома,
Разобщенные одни.

* * *

Поднимая подбородок,
Я смотрю на небосвод.
Нахожу, что твои брови,
Словно лунный разворот.

В новолунии обычно
Вижу я твое лицо
И здороваюсь с поклоном,
Представляясь молодцом.

Соловей, о, сладкозвучный
Залетел ли далеко?
Ты у белого кумбеза
Заливайся высоко!

* * *

Чтоб коснулись твои лапки,
Посадил я две сосны.

Халиме со мной подобны,
Дружно в рост пойдут с весны.

* * *

Ты опять во сне явилась
И дарила звонкий смех.
Удивительно, что мило
Не чуралась всех утех...

Вмиг, проснувшись, начал гладить
Разволновано постель.
Но Тебя опять нет рядом, -
Вот такая канитель!

* * *

Когда теряет лебедь пару,
Слетает замертво с небес!
Какой любовью обладает,
Чтоб испытать подобный стресс!

Природа наградила чувством
Таким чудесным лебедей!
Так почему я после смерти
Не устремился вслед за ней?!

* * *

Ты поселилась в моем сердце,
Что нелегко Тебя отнять.
Но как живу на белом свете,
Посмев навечно потерять?!

* * *

Умерших люди забывают:
Им подавай живущих жен.

К Тебе одной, моя родная,
До смерти буду я влюблен!

* * *

Мужчины в сущности желают
Живую женщину любить.
А Ты – мой гений, кто лишь сможет
Земную жизнь мою продлить!

* * *

Ты от меня ушла далече,
Куда ногами не дойти.
Но чувство в сердце неизменно,
Что вечно сохраню в пути!

* * *

Когда настигнет сильный град,
Птенца укроет лебедь,
Хотя в тот миг со всех сторон
Невзгода растеребит.

Большие крылья распластав,
Возляжет неподвижно.
Такую участь лебедь-мать
Несет, как честь, не ниже...

Все трудности взвалив сполна,
Сродни Ты с лебедями.
Птенцом лебязьим сберегла
Меня от всякой ямы!

Была в лихие времена
Укрытием, спасая.
Как Мать, лелеяла меня,
Ко славе продвигая!

* * *

Мне восемьдесят с лишним лет
С восьмью горами.
Рахат, лаззат – к ним интерес
Далеко за нами!

* * *

Пятьдесят четыре года
Жили мы одной душой:
Света много, потому что
Халима была со мной!

* * *

Пальто ладонью глажу,
На платье есть чутье, -
И будто Ты приходишь,
Преобразив жите!

* * *

Но сколько бы не гладил,
Ни слова мне в ответ.
И здесь опять горюю,
Что дома Тебя нет.

Земная жизнь так преходяща
Ее становится мне жаль.
Была Ты светочем всей жизни, -
Погасла, устремившись вдаль.

* * *

Как в доме, где погасла лампа,
Сижу один я в темноте.
По сторонам опять взираю,
Хотя подвержен слепоте!

* * *

Прохладно нынешней весной.
Тепла мы ждем себе в угоду!
Уже деревья под листвою,
Но не смягчается погода.

Когда бывали мы с Тобой,
Не ощущал я так морозы!
Теперь сижу себе один,
Ворча на метеопрогнозы.

* * *

Мы с Тобой, мечтая,
Дачу обрели.
Яблони с цветами,
Травы подросли.

Все деревья наши
Вытянулись в рост.
Ставит даже ветка
О Тебе вопрос.

Горестно деревья
Узнают, что нет.
Старенькая груша
Плачет много лет.

Около кумбеза
Целый рой цветов.
Духом представляя,
Глажу их без слов.

Тут окрест “Кенсая”
Расцвели цветы.
Снова озираюсь,
Словно ходишь Ты.

* * *

Ходил на вертолетную площадку¹,
Что в двух шагах от пригородных дач.
Там на лугу трава росла густая,
Где я прилег, свернувшись, как калач.

Ковыльную траву люблю я с детства
Прижавшись, ощутил твое лицо.
Ощупывая мягкую лужайку,
Ушел в твои объятия с концом!

Склонился лбом, коснувшись трав тихонько:
Нам нравилось друг друга так ласкать.
Мне не хотелось с луга отрываться,
Чтоб быстро тот момент не упускать!

Сюда с Тобой не раз мы приходили.
Теперь я одиноко здесь стою.
Чтоб встретились душа с душой совместно,
Я бережно храню Любовь свою.

Но поиски Тебя самой напрасны.
Волнуют лишь знакомые места.
Уверен, что такой заветной парой
Не ступит здесь никто и никогда!

* * *

Пред весенним первым громом
Вспыхнет молния на миг.

¹ Участок Казпотребсоюза, где мы с Халимой частенько бывали. Сейчас находится в собственности конефермы.

Словно молния на небе,
Кто догонит милый лик!

* * *

- Весна пришла! Весна! – повсюду
Заликовали голоса.
Но Халима – весна навечно,
Взлетела тотчас в небеса!

* * *

- Приду я завтра! – заявила
И в поликлинику ушла
Прождал я долгими годами...
Как возвратиться не смогла?!

* * *

“Вчера” произнесешь покуда,
“Сегодня” смотрится в окно.
Пока глаза, закрыв, раскроешь,
Вся жизнь промчится все равно.

* * *

Ты была моей супругой
Пренадежной, Халима.
Вдруг ушла так незаметно,
Жизнь мою продлив сама.

* * *

Тысяча дней для живущих немало,
Все ж протекли, как сквозь пальцев вода.
С Тобой принимал аппетитно пищу.
Теперь, как яд, отвращает еда!

Сегодня в школе был на встрече:
И просидел там пять часов.
Когда я знал, что ждешь Ты дома,
Прочь избегал излишних слов!

* * *

Посмотрел по сторонам, -
В зелени деревья.
Словно стало веселей,
Улучшая зрение.

* * *

Ничего не стоит все
Пред твоей улыбкой.
Без Тебя, мелькая, Жизнь
Кажется мне зыбкой.

* * *

Не раз мы на лужайке
Сидели налегке
И вспоминали детство,
Как песню вдалеке.

* * *

По берегу скакали
Своей родной реки.
В детдоме были драки
И ночи коротки.

* * *

Найдя Твое то место,
Лежу, его обняв.
С Тобой я был в почете, -
Осмыслил, потеряв...

* * *

Коль дерево качает,
На нем листок дрожит,
Подобно мне, бродяге,
Кто без вести лежит.

* * *

От дерева сорвавшись,
Листок к земле летит.
Там, в мусор превратившись,
Не станет ядовит?

* * *

Кумбез – твоя обитель!
Издалека смотрю.
С Тобою рядом лягу,
Когда уж догорю.

* * *

Ойхой, Кумбез заветный
Сияет белизной!
Хотел бы, чтобы вечно
Блистал моей ордой!

* * *

Ойхой, Кумбез отменный!
Я думой воспылал,
Когда же с Халимою
Меня сведешь, чтоб знал?!

* * *

Когда-то мне из Жизни
Придется уходить.

Тогда прилягу рядом,
Что не отгородить!

* * *

Ойхой, Кумбез заветный!
Приду сюда и я.
Тогда, бесспорно, будет
Обитель и моя!

* * *

Ты будешь малым Тадж-Махалом
Здесь, благородный наш Кумбез!
Молюсь, чтоб не было бы сглаза,
Когда излишний интерес!

* * *

За тысячу дней накопилось:
Не выскажешь толком и враз.
Как воин, дающий свой рапорт,
Пред фото стою я подчас.

* * *

Смотрю, взволновавшись изрядно,
Как-будто Ты вдруг ожила.
Поправлю прическу невольно:
Ты зеркалом милым была!

* * *

Парит на просторе “Кенсая”,
Как чайка, наш светлый Кумбез.
Потомки придут не однажды
С поклоном на фоне небес!

* * *

- Что за кумбез? – с таким вопросом
Не попадешь совсем в тупик.
Там Нуршаихов как писатель:
Романы вспомни среди книг!

22.04. 2004.

* * *

Когда я был на фронте,
Вестей от милой ждал.
И радости предела
От писем тех не знал.

Казалось, что в Семее
С Тобою нахожусь,
В той Гоголевке вместе
Я с книгами вожусь.

Когда бывали в зале,
Я Пушкина беру.
Евгения¹ все фразы
Мне были по нутру.

В твоих руках увидел
Там “Горе от ума”².

- Грибоедовым будешь! –
Сказала мне сама.

Охотников до книги
Немало, пруд пруди.
И все ж мы покупали,
Хоть бедность впереди.

Читающие дети
Забыть могли еду.

¹ Главный герой поэмы Пушкина.

² Комедия А.С.Грибоедова.

И с начатою книгой
Носились, как в бреду.

Хранили мы обычай:
Не соблазнит и мед.
Равнялись на великих,
Что стыд не разберет.

Равнение на славных
Никто не осуждал.
И в нас жила надежда,
Где дух нам помогал.

Тогда “моей Татьяной”¹
Посмел Тебя назвать.
Отвергнув псевдонимы,
Могла в упор стоять.

Взмахнув рукой, сказала:
“Зовите Халимой!”
Но мне дала Ты имя,
Что было в лад с мечтой.

Потом договорила:
- Все ж Пушкин далеко.
Грибоедовым будешь,
Что тоже нелегко! ..-

Еще письмо на почте
Я взял, оторопев.
Припомнив вновь надежды,
Читал как твой напев:

“Живем мы на Лубянке,
Где есть наш общий дом.
Военная цензура:
Читали все с умом.

¹ Персонаж поэмы «Евгений Онегин» А.С.Пушкина.

Метро там остановка
Есть “Чистые пруды”.
Главпочта недалеко,
Пешком легко дойти.

Мы из солдатских писем
Язык свой¹ отобрав,
Проверку производим
По мере своих прав.

Вникая в эти письма,
Читаем целый день:
То радостны бываем,
То грусть наводит тень.

Кому-нибудь награда –
Мы радуемся все.
Когда боец повержен, –
В печали, не в красе.

Оглядываюсь вправо
Раз десять у метро.
Там Грибоедов смотрит,
Поднявшись в полный рост.
Порою подбегаю
И глажу пьедестал,
Как волосы живые,
Чтоб тоже славным стал.
Во мне то неспроста!”.

Так нежно Ты писала
В письме одном ко мне.
Слова твои запали
На память в глубине!

Когда мы были вместе,
Ты гладила меня.

¹Язык свой – в смысле письма, написанные на разных языках. В период ВОв для проверки фронтовых писем около ста девушек разных национальностей были военными цензорами. Халима была одной из них.

От той сердечной ласки
Я не сходил с коня.

Ты баловала в жизни
Меня подстать дитя.
Теплом души согретый,
Достал свой пьедестал.

Хотя не Грибоедов,
По-своему в чести.
Тебе уж доводилось
Все трудности нести!

Увидев в старом томе
Писателя портрет,
Твой слова живые
В стихах возвел на свет.

Все лучшее, что было,
Как довести вполне?
При жизни не закончу,
Но встретиться бы мне!

* * *

Ты помнишь, Халима,
Походы на базар?
Наполнив сеток две,
Едва брели назад.

Не уступая мне
Из сеток ни одну,
Твердила: "Сердце, сердце".
Как-будто враз согнусь.

Тогда я по судьбе
Инфаркты перенес.
Наложен был запрет
На груз – вот перекося!

Сердечные врачи
В заботе обо мне
Сказали: “Три кило,
Не поднимать извне!”

Две сетки в двух руках
Сама несла домой.
Позволить не могла,
Чтоб я помог, больной.

- Когда иду с тобой,
Мне пуд нести не в счет! –
Шутливо изрекла.
Взбешен был я, как чёрт.

Сердился от стыда,
Что руки так пусты,
Что после на твоих
Появятся рубцы.

- Тогда иди вперед,
Как-будто кто другой.
Спокойно, без расстройств
Пойду сама собой, –

Сказав мне просто так,
Поставила свой груз.
Остановившись тут,
Я чувствовал не грусть.

Вдвоем мы в тот момент
Вступили в легкий спор.
Те шутки по душе
Я помню до сих пор:

- Обычно называл:
О, солнышко мое!
Но некто скажет вдруг,
Что в рабство ввел ее!” –

- Рабыней быть могу,
Когда любовь во мне.
Для женщины с умом
Иного счастья нет!

Молва не в силах в нас
Любви поколебать.
Любовь в груди царит –
И это благодать!

Молва не в силах в нас
Любви поколебать.
Как Родину, любовь
Готова защищать!

Сочувствие душой
От рабства далеко!
На улице давай
Не рассуждать легко. –

Похлопав по плечу,
Ты завершила речь.
Какое счастье все ж
Не смог я уберечь!
Здесь сетки в руки взяв,
Ты подарила взгляд.
Мне было суждено
Так с ангелом стоять.

Судьба, такой момент
Не возвернешь назад?!
Во благе был, за что
Я бесконечно рад!

Уж тысяча вот дней
Я прошагал один, **Халима!**

Без ангела души
Хотя и не кретин, **Халима!**

Опора в жизни есть
Одна моя любовь, **Халима!**
При имени Твоем
Трепещет в сердце кровь, **Халима!**

80

Откровение

С пути однажды я сбивался:
Признался откровенно в том.
Но не позволила в отместку
Себе раскаяться потом.

Хотя и мучила обида,
Смогла оплошность мне простить.
На сердце ревностное пламя
Сумела вскоре потушить.

- Об этом никому ни слова, -
Предупредила, - не сболтни! –
Отныне мне порукой честность
Была, коль в близости одни.

За пятьдесят четыре года
Ни разу не пришлось краснеть.
Ты до конца совместной жизни
Смогла со мной лишь прогореть!

Немало женщин есть на свете,
Готовых на любой скандал.
Лицо царапают не те ли,
Коль муж случайно обижал?!

Хотя земля вдруг затрясется,
Не изнывалась надо мной!
Жена бесценная старалась,
Любя, прикрыть проступок мой.

Тебе не нравились нисколько
Излишней славы крик и шум.
Умом, характером, делами
Полна добра, как толстосум.

Была одной из лучших женщин,
Кого прозвали золотой.
В двадцатом веке, айналайын!
Пред духом, Халима родная,
Склоняюсь низко головой!

Тоску наружу выдавая,
Уменьшить тяжесть удалось.
На этом песню – плач закончу,
Что спеть сегодня довелось.

22-24.04. 2004.

81

Три года

Золотое Твое сердце
Воссияло от любви:
Человечности премного,
Уважение в крови.
Вся прекрасная по виду
И ума не занимать.
Поведение на людях
Твоей совести подстать.

Если Ты бывала рядом,
То сопутствовал покой.
Если пить мне подавала,
То напиток был с душой.

Вот прошли уже три года,
Как тоскую по Тебе.
Я повержен “слепотою”,
Что не вижу при мольбе.

Грудь мне распирает горе
И в глазах одна печаль.
Не взойти на ту вершину,
Где находишься, а жаль!

В беспокойстве жил три года,
Воздвигая твой Кумбез.
Все равно я не считаю,
Что исполнил долг свой весь.

Ты дарила смех и радость,
Подарила мне детей.
Сколько б жизнь не продолжалась,
Быть в долгу любви Твоей!

27.07. 2004.

Очередное письмо

Находясь на дальнем фронте,
Знал, что ждешь в Москве письма.
Хоть, дойдет мой треугольник,
Беспокоилась, как мать.

Отправляю ныне письма
От Земли, где мирный фронт,
Где живущие здесь люди
Знают радость и урон.

I

Мы столетие кончины
Отмечали в эти дни,
Как Абай, простившись с миром,
На том свете стал сродни.

Посвящая этой дате,
Ас¹ устроил брат Мухтар.²
Уважаемые люди
Собрались: и млад, и стар.

Говорили люди речи,
Славя гения перо.
Как Иртыш наш в половодье,
Заливались все порой.

Также мне досталось слово
На поминках тех больших.
Вспомнил о твоём завете,
Что сказала в скорбный миг:

- Ты не знаешь сур корана.
Пусть заменит их Абай.
Из его стихов любые,
Как молитву, прочитай! –

- Я читаю, посещая,
Из Абая наизусть.
Завещание супруги
Свято так хранится пусть! –

А Тебя на этом асе
Громогласно помянул,
Словно в вечности любви
Вновь прилюдно присягнул.

II

Поминки годовые
Прошли у Турсынхан.
Четыре ее дара
Мы возвели, как сан.

¹Ас – поминки.

²Мухтар Кул-Мухаммед.

Певица, поэтесса,
Ученая и друг, -
Те качества, которых
Познали все вокруг.

Довольный за Сабита¹,
Я тоже говорил:
О ней, как о народной
Любимице твердил.

III

На асах и тоях иных
С ровесниками пребываю.
Повсюду, ладони раскрыв,
По-своему благословляю:

- Земля, что на карте Казахстана,
ДА БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧНА!
Страна, что на этой земле находится,
ДА БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧНА!
Матери, которые казахов:
Рожают,
Взрастили,
Умножают,
Окрылили,
ДА БУДУТ БЛАГОПОЛУЧНЫ!

Дети, рожденные матерями,
ДА БУДУТ БЛАГОПОЛУЧНЫ!
Выросшие из детей джигитами,
На коне крепко сидящие азаматы
ДА БУДУТ БЛАГОПОЛУЧНЫ!
Родной язык, сохраняющий
Казахский народ на уровне нации,
ДА БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧЕН!
Определяя внутреннюю и внешнюю

¹Писатель, поэт, драматург, лауреат международной премии имени М.А.Шолохова Сабит Досанов – названный сын Турсынхан Абдрахмановой.

Политику Государства,
Избавляя от столкновений,
Отводя от воин,
Ведущий народ к расцвету
По мирной стезе вперед
Наш Президент Нурсултан
ДА БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧЕН!

Ученые люди, поднимающие все выше
экономику,
культуру,
искусство страны,
ДА БУДУТ БЛАГОПОЛУЧНЫ!
Пусть все сказанное неуклонно сбудется!
По-казахски говоря,
Кабыл болсын!¹
По-арабски прозвучит:
- АМИНЬ! –

* * *

Дорогая Халима,
Спутница до гроба.
Передал покамест все,
Где причастны оба.

Еще немало впереди
Делов, что поручила.
Мне в жизни надо преуспеть
За то, что разлучила.

22.09. 2004.

Перевод с казахского Мурата Султанбекова.
Журнал «Абай» №2, 3 за 2006 год.

¹Пусть исполнится.

ҚҰТТЫҚТАУ ХАТ
Мұрат Рақымжанұлы СҰЛТАНБЕКОВКЕ

Аса қымбатты Мұрат інім!

Сізді 70 жылдық мерейтойыңызбен шын жүректен құттықтаймын.

Сіз ұлы орыс тілін өз ана тіліңіздей меңгеріп, қазақ әдебиеті туындыларының шетелдерге шырқауына елеулі үлес қосып келесіз. Әсіресе, Абай өлеңдерін, Абай баласы Ақылбайдың «Дағыстан» поэмасын, Абайдың ұлы інісі Шәкәрімнің «Қалқаман-Мамыр», «Еңлік-Кебек» поэмаларын орыс тіліне тамаша аударуыңыз әдебиетіміздің алыптарын сырт жұртқа танытуда табысты еңбек болды. Сіз аққу қанатты орыс тіліне аударған ол шығармалардың енді өзге тілдерде де самғауы сөзсіз!

Әдебиетіміздің алыптарын аударған үлкен аудармашы Сіздің менің «Мәңгілік махаббат жыры» деген қарапайым кітабымның «Халимаға хат» бөлімін орыс тіліне ойдағыдай аударып, аруақты «Абай» журналына жариялатқаныңызға тәнтімін. Мың рахмет Сізге! Қазақ әдебиетінің халықаралық абыройы үшін ұзақ жасап, жемісті еңбек ете бергейсіз.

Шыңғыстау тәрізді тамаша талантыңызға бас иіп, бала-шаға, құрметті келін бәріңіздің әмісе аман-саулықта болуларыңызға тілектестік білдіремін.

Сіздің ерен еңбегіңізді ерекше бағалап, тойыңызды ойдағыдай өткізіп жатқан дос-жолдастарыңызға, қала мен облыс басшылығына алғыс сәлемімді жолдаймын.

Зор құрметпен,

Әзілхан НҰРШАЙЫҚОВ,
Қазақстанның халық жазушысы,
Абай атындағы мемлекеттік сыйлықтың лауреаты,
А.А. Фадеев атындағы халықаралық
сыйлықтың лауреаты;
М.О.Әуезов атындағы Семей университетінің
Құрметті профессоры.
Алматы,
14.01.2008 жыл.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО

(Вместо послесловия)

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Мурату Рахимжанулы СУЛТАНБЕКОВУ

Многоуважаемый, мой младший брат Мурат!

Вас от чистого сердца поздравляю с 70-летним юбилеем.

Вы, овладев великим русским языком, как своим родным, вносите заметный вклад в дело распространения творений казахской литературы в других странах. Особенно успешным трудом в ознакомлении с титанами нашей литературы других народов стали ваши прекрасные переводы на русский язык стихов Абая, поэмы Акылбая сына Абая «Дагестан», поэм великого младшего брата Абая Шакарима «Калкаман и Мамыр», «Енлик и Кебек». На русский язык с лебедиными крыльями переведенные вами эти произведения теперь и на других языках, безусловно, воспарят в свободном полете!

Благодарен как большому переводчику титанов нашей литературы за то, что Вы, удачно переведя на русский язык раздел «Письма Халиме» из моей скромной книги «Песнь вечной любви», опубликовали в досточтимом журнале «Абай». Тысячу раз спасибо Вам!

Желаю долгой жизни и плодотворной работы для международного авторитета казахской литературы.

Склоняя голову перед, словно Чингистау, вашим прекрасным талантом, детям, семейству, достопочтенной снохе выражаю пожелание в том, чтобы все были в полном здравии.

За то, что, особо оценивая ваш значительный труд, проводят на достойном уровне юбилей, шлю благодарственное приветствие вашим друзьям и товарищам, руководству города и области.

С большим уважением

Азильхан НУРШАИХОВ,
народный писатель Казахстана,
лауреат Государственной премии
имени Абая, лауреат международной
премии имени А.А.Фадеева,
Почетный профессор Семейского
университета имени М.О.Ауэзова.

Алматы,

14.01.2008 год.

(Перевод с казахского наш – М.С.)

Личная печать А.Н.

Данное письмо в оригинале на казахском языке опубликовано в газете «Семей таңы» от 24.01.2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИРИКА

МАТРОССКАЯ МУЗА

Весело, как с парашютной вышки.....	6
Тревога.....	6
Ответ на песню «Мы вас подождём».....	8
Новогодняя вахта.....	8
Заслужил.....	9
На службе флотской.....	10
На рыбалке.....	10

РОДНАЯ ПОЛОСА

Выпускники школы.....	11
Буду рад.....	12
В школе.....	13
Улица Комиссарская.....	14
Звезда. БРАТУ САМАТУ.....	15
Открытка.....	15
Приобщение к театру.	16
Возвращение птиц.....	17
Молодое лето.....	18
В осеннем парке.....	19
Осень на иртышском острове	20
Старожил.....	21
Прощание с театром.....	22
Ещё одна зима.....	23
Первые друзья.....	24
Ожидание весны.....	25
Возвращение в Прииртышье.....	25

За Иртышом.	27
Дорога.....	28

ЗВЕЗДОЙ ОСЕНИТ...
(ПОСВЯЩЕНИЯ)

Слово об улане Машрапе.....	30
Незабвенный Зарыкбек.....	31
Помня о Турлыхане Касенулы	32
Братьям Даукеевым.....	33
Ризе Молдашевой – в память о Бекболате.....	34
Вспоминая Сулеймена Накышулы Уйсумбаева.....	35
Звезда Жакии Чайжунусова	36
К 50-летнему юбилею Каюма Мухамедханова.....	37
Саламалейкум, Герман Титов.....	38

Цикл стихотворений о Мухтаре Ауэзове

Прощание с аулом.....	40
Приезд в Семипалатинск	41
Первый спектакль в степи.....	42
На иртышском ветру	44
К новой эпохе.....	45

Из цикла «Материнское сердце».

Обновление.....	46
Возвратился.....	47
Первый снег.....	47
Прощание с матерью.....	48

ЗА ГОРИЗОНТОМ

• (Стихи разных лет)

Родной дом.....	48
-----------------	----

Новогодние звезды.....	49
Эхо детства.....	50
Наш Достоевский.....	50
Тропа к Абаю.....	51
Ильяс Джансугуров.....	52
У памятника Мухтару Ауэзову.....	53
На тое Абая	54
Линия судьбы	55
Немало вех.....	56
На перроне	57
Мирный город.....	58
В дружбе и согласии.....	58

ПОЭМЫ

Окно соклассницы.....	61
Моряк с крейсера «Киров»	83
Защищая город на Неве	86
Батыр Мамай хана Аблая.....	90
За стезёй Абая.....	95
Живи во славу, Астана	99

ПЕРЕВОДЫ

АБАЙ КУНАНБАЕВ

(1845-1904)

Времена года	
Лето.....	104
Осень.....	105
Зима.....	106
Весна.....	107
Стихи Абая о четырёх временах года.....	109

ЛИРИКА

Безветренной ночью луна.....	128
Не исцелить.....	128
Сколько б тебя ни хвалили.....	129
Тикают часы.....	130
Жила одна красotka во дворце.....	130
Сердце моё.....	131
Что чувствуешь, сердце, скажи-ка.....	132
Становятся тени длиннее.....	133
Н.Алексеев. Открытие Абая продолжается.....	134

ШАКАРИМ КУДАЙБЕРДИЕВ

(1858-1931)

Поэтам.....	136
Песня, в которой новейший мотив.....	137
О молодости.....	139
О старости.....	143
Насихат.....	145
Песни, которые спел для себя после кончины Абая.....	148
В году овцы.....	152
Наступит лето, отселив невзгоды.....	154
Плохих казахов нет в помине.....	155
Мечта.....	155
Мулла гяуром назовёт чужого.....	157
Простишь иному недостатки.....	158
Бездушным став, обрёл какую пользу?	158
И я уйду, навечно сгину	159
Три вида жизни знаю	159
Мысли на горной вершине	159
Вначале охота	160

Владею тюркским	161
Ноль	162
Поверь науке	162
В какой-то год	166
Казах в зеркальном отражении	167
Иные вторят	169
Не подходите близко	169
Ничоём мне словопрение.....	171
Прощай	171
Лейли и Меджнун. Поэма	173
Об основных датах в творческой биографии Шакарима Кудайбердиулы.....	230
Миржакуп Дулатов. Наурыз.....	236
О поэме Акылбая «Дагестан»	237
Каюм Мухамедханов и Такен Алимкулов	238
Акылбай Кунанбасв. Дагестан. Поэма.	239
Каюм Мухамедханов. Считая дни, сидели мы в темнице.....	255
Первому учителю	256
Несипбек Айтов. В поисках встречи (Каюму Мухамедханову).....	256
Азильхан Нуршаихов. Песнь вечной любви. Поэма. Письма Халиме.....	259
Электронное письмо (вместо послесловия)	439

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

Чайки Прииртышья

Стихи, поэмы, статьи и переводы
Избранное

Редактор Олжас СУЛТАНБЕКОВ
Дизайнер-верстальщик Фарид КАРСАКОВА
Корректор Кульзада МАГАУИЯКЫЗЫ
Компьютерный набор Умит ШЫБЫКБАЕВА

Цена договорная
Отпечатано с готовых диапозитивов
Отпечатано в ПК «Семей Печать»
Тел.: 56-62-18

**Мурат Рахимжанулы Султанбеков с внуком Аміром Ержанулы.
Астана. Лето 2010г.**

**У полотна Ж. Кайрамбаева
“Провозглашение Аблая ханом” (2009 г.),
находящегося в фойе Дворца Независимости.**